

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:

М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)

А. Г. Байбородин (Иркутск)

А. В. Болдырев (Курск)

А. В. Кирилин (Барнаул)

В. М. Костин (Томск)

А. К. Лаптев (Иркутск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Р. В. Сенчин (Екатеринбург)

М. А. Тарковский (Красноярск)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов

ответственный секретарь

Максим Долгов

и. о. начальника отдела художественной литературы

Марина Акимова

редактор отдела художественной литературы

Михаил Косарев

начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов

редактор отдела общественно-политической жизни

Верстка: **О. Н. Вялкова**

Корректурa: **М. Н. Долгов**

8/2017

Содержание

ПРОЗА

Андроник РОМАНОВ. Джекпот. Рассказ.	3
Владимир КРЮКОВ. В дороге. Рассказы.	12
Татьяна КАТЕРОВА. Записки переводчицы, или Петербургская фантазия. Повесть. Окончание.	30
Владимир ЕСЕЛЕВИЧ. Ворона. Рассказ.	98
Владимир СМОЛЁВ. Кубайкино наследство. Рассказ.	112

ПОЭЗИЯ

Валентин НЕРВИН. Ангелы боли. Стихи.	6
Александр ДЕНИСЕНКО. Колхозная лошадь Звезда. Стихи.	23
Антон МЕТЕЛЬКОВ. «Сад металлостов». Стихи.	95
Сергей РОДИН. Дневное начало. Стихи.	110

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Виктор РОЖКОВ. Наследники Киприана. Повесть. Продолжение. ...	120
--	-----

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Петр МУРАТОВ. Книга как путь в бизнес. <i>Записки «интеллекта»-предпринимателя.</i>	151
Владимир СЕДЫХ. Коммунизм в дебрях сибирской тайги.	164

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексей ГОРШЕНИН. Воспевая и славя жизнь. <i>К 100-летию со дня рождения И. М. Лаврова.</i>	177
--	-----

Картинная галерея «Сибирских огней»

Юлия ФЕДОРИЩЕВА. Из наследия Первой Всесибирской выставки 1927 года.	187
--	-----

<i>Авторы номера</i>	191
----------------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор-руководитель ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни» М. Н. Шукин.

Андроник РОМАНОВ

ДЖЕКПОТ

Р а с с к а з

Лукин шел домой, не обращая внимания на мартовские лужи. Гриппозный холодок в дырявом ботинке уже не раздражал. Мокрый носок успел стать частью вчерашней жизни, мрачное течение которой закончилось раз и навсегда после того, как банкомат в соседнем супермаркете, одарив Лукина пяти тысячной купюрой, выплюнул чек с остатком на счете.

Лукин сорвал джекпот — выиграл миллион. Неделю тому назад в это же самое время он мял в кармане сторублевку, вяло пытаясь отговорить себя от покупки лотерейного билета, а вчера в офисе «Гослото» у него попросили номер банковской карты.

Осторожно вынув купюру из банкомата, Лукин вспомнил данное себе накануне обещание бросить пить и даже не повернулся в сторону винно-водочного отдела, куда при подобных обстоятельствах ему следовало бы отправиться первым делом.

Еще сопливым учеником, таща домой потяжелевший от двоек брезентовый портфель, он воображал, что когда-нибудь станет кем-то важным — знаменитым спортсменом или космонавтом — и покажет им всем: математичке, отличнику Валерке Сомову и особенно Ирке Пичугиной, как они ошибались на его счет. Однако тридцати прошедших с тех пор лет хватило лишь на ПТУ и передающийся от отца к сыну навик устроиться на низкооплачиваемую работу в одно из управлений жилищно-коммунального хозяйства Кунцева. Ирка Пичугина родила Сомову близнецов, математичка на старости лет переехала в «Столбы», а Лукин так и остался — мечтателем с брезентовым портфелем. Теперь, правда, портфель назывался сумкой электрика и его можно было носить на плече.

С годами Лукин становился все суше и ниже ростом: «беленькая» брала свое. От взъерошенной каштановой шевелюры на его голове осталась лишь кепка. Лет двадцать тому назад родители переехали к родственникам на Алтай, отписав Лукину крохотную однокомнатную квартиру покойной бабушки Вали.

Семьи у него не было. Вернее, она была давным-давно. Из родительской квартиры в однушку Лукин переезжал со своей беременной Настей. Мальчишка — Сашка, Александр — родился с врожденным пороком сердца. Шустрый такой, веселый мальчик. И симпатяга каких поискать. В полтора года — они тогда с Настей две недели пролежали в детской кардиологии — Сашку даже фотографировали для какого-то медицинского журнала. Только его. Остальные вертелись и капризничали. Лукин не помнил, чтобы Сашка плакал. Подаст голос — и ждет. Терпит.

Такой вот был маленький мужичок. Когда начал ползать, все норовил залезть куда-нибудь — то за диван, то за дверь между кухней и коридором. Заползет и сидит себе тихо-тихо.

Медицинские светила, до каких удалось дотянуться, Сашке не помогли. Не дожив недели до своего второго дня рождения, он умер. Во сне. Тихо, никого не побеспокоив.

После того как его отвезли на Митинское кладбище, Лукин запил. Месяц в осиротевшей квартире стояла тишина. Лукин с Настей почти не разговаривали. Дошло до того, что он купил раскладушку, поставил ее на кухне и спал теперь там. Вставал ночами покурить, чтобы по дороге в коридор заглянуть за дверь, а вдруг... Настю это бесило. Она срывалась на крик всякий раз, когда замечала, что он это делает. Горе разрубило семью надвое. Настя уехала в Питер. Лукин остался один — с диваном, на котором пеленали Сашку, с дверью, за которой он прятался...

Все минувшие годы Лукин, казалось, мстил квартире, в которой жил, за то что самим своим существованием она не давала ему забыть о прошлом.

Теперь нерастраченную нежность он отдавал Муське — худющей беспородной кошке, подобранной им осенним вечером на дороге, аккурат напротив «Магнолии», откуда выходил груженный литром дешевой «Белочки».

Не везло Лукину и с друзьями. Школьный приятель Серега Варламов, севший по малолетке за украденную в магазине джинсовую куртку, сгинул навсегда где-то под Саратовом, остался в девяностых веселым жизнерадостным авантюристом. Соседа по лестничной площадке пенсионера Егорыча, с которым частенько выпивал, Лукин другом не считал и мрачно матерился всякий раз, когда тот по пьяни лез к нему обниматься. Жизнь казалась бессмысленной и однообразной, как привычка бриться или курево — сначала интересно и даже в кайф, а потом давишься кашлем, морщишься и все же тянешься за новой сигаретой.

Лукин шел по грязному асфальту, по комьям размокшей земли мимо строительной площадки панельного семнадцатиэтажного дома и думал, что вот теперь он начнет новую жизнь: купит костюм, найдет приличную работу и заживет по-людски. Как это — Лукин пока не знал. Впервые в жизни он мог все: прийти в контору к обеду, послать наконец-то начальника туда, куда и хотел, уехать в Сочи. Или в Крым. Он всегда хотел жить у моря. А что? Продать квартиру и купить дом в Алуште, перевезти туда стариков: морской климат в их возрасте — самое то... И обязательно завести друзей. Не таких дебилов, как Егорыч, а настоящих, типа Сереги Варламова. Лукину до зарезу захотелось с чего-нибудь начать — он расстегнул пальто, стянул с головы и сунул в карман кепку. Вот так, подумал он, теперь мне никто не указ.

Чем ближе Лукин подходил к своей старенькой девятиэтажке, тем длиннее становился список его новых невероятных возможностей. С хотелками он не спешил, решив про себя выложить весь, так сказать, асортимент на прилавок. Расписанные плесенью и матом стены подъезда встретили Лукина неожиданной смесью запахов: в привычный микс кислотыны и сырости кто-то, поднявшийся недавно по щербатым ступеням к лифту, добавил легкую каплю жасмина. Новая жизнь, улыбнулся Лукин.

Остаток субботнего вечера он провел за кухонным столом, вписывая в нарисованную в школьной тетради таблицу предстоящие события и покупки. Время от времени откладывал ручку, брал в руки черный планшетный компьютер, купленный по случаю годовой премии, открывал поисковик, переходил с сайта на сайт, смотрел цены.

С домом в Алуште не получалось. Запрос выдал ссылки на объявления со знакомыми московскими ценами. Лукин расстроился и, как был в дырявом махровом халате на тощее голое тело, вышел на лестничную площадку покурить. Новая жизнь не клеилась. Ему хотелось, чтобы все было сразу без сучка и задоринки, а тут, значит, такое дело... Ладно, подумал Лукин, попробуем по-другому.

Вернувшись на кухню, он набрал в поисковике: «Купить дом в Крыму недорого». Минут через пять нашлось подходящее объявление: «Продается дом с гаражом в Алушке у леса, 80 квадратных метров, участок 2,5 сотки. 15 минут пешком до моря и Воронцовского парка. 4 200 000 рублей».

Вот это другое дело, пробубнил Лукин. Его однушка, значит, стоит четыре — четыре с половиной. Тем более дом под снос. Можно даже за пять... Плюс выигранный миллион — как раз на переезд, мебель, ну и... на первое время. Тарелочка с голубой каемочкой, мать ее... Лукин хитро улыбнулся. Теперь все сходилось, можно было ложиться спать. Он сунул ручку в карман, щелкнул выключателем и пошел в комнату.

Скинув халат на стул, полез по скрипучей тахте под одеяло, лег, поправил под головой подушку и взялся опять за планшет — почитать новости. Первые были про Крым. «Американцы не собираются отменять санкции из-за Крыма»... Просматривая заголовки и анонсы, он спускался по новостной ленте вниз — от событий в международной политике к местечковым потугам, высосанным журналистами из того самого указательного пальца, и ниже — к сплетням о светских бездельниках, в самую желтую желтизну и откровенный бред. «Почему Хрущев не дал разрушить бандеровское подполье», «В Африке обнаружен древний ядерный могильник возрастом 2 миллиарда лет», «Белоруссия отдаст долг за газ продуктами»...

В подвале новостной ленты — видимо, так, на всякий случай, как иконка на бардачке, — стоял баннер благотворительного фонда, настолько узкий, что его ширины едва хватало на пол-лица бледного большеглазого ребенка и фразу, вернее вопрос: «Почему нужно помогать?» Раньше этого баннера здесь не было.

Ну и почему нужно помогать, пробормотал Лукин и нажал на баннер.

Мобильный Интернет притормаживал, сайт открывался долго, загружая медленно, сверху вниз, титульную картинку — черно-белое фото ребенка. Сначала показалась макушка, потом челка, брови, глаза... Лукин замер. Экран поплыл, заголовки с картинками задрожали. Лукин стирал слезы ладонью, но их не становилось меньше. На него смотрел Сашка большими удивленными глазами маленького смелого человека. Смотрел оттуда, где он еще живой, где они еще вместе — мама, папа и сын.

Лукин выключил планшет. Теперь он точно знал, с чего начнется его новая жизнь.

Валентин НЕРВИН

АНГЕЛЫ БОЛИ

* * *

Иногда ночами снится
и покоя не дает,
будто молодости птица
перелетная поет.
Было времечко вначале,
было дело, да прошло —
поперек былой печали
много водки утекло.
Годы в памяти маячат,
и дорога далека,
по которой птицы плачут
и кочуют облака.

Август

С. С.

Удивительная пора
обретения и утрат:
стол накрыт посреди двора —
дыни, яблоки, виноград...
Это август.
И что с того,
что ни в будущем, ни в былом
не останется никого
из пирующих за столом?
По Вселенной, куда ни кинь,
разольется наверняка
одуряющий запах дынь
из далекого далека.
Время путает адреса,
но от лета на волосок
заблудившаяся оса
пролетает наискосок.

На птичьем языке

1.

Когда брожу в лесу,
 особенно под осень,
 осмысливая свой
 несправедно-земной,
 гляжу на листопад,
 и птиц разноголосье
 нисходит на меня,
 восходит надо мной.
 Пора бы поумнеть,
 а все не понимаю,
 что наши голоса
 ломают звукоряд,
 а те, кого я знал,
 и те, кого я знаю,
 на птичьем языке
 со мною говорят.

2.

Наутро,
 но еще пока ты спишь,
 как бабочка ночная обессилев,
 пространство сна пересекает стриж,
 стригущий небо ножницами крыльев.
 И скоро
 ты проснешься налегке,
 поняв по интуиции, что это
 Бог говорил на птичьем языке,
 наивно отделяя тьму от света.

Звезда

К утру холодает.
 И чудится вроде,
 костер догорел, а звезде невдомек,
 что недолговечная ночь на исходе —
 кукушка молчит и горчит кофеек.
 Любимая,
 нам уходить в одиночку,
 но я тривиально доволен судьбой:
 есть пара минут на хорошую строчку —

на память,
 которая будет с тобой.
 Сейчас я достану заветную фляжку —
 налей до краев и звезду не туши:
 возможно, судьба предоставит поблажку
 на время любви,
 на пространство души.

В минуту одиночества

В минуту одиночества, когда
 ни соловья тебе, ни Алконоста,
 погашены, похоже, навсегда
 все фонари у Каменного моста.
 Исчерпан кратковременный лимит,
 отпущенный для маленького счастья;
 один ВоГРЭС по-прежнему дымит,
 как при любви и при советской власти.
 У прошлого надежная броня:
 я понимаю, что на самом деле
 дым иногда бывает без огня,
 а соловьи давненько улетели.
 И вот стоит, поплеывая вниз,
 перебирая годы и невзгоды,
 почти мифологический Нарцисс,
 глядящийся в отравленные воды.

* * *

Птица низкая, небыстрая —
 до нее рукой подать,
 а на расстоянии выстрела
 даже пули не видать.
 Грани воздуха алмазного
 поневоле отсекли
 то ли гром от неба ясного,
 то ли небо от земли.
 Только птица неубитая
 все летит наперерез
 отражению, забытому
 на краю моих небес.

* * *

Под занавес лета Господня
тепло не дается в кредит.
На Русской равнине сегодня
рассерженный воздух гудит.
Я чувствую, как поневоле
природа сдается под ключ
и мечутся ангелы боли
и молнии мечут из туч.
Душа в дождевой паутине
состарилась и замерла.

Сегодня на Русской равнине
кончается время тепла.

* * *

Последние сполохи бабьего лета:
уже никогда не забудутся эти
глаза изумрудно-зеленого цвета
и запах осенней листвы на рассвете.
Высокие звезды бродили ночами
по самому краю поры листопада
и пересекали косыми лучами
пустые аллеи Нескучного сада.
Планета вращается, и ненароком
на все невозможные стороны света
летят, отраженные стеклами окон,
последние сполохи бабьего лета.

* * *

Хочется праздника! —
и по старинке,
после недолгих застольных трудов,
я с антресоли достану пластинки
семидесятих прикольных годов.
Помнишь, когда-то под музыку эту,
по-человечески навеселе,
солнечный зайчик плясал по паркету,
так что дрожало вино в хрустале?

Море судьбы не всегда по колено —
годы и беды пошли на-гора,
но повторяются песни Дассена
и Ободзинский поет, как вчера.
Что-то забудется, но поневоле
музыку памяти я сохранил.
Хочется праздника! —
и с антресоли
я достаю благородный винил.

* * *

Отчего, скажи на милость,
на какой такой предмет
этой ночью мне приснилась
песня юношеских лет:
там, красивая такая,
отражается в трюмо
и поет не умолкая
Сальваторе Адамо.
Только время априори
человеку не судья —
Сальваторе, Сальваторе,
спета песенка твоя.
Что упало, то пропало;
мы не выкрутимся, но
даже то, чего не стало,
в зеркалах отражено.

* * *

На фоне заката,
на лоне природы
мы жили, казалось, у края земли,
когда по фарватеру шли пароходы
и сонные воды, как время, текли.
Судьба нагадала
навек проститься,
и мы выпадали из времени, где
над нами летали красивые птицы
и тени сновали по легкой воде.
Чем дальше по жизни,
тем сумерки ближе —
махни на прощанье рукой вдалеке.
Во сне запоздалом однажды увижу
огни парохода на тихой реке.

* * *

Отчего я сегодня с утра
заплутал у полоні печалі?
Даже спирт не идет на ура,
даже мысли во мне одичали.
То ли шапка на воре горит,
то ли дух по этапу восходит,
но постылая плоть говорит,
а пытливая кровь колобродит.
За душой — не копеечный флирт,
не пустая вода из-под крана,
а живой, неразбавленный спирт
из граненого злого стакана.
Разлетаемся...
Et cetera,
по закону всемирной печали.
Не о том ли сегодня с утра
перелетные птицы кричали?

* * *

Когда, повторяя речные изгибы,
певучие звезды летят с высоты,
на сушу выходят летучие рыбы,
забытые сны
и живые цветы.
Увы, никакой эпохальный философ
ни в общем зачете, ни сам по себе
еще не решил окаянных вопросов
о жизни и смерти,
любви и судьбе.
Я знаю, уходят и люди, и реки,
державы и сны рассыпаются в прах,
но было от века и будет вовеки:
Земля — на китах,
а любовь — на цветах!

Владимир КРЮКОВ

В ДОРОГЕ

Р а с с к а з ы

Гений и место

Серым днем кажется, что время вовсе остановилось. Но вот в этой густой облачности проглянет клочок неба, а там, где слой туч как будто поизносился, протерся, мелькнет солнце, и этот проблеск так взволнует! Было же что-то в тебе и — пробудилось от простого всплеска световой энергии. Стало отрадно на душе, тем более когда знаешь, что спешить куда не нужно. Можно даже сказать — вот он, образ полного покоя. И, отойдя от окна, с пониманием глядел на своего единове́рца — сибирского кота, неторопливо меняющего позы, почти не прерывая сна.

Он уже вполне казался себе стариком. Это складывалось из различных ощущений: например, стал засыпать к полуночи, а раньше острее переживалось, читалось, сочинялось именно за полночь. После шестидесяти писатель почти ничего не сложил: ни в рифму, ни прозой. Нет, раз в год его публиковали и столичные журналы, и свой, первый в Сибири. Но в нем-то как раз застряла надолго его подборка, потому что главный сибирский журнал теперь печатал стихотворцев из Канады, Израиля, Италии — бывших соотечественников. Видимо, нужно было им показать: родина помнит о вас. А наши подождут. И правда, писателя совсем не волновала эта заминка и не вызывала досады.

Наконец, с ним случилось достаточно странное, о чем не очень хочется вспоминать. Стало вообще клонить в сон, и не на диване после обеда, а где попало, в самых неподходящих местах: на редких собраниях — само собой, а то где-то в дороге: задремал на мосту, открыл глаза — чуть не проспал свою остановку. Зато нравилось ему, что он часто оставался один. Можно пойти побродить по окрестностям, остановиться где придется, держа перед глазами поля, холмы, озеро, глядеть, как заклубится в закатном свете облако, как изменится все вокруг.

И почти на всякое движение природы память откликалась любимыми строками.

Пути себе расчистив,
На жизнь мою с холма
Сквозь желтый ужас листьев
Уставилась зима.

Сейчас уже зима вошла в силу. Прогулки его стали редкими. «Лентяй, бестолочь», — говорил себе с укором. И признавал честно — стал тяжел на подъем. Давно осталась в прошлом готовность тотчас куда-то ехать. Собраться без сомнений и — в путь. Вот и на сей раз, получив по электронке приглашение на писательскую сходку, хотел выдумать какую-то причину неявки. Но местом проведения этого пленума, форума ли обозначено было Переделкино. И он поехал. Вернее, полетел.

Писательский поселок Переделкино утопал в снегу. Выходила из-под моста незамерзшая Сетунь. Может, благодаря каким-то горячим стокам? Этого он уже не узнает. Как не узнает имени смотрителя кладбища. А так хорошо с ним поговорили.

Он пошел в направлении, указанном этим человеком, и легко отыскал могилу. Именно опираясь на подсказку: будет захоронение морячка, молодого человека, на снимке — за распахнутым воротом тельняшка. А дальше — бело-грязный высокий камень на могиле Пастернака. Два темных прямоугольника по соседству — Чуковские. Постоял, вспоминая строки любимого поэта, припомнил даже предисловие Корнея Ивановича к публикации в «Юности» середины 60-х. Оттуда, наверное, и пришел он к стихам Пастернака; сборники попались только через годы. А тогда, деревенским старшекласником, он вычитал какие-то строки в книге «Маяковский в воспоминаниях современников». Ну да, кажется, эти:

Лодка колотится в сонной груди,
 Ивы нависли, целуют в ключицы,
 В локти, в уключины — о, погоди,
 Это ведь может со всяким случиться!

Он подумал о некотором преимуществе своей ситуации: «Я иду к могиле великого поэта без особых стеснений. Несу чувство в чистом виде, без всяких слов и жестов. И если покойный может видеть, то увидит открытую ему душу». Нет смущения, как перед знакомством с живым человеком, нет страха показаться нелепым, незадачливым.

Ведь был в его жизни такой случай, когда неожиданно согласился на встречу с ним известный питерский поэт. Тогда еще он не был никаким писателем и оказался впервые в удивительном городе, который с той поры стал любимым и необходимым. При любом удобном случае он бывал здесь. Так вот, тем летом, проводив из сельской школы свой выпускной класс, приехал он сюда к новому товарищу, обретенному в одном из путешествий. Он сочинял стихи, и среди современных поэтов питерский автор был им особенно любим. Телефон поэта дали в одном журнале в виде исключения, узнав, из какой дали он приехал. Сам поэт тоже отдал несколько лет школе и сочувственно отреагировал на звонок учителя из глубинки.

И вот он добрался до окраины под названием Автово. Уже на пороге квартиры сердце его загрохотало и начались оптические искажения. Поэта почти не видел и не слышал, говорил что-то невнятное, но руко-

пись свою передал. И получил подробный и совсем не формальный ответ. Переписка продолжилась, поэт стал его наставником, тем более настоящим, что не претендовал на эту роль. Он научил стихотворца из провинции серьезному отношению к слову. По крайней мере, писателю хотелось в это верить.

...Он постоял у могилы. Не спрашивая позволения Бориса Леонидовича, собрал в ладонь семена неведомого цветка — маленькие плоские сердечки со стебля, торчащего из снега. Положил в карман куртки. И захотелось пойти и сказать спасибо зрителю. Благо торопиться было некуда.

Мороз стоял необычный для столичных мест. А в сторожке было хорошо, тепло. Зритель курил, выпуская дым в форточку, оттого эти легкие обрывки табачного запаха были даже приятны. Разговорились о жизни, о том, кто живет долго. Писатель рассказал о могиле Виктора Бокова, встреченной сегодня. Собеседник полагал, что Господь дает страдальцам возмещение за отнятые тюрьмой и лишениями годы. Литератор и рад был бы согласиться, да его примеры из жизни не подтверждали это красивое суждение. Но исключения были. Он сказал о своем, материалистическом, прикладном толковании этого дела: страшные испытания кого-то просто ломают, а кого-то закаляют. Пройдя через это, человек неурядицы другого порядка, помельче, уже не воспринимает всерьез, сохраняя нервы, не позволяя себе мнительности по поводу разных болячек. То есть, миновав этот средний возрастной рубеж, поняв возможности организма, он движется дальше.

Тут постучали в дверь. Вошли две девушки, красивые с мороза, как и положено. Осторожно подбирая слова, спросили, где дом Пастернака. Зритель стал объяснять им: сейчас пройти тропой через кладбище, потом по дороге поселка...

— Да я их просто провожу, — сказал писатель, до того помалкивавший.

Зритель кивнул благодарно. Они пожали друг другу руки.

Когда пересекали кладбище, писатель указал в сторону могилы поэта. Девушки попросили его подойти ближе, и он, теперь уже вполне уверенно, повел их. Акцент выдавал в девушках людей неславянских. Может быть, Прибалтика, предположил он. Нет, оказалось. Впрочем, одна, Юлия, близко к его варианту — из Финляндии, а другая, Виктория, из Австрии. Начинаящие славистки. Он остановился в некотором отдалении, они подошли, отщелкали несколько кадров. Пойдемте? Пойдемте.

В доме Пастернака никого, кроме них, и не было. Он оставил девчонок, даже потерял их. Обнаружились они, когда тихо вошел в комнату, где умер Борис Леонидович. Они молча стояли у окна, глядя на заснеженный двор. Он сам знал за собой такое — любил побыть вот так отдельно, одиноко. И, ощутив в груди что-то теплое, благодарное, чуть не сказал вслух: «Ах вы, мои хорошие...»

Вышли на улицу.

— Читаете Пастернака по-русски?

— Читаем. Но трудно понимаем, — отозвалась Виктория; Юлия больше отмалчивалась.

Виктория спросила его о любимых авторах. Он назвал уже пребывающего сегодня рядом с ними Пастернака, прибавил Ахматову, Булгакова. Она откликнулась — читала «Мастера и Маргариту».

— А Цветаева разве не великий поэт? — поинтересовалась.

Молодец девчонка, она ему определенно нравилась. Он согласился: да, великий, однако вы же спросили о любимых.

— Да, я забыл еще Окуджаву, — добавил он.

— Не Высоцкий?

— А вам он нравится?

— О да!

Что для них Россия? Экзотика, одна из открываемых стран, до недавней поры бывшая за семью запорами. Зачем-то же выбрали они ее, узнают язык, писателей, поэтов.

Поравнялись с воротами Дома творчества. Он остановился, приобрел их на прощание:

— Доброго пути!

— Спасибо.

В номере Дома творчества было неуютно. Даже не прохладно, а холодно. Он любил прохладу, но здесь, пожалуй, чересчур. За окном комнаты слышны были проходящие с приглушенным стуком и подвывом электрички. И этот звук потянул за собой картинку из далекого теперь уже детства: юла на полу его деревенского дома. Волчки занимали у него много времени. Он мог бесконечно долго смотреть, как они вращаются почти на одном месте. Что-то китайское в этом. Покой в движении. Быть стремительным и вместе с тем недвижимым. Позже, заметив его любовь к волчкам, ему подарили большую поющую юлу. Это было вообще здорово!

Тут подтягивалось и другое воспоминание — веретено, на которое умелые руки бабушки накручивали нить, а нить эта на глазах рождалась из куска шерсти. Звук электрички потому и давал простор таким ассоциациям, что сам так расслаивался: в основе, в стремительном ритме своем был металлическим, а уже в закручивании воздуха обрастал этим живым завыванием.

Он прилег на кровать, вынул из кармана куртки плеер, наушники. «Проходит жизнь, проходит жизнь», — пел голос из его музыкальной флешки. Перед глазами все складывалось в такую калейдоскопическую картину — массовую, как у Сурикова, или массовку, как у Глазунова. Сколько людей он повидал, сколько было связано с ними надежд, обретенных, разочарований! Он выключил звук. Но теперь неотступно звучало в голове другое:

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
 Нагой, трепещущий ольшаник
 В имбирно-красный лес кладбищенский,
 Горевший, как печатный пряник.

Вспомнились девушки, возникло запоздалое желание посидеть с ними за горячим чаем пусть даже в этой неудобной холодной комнате. Вдруг представил оживленное, хитроватое лицо приятеля своих зрелых лет, который бы плотоядно разулыбался: ох, гляди-ка, раскатило старика на иноземок!

Теперь электричка шла с другой стороны: сначала гул как предвестие, потом металл прорезывался и становился главным.

«Я простыл», — понял писатель. И его охватил страх, натуральный страх вполне старческого происхождения. Он один, далеко от дома, не знает, что делать, никого вокруг не знает, коллеги в основном подтянутся к ночи или завтра. Он обшарил карман сумки, куда положил лекарства: это обезболивает, это сердечное. Ну никакого жаропонижающего, хотя бы аспирина. Ах, дубина! Тут еще этот ползучий холод, постепенно побеждающий. Стоп, стоп, возьми себя в руки, ты же не избалованный теплыми квартирами, ты же сибиряк, черт подери. Он встал, оделся, вышел из корпуса, быстрым шагом пересек парк, пошел по улице, надеясь отыскать то, что надо, и отыскал. В магазине взял чекушку водки, хлеба, колбасы и так же быстро приударил обратно.

Проходя пустынным коридором, взглядывал на большие фотографии писателей земли советской. Читал фамилии: Шундик, Крутилин, Марков, Стельмах, Гамзатов, Федин. Боже мой, один другого лучше! Никак не способствуют подъему духа, оздоровлению тела. А еще Щипачев, Закруткин, Горбачев... Озноб и дурман не проходят, и физиономии эти в меру сил содействуют тому. Впрочем, монстры прореживаются и другими лицами: Трифонов, Белов, Соколов-Микитов, Василь Быков. В комнате, не раздеваясь, сел на кровать, свинтил крышку с бутылки...

Наутро стало как будто легче. Это чисто физически. Но в уютном зале, где двумя электрообогревателями обеспечили необходимый комфорт, почувствовал он себя ненужным и лишним. И сразу нахлынула досада, на себя в первую очередь: ведь не хотел же, никак не хотел ехать. Вот и получай. В докладе главного писателя их Союза речь шла о недвижимости в столице, да и о Доме творчества в этом самом Переделкине. Все это должно принадлежать Союзу, но некие темные силы пытаются оттереть наших, отодвинуть.

Коллеги-сочинители выслушали, разделили его обеспокоенность и стали искать способы спасти положение. Вдруг неожиданным диссонансом прозвучала фраза:

— Ну ладно, москвичам есть за что побороться. Им это надо. А мы-то тут при чем?

Этот простодушный вопрос задал председатель то ли вятской, то ли костромской организации. Аккуратный такой чиновник при костюме и галстуке. Только что, перед началом заседания, он раздал всем свои визитки.

Несколько приближенных к начальству встрепенулись, запротестовали:

— Как можно такое говорить? Мы одна организация. Нас всех это должно тревожить!

Пристыдили костромского. Поиски линии поведения продолжились. Предлагалась наступательная тактика.

Сибиряк ушел в себя, ничего он не мог поделать с тем, что его никак не трогала эта история. Однако, когда вчерне сочинили обращение к правительству Москвы, он вместе со всеми проголосовал «за». Даритель визиток, кстати, тоже.

После обеда устроили чтение стихов. Писатель с интересом слушал незнакомых молодых и не очень участников форума, почитал сам и заслужил аплодисменты. Вскоре удалился в номер, растянулся на кровати минут на двадцать, а потом по-английски свалил на вечернюю улицу и подался к железнодорожной платформе.

Электропоезд прибыл к вокзалу. Он вышел из срединного вагона. Все двери были открыты, и в каждом тамбуре виднелась надпись крупными красными буквами: «Внимание: терроризм. Внимание: терроризм».

Теперь он отыскивал свою платформу, где и дождался прихода настоящего чуда. Оно называлось — аэроэкспресс. Вагон освещен мягким, но сильным светом. Пассажиров раз-два и обчелся. Уютно, тепло. Откинулся, утонул в кресле, прикрыл глаза. Болезнь, его простуда, была приостановлена. И главное, он знал, что, если она надумает возвратиться, время на его стороне. Скоро он будет дома, дома и стены помогают. А кроме стен там ждет жена, которая найдет способ вывести его из нездоровья. И кроме лекарств это, конечно, забота, самоотверженное участие. Он уже привык к такому обращению и принимал его чуть ли не сказать с удовольствием.

Вот и аэропорт, весь в огнях. И неполные два часа в зале ожидания, и посадка на самолет — все это прошло как-то стороной для сознания, почти не фиксировалось, нисколько не утомило.

Самолет набрал высоту. Писатель перекатывал во рту взлетную карамельку, смотрел в окно. Откуда-то, из этого ровного гула, обнесенного большой тишиной, возникли строфы:

За снежной густой занавеской
 Какой-то сторожки стена,
 Дорога, и край перелеска,
 И новая чаща видна.

Торжественное затишье,
 Оправленное в резбу,
 Похоже на четверостишье
 О спящей царевне в гробу.

И белому мертвому царству,
 Бросавшему мысленно в дрожь,
 Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
 Ты больше, чем просят, даешь».

Под крылом, конечно, не было видно ни дороги, ни перелеска, ни чащи, но белое царство простиралось как надо, во всю силу.

Алтайский блюз

И вот ехали мы много часов кряду. Останавливались, понятно, по нужде или курнуть. Вновь занимали места и ехали, ехали. И как влитой сидел за рулем невысокий коренастый человек, бывший чернобылец.

Пейзаж менялся вместе с освещением. Темнело — и появлялись предгорья вместо недавней бесконечной равнины с вкраплением березовых и осиновых перелесков. Уже в этих предгорьях мужчина лет пятидесяти по имени Тимофей, выходя в очередной раз размять ноги, спрашивал настойчиво: «Чуете, как легче стало дышать? И мороз по-другому переносится, а?» Никто ему особенно не поддакивал. А я думал: хорошо, что он себя так настроил, он же решил в эти серьезные годы сменить образ жизни и образ окружающего мира. Вычитав в Интернете, что тут, на Алтае, продаются участки земли, ехал их живьем увидеть, поговорить с людьми и принять окончательное решение. И теперь загодя настраивал себя, что здесь точно лучше, легче дышится в сравнении с нашей гиблой, гнилой Западно-Сибирской низменностью.

У нас — водителя Сергея, музыканта Дмитрия и меня, прилепившегося к ним, — цель была другая. Хотя Дима, видно, чтобы не сглазить, просто повторял: «Надо сменить обстановку». Вспоминалась сцена из какого-то шпионского фильма, где шеф успокаивает агента, у которого распались нервы, именно такими словами.

Наконец предгорья стали вырастать в горы. В сгустившейся темноте это было понятно по снегу, который светлел высоко наверху. Въехали в уже уснувшую деревню.

В доме, где нас должны были ожидать, света не было. Мы долбили в ворота, но так как собаки за нами не было, то тишина была нам ответом, засов не звякнул и дверь не скрипнула. Молчал, не отзываясь, и мобильный телефон хозяина.

Неуютным рисовалось дальнейшее пребывание здесь. У нас был еще один адрес, важнее сегодняшнего. Однако именно по важности своей он и откладывался на завтра. В расчете на то, что в дневном свете все предстанет выразительнее. Больше впечатлит меня, потому что другие-то уже видели и знают, куда ехали. То есть они не были непосвященными. А я был. Тем не менее ждать утра в машине никому не хотелось.

И мы решились. Выбрались из-под горки, где лежала улочка с неприветливым домом, на Чуйский тракт и оказались на маленькой площади, где кучно стояли, освещенные фонарями, крепкие магазины и то самое — и узнаваемое, и непохожее — сооружение из бессмертного фильма «Живет такой парень». Широкое крыльцо осталось, но вывески «Чайная» над ним не было. В рассеиваемой фонарями тьме вдруг проступила пресловутая полуторка — никакой не макет, а натуральный грузовик с белой надписью по борту: «Пашка Пирамидон». И сам Павел Колокольников выглядывал из кабины с портрета.

В глубине бывшей чайной светилось одинокое окно. К нему еще надо было подобраться. Черная кованая решетка закрывала вход в ограду.

Обнаружилось, что ворота не заперты. Полезли во двор, стуком и криками нарушили благословенную тишину. В недрах дома нам отозвался собачий лай.

О человеческом присутствии, однако, ничего не напоминало. Алтайская ночь, морозная, но и вправду не такая жесткая, как в нашей местности, помогала не впасть в отчаяние, в то же время и оптимизма особого не вселяла. Дмитрий на правах близкого хозяину человека провел серию крепких ударов в дверь (он и был когда-то боксером, даже кандидатом в мастера спорта). Результат — нулевой.

— Наверно, он с бабой, — привел оправдательный аргумент водитель Сергей.

Неожиданно свет в комнате вспыхнул ярче: включили еще одну лампу. Дмитрий громко назвал свое имя, расслышал голос за дверью, обрадованно сообщил нам:

— Сейчас соберется и выйдет.

Прошло минут десять. Я подумал о странном местном обычае «собираться». Что подразумевается под этим? Накинуть халат или куртку, какие-то обувки — хватило бы и пары минут. Нам не оставалось ничего другого, как терпеливо ожидать. Но вот щелкнул замок и хриплый голос предложил войти.

В дверном проеме стоял плохо различимый в неярком свете персонаж. Черная атласная рубашка, просторные черные брюки. Вполне артистический долговолосый хайер венчала темная шляпа с косыми полями. Когда он сделал пару шагов к нам, звучно отозвались на отливающем лаком полу высокие каблуки его башмаков. Вошел, цокая когтями, большой красивый пес и встал рядом. Мне, как непобедимому филологу, отчего-то пригрезилась Понтий Пилат и его собака Банга.

Хозяин подавал руку, представлялся: «Виктор» — и указывал проходить в залу. Это была действительно зала: десять — двенадцать больших столов, удобные стулья с высокими спинками. По стенам просматривались узнаваемые даже в полумраке Гэри Мур и Стив Вай, Би Би Кинг и Эрик Клэптон — матерые заслуженные джазмены.

— Рассаживайтесь, — сказал он и первым сел перед единственным стаканом пива. — Ну как? — спросил, постепенно смиряясь с возвращением из полудремы.

Полногласно и с удовольствием ответил Тимофей, заведомо самый расположенный к Алтаю:

— Охренительно.

Сказано было, как я понял, от лица всех и обо всем сразу. И о тепле, в которое мы попали. И об этой зале с настоящей эстрадой в стороне — с блеском ударных и электроорганом, над которым в светло-стальном круге рисовалась черная надпись: «Blues House»*.

Понемногу Виктор теплел, располагался к приезжим. Принес четыре чашки с кипятком и пакетики чайной заварки. Стало совсем хорошо.

* Blues House — Дом блюза (англ.).

Пес подходил приласкаться ко всем по очереди и кое-кому прикладывал голову на колени, при этом шумно вздыхая.

Тут Дима сказал, что надо бы пойти поискать того старика, не отворившего нам.

— На фиг его искать? — возразил Виктор. — Он просто спит. Он в семь часов спать ложится.

Помолчал. И вдруг поделился печальным озарением:

— Так вы, собственно, к кому приехали? Вам нужен этот старый хрен? А я что, вроде довеска, что ли?

Этот неожиданный образ меня тронул. Оказалось, не только меня. Мы принесли из машины свою большую сумку. Там были и пельмени, и колбаса, и водка. Начались приготовления к трапезе. Виктор распорядился сдвинуть вместе два стола. Кипел бульон, пельмени варились. Появились рюмки. Приняли по маленькой. Я вновь обменялся с хозяином рукопожатием, назвал себя. Остальные были с ним знакомы раньше.

Я уже знал из рассказа Димы, что Виктор купил эту приходящую в ветхость чайную и затеял в ней большой ремонт, вознамерившись устроить здесь Дом блюза и летом играть для туристов, поток которых год от году увеличивается. Пока на столах утверждались закуски, Виктор делился последними новостями.

— У меня тут были гости из районной управы. Сначала хвалили за то, что я сделал, типа, спас дом, намерен оживить это место. Потом давай подсказывать, что у меня не так. Я им говорю: никаких указаний слушать не хочу. Они мне: это пожелания. Главное, уберите доску с надписью на английском на входе — как в этом круге — «Blues House». Пусть снова будет «Чайная». Типа, люди будут останавливаться, вспоминать, ностальгия, то-се. Я им говорю: нет, ребята, у вас для того много времени было, никто не взялся. Теперь уж я по-своему замутил. И люди, думаю, ко мне тоже пойдут. Ну, говорят они, подумайте все-таки.

Он принес гитару, врубил минуса на колонки. Эта история с чиновниками показалась мне вполне знакомой. Указывать как надо, ничего не делая. Непредсказуемым было только ее возможное продолжение: все-таки времена нынче немного другие, не столь тоталитарные, как в мою юность.

Музыкант сел на табурет, пристроил гитару, прислонился щекой к грифу, потрогал струны. Погрузился в себя. Через минуту, подняв лицо, кивнул нам и заиграл. Эти звуки дошли до сердца, достали, подчинили себе. В полумраке ничто не отвлекало от музыки, и она торжествовала, взяв полную власть над нами. Я помню свою замороженность. Это был настоящий блюз!

Виктор вернулся к компании, расположился за столом, чуть сдвинув на затылок шляпу. Улыбнулся смущенно. Я только и смог, поднявшись, еще раз пожать ему руку.

Мы выпили определенную дозу и закусили пельменями. За столом не стало оживленнее, мы не заговорили, перебивая друг друга, как по-

рой бывает после принятия алкоголя. Однако это молчание вовсе не было тягостным. Наверное, каждый по-своему, но все мы чувствовали ненужность, неуместность слов.

Между тем Дмитрий незаметно отлучился и, проникнув во двор не-обязательного хозяина, достучался и разбудил его. Возвратившись к нам, предложил разделиться. Я неожиданно легко согласился присоединиться к Диме. И понял почему. Витя, конечно, готов был играть и играть, но перед тем надо было сгонять за водкой. Мне знакомы эти богемные ночи, сегодня же решительно не хотелось такого продолжения. Напротив, захотелось сберечь то, что уже случилось: мне этого хватало. Душа была полна...

Над лесистыми горами тихо, приглушенно светили алтайские звезды.

Когда поднялось солнце, горы преобразились. Я увидел их, выйдя поутру в туалет. Не было ночных черных силуэтов, нас окружали заснеженные хвойные деревья, которые такими ярусами обсадили высокие склоны.

Наш старик оказался совсем не злонамеренным человеком, просто он и вправду рано ложится спать, вот и вчера не удержался — сон его победил. Трещала печь. И подкладывал он в нее поленья, в которых я опознал лиственницу.

— Не слишком ли роскошно? — спросил я Петра Ивановича, помня, как ценили и ценят этот материал строители, как целые века стоят в моем городе дома, срубленные из лиственницы.

— Это отходы, — с пониманием отозвался хозяин.

Вскипел на плите чайник, и не спеша выпили мы чаю с медом.

— Пойдемте на Катунь, — предложил Дмитрий.

— Пойдем, — согласился Петр Иванович.

До реки было недалеко. Ласковое солнце и легкий мороз — что может быть лучше этого сочетания? Мы подошли к мосту. Внизу расстилась Катунь, наполовину схваченная льдом, однако тут, у берега, бурно струилась открытая вода.

Позже, в середине дня, мы подошли к реке вплотную в другом месте. Наклонившись с прибрежной льдины к воде, маленькая женщина наполнила пластиковую бутылку и протянула нам. Женщина эта, Катерина Ивановна, тоже когда-то сдавала избушку Дмитрию. Годы назад он жил здесь у двух хозяев. Когда устал от пьяных загулов Петра Ивановича, перебрался к ней. Катерина Ивановна мне понравилась — приветливая, общительная, с чувством юмора. Мы хорошо посидели в ее доме, выпили домашней наливки.

Я узнал, что Дмитрий приехал не только навестить Виктора, но забрать кое-какую звуковую аппаратуру. Был он в местном Доме культуры музыкальным работником.

— Обрати внимание, — сказал Дима, когда мы шли по дороге к небольшому кафе, расположенному на площадке близ основной магистрали — Чуйского тракта.

Кивком головы он указывал на людей, что встречались нам. Я, признаться, не понял и выразил недоумение пожиманием плеч.

— Погляди, как они ходят: спокойно, достойно, никуда не спешат. Мне это сразу полюбилось, оттого, может, и застрял тут.

Теперь и я заметил, что прохожие действительно не торопятся, как будто прогуливаются. Но нет, двигались они, безусловно, по каким-то нужным им делам, однако именно без всякой спешки, словно понимая, что жизнь не обгонишь. Понимая, что нельзя ни вернуться, ни забежать вперед. И не нужно. Надо просто жить тем, что дано сегодня.

В маленьком кафе — как раз впору для дружеской компании — никого не было. Мы спросили по пятьдесят граммов водки и по чашке чая. Немолодая женщина принесла к нашему столу заказанные напитки.

Дима вдруг посчитал нужным меня представить:

— А вот он — поэт. Пишет настоящие стихи.

— Правда? — спросила она.

— Сочиняю, — подтвердил я.

— А вы почитайте что-нибудь, — предложила она и крикнула вдаль: — Люба, иди стихи послушать!

К нам подошла ее напарница в белом халате.

Плохо я нынче читаю на память, но здесь справился, рассказал три-четыре стихотворения.

— Ну вот, — говорю, — как-то так.

Они похлопали в ладоши, попрощались тепло, по-доброму.

Мы вышли на улицу, где приятно бодрил легкий морозец. Дима не преминул влести лыко в строку:

— Видишь, как тут к искусству относятся? В деревне всего четыре-ста жителей, а клуб свой сохранили. И стихи любят, и песни. Витя тоже это просек, когда ко мне первый раз приезжал. Так что он это место не только из-за проезжих выбрал. Он и здешних людей оценил.

Я охотно с ним согласился.

А что же наш герой? Он спал, приняв пива после бессонной музыкальной ночи. Незаметно приблизилась и новая ночь. Солнце ушло за гору, и сумерки не заставили себя ждать. Ребята взяли еще пива, отправились прощаться. Я не пошел с ними. На кухне у Петра Ивановича чистил картошку, потом поставил ее вариться. Хозяин дремал, а я сидел у потрескивающей печи.

На крыльце послышались шаги и голоса. Выезжать наутро мы задумали рано, и спутники мои в гостях не засиделись.

Александр ДЕНИСЕНКО

КОЛХОЗНАЯ ЛОШАДЬ ЗВЕЗДА

Александр Денисенко — поэт парадоксов. Он прекрасно владеет русским языком и свободно ориентируется в современных системах стихосложения, включая классическую, ныне широко распространенную силлабо-тоническую. И между тем зачастую сознательно пренебрегает и законами языка, и, казалось бы, незыблемыми догмами поэтики. В одной и той же относительно невеликой по объему вещице старославянизмы у него не только мирно соседствуют с образчиками более позднего древнерусского говора, но и органично вплетаются в современную лексическую ткань стихотворения. Причем случается, что в этой причудливой замеси «живого великорусского» появляется слово, в словарный состав языка никогда не входившее, но по строю, «похожести» столь естественному языку близкое, что даже у искушенного читателя не возникает сомнения в подлинности неологизма.

Презрев языковые нормы, Денисенко возьмет и выдаст, например, такой перл:

**Лишь скользнет по ним взгляд офицерский
С сигаретой цветущей во рту... —**

и читатель поневоле отождествит взгляд с лицом.

Для Александра Денисенко важна графика стиха, его геометрия. Слава богу, в большинстве стихотворений строки выстроены традиционно и организованы в обычные диптихи, триптихи, четверостишия. Но иногда, казалось бы без видимых причин, они вдруг катятся волнами или располагаются лесенками-уступами. А вот в стихотворении «Цветы запоздалые» о гипотетической дуэли двух влюбленных последние строчки имеют следующий вид:

**— Не укоряй меня, дружок,
Пока я**

п
а
д
а
ю

в

с
н
е
ж
о
к

Таким образом, о падении не просто говорится — оно изображается. Рядом с этим стихотворением мы обнаружим и другие — заключенные в рамку или начисто лишённые знаков препинания (см. сборник «Гнездо поэтов», изданный Новосибирским книжным издательством в 1989 году).

Таких формальных на первый взгляд изысков у Александра Ивановича, как говорится, хоть пруд пруди. Но при всем этом поэт умудряется быть органичным, и все его стиховые «неправильности», граничащие с косноязычием, как и неприкрытый, порою принимающий крайние формы эпатаж, читающей публикой воспринимаются без бурных протестов. Ибо поэзия Денисенко не только внешне оригинальна, она сущностно глубока. И как бы ни пытались некоторые менее даровитые собратья по перу причислить поэта то к одному, то к другому неформальному движению в стихосложении, все их попытки остаются тщетными. Потому что он насквозь традиционен. И, как нам кажется, до последней своей запятой искретен.

Владимир ЯРЦЕВ

* * *

Красный, как май, жеребец —
Надо ж такому присниться:
Будто бы мать и отец
Едут в деревню Провинция.

Черный, как ночь, жеребец
Должен вот-вот появиться.
Ждут меня мать и отец
В тихой деревне Провинция.

Белый, как снег, жеребец,
Дай мне еще помолиться:
Живы и мать и отец
В светлой деревне Провинция...

* * *

Александр Плитченко

Черный снег замаячит на взгорье,
И метель дорогих деревень,
Нарыдавшись, вплетет в изголовье
Отгоревшую в горе сирень.

Там на небе цвета побежалости,
 Разливаясь в причудливый свет,
 Просияют печалью и жалостью,
 Для которых названия нет.

Вот и хлынула кровь из России,
 Вот и замерли руки по швам —
 Всем всучили, хоть мы не просили,
 Кому срам, кому шарм, кому шрам.

В мавзолее вечернего сада
 Поплывет по рукам стеарин,
 Есть в России одна лишь награда —
 Крест нагрудный из двух крестовин.

Журавли

На прощание выпью сто граммов
 И пойду по деревне брести,
 Чтобы каждая встречная рама
 Отпустила меня, покрестив.

До свиданья, родные избушки,
 До свиданья, родительский дом,
 Александра Сергеевича Пушкина
 В голове отпечатанный том.

Я открою консервную банку
 На траве, за последней избой,
 Где деревня меня спозаранку
 Провожать соберется гурьбой.

И отец золотую литовку,
 Победив луговую траву,
 Вытрет ветошью, словно винтовку,
 И невольно вздохнет про войну.

Мама с тяпкой придет с огорода,
 Мы простимся у всех на виду.
 Знает только родная природа,
 Что, как он, я уйду и приду.

.....

Лишь когда изношу я шинель
И утрачу души постоянство,
Как транзитный ночной журавель,
Над деревней нарушу пространство.

И ударюсь тогда о крыльцо
Позолоченной солнцем избушки,
Я, как в детстве, подставлю лицо,
Чтобы птицы клевали веснушки.

Из колодца взглянули глаза:
Все такая ж вода молодая,
Как в окладе хранит образа,
Когда пьем их, свои отдавая.

Вот и мой. Он остался в тот день,
Когда я уходил из деревни —
Словно облака быстрая тень
Зацепилась за ветку сирени.

Отцеплю от ведерка вьюнок,
Что обвил наш журавль из сада,
И достану с водой из-под ног
Два последних родительских взгляда.

* * *

О чем ты плачешь, русская душа, присноцветущая в наследственных угодьях,
Попеременно с ландышем дыша животворящим воздухом Господним?

За той чертой, где праздник нашей жизни еще сверкает светлой слезой,
По берегам моей живой отчизны цветы покрыты пеплом и золой.

Вся эта жизнь была почти как свадьба — теперь пора замаливать грехи:
Родной души сорокалетняя усадьба давно уж спущена в уплату за стихи.

Добро ограблено разбойническим делом, в садах российских розги разом расцвели,
Как будто розы кто-то резко переделал, чтобы Россию до добра не довели.

Так в беззакониях, во мраке и стыде проходят дни и ночи годовые —
Кто брал Берлин, кто жег себя в труде — тех стерли в прах ботинки молодые.

Дружиться с правдою уж больше мочи нет — пойду на речку, стираю гимнастерку,
А вместе с нею мой родной бронезилет — рубаху ситцевую с запахом махорки.

Моя печаль такая, как всегда, — и потому так плотно сжаты губы,
Пусть тяжелая сибирская вода расскажет вам, как жили однолюбы.

* * *

Месяц тихое пламя зажег
На картине у Виктора Савина,
И душа, получивши ожог,
Поднялась над землей и растаяла.

И заплакал тогда человек,
Беззащитный пред этим сиянием,
Он не мог опустить своих век,
Золотое приняв подаяние.

И смотрел он, не веря себе,
На давно позабытое зрелище —
Вновь к нему в акварельной судьбе
Шла прекрасная глупая женщина.

Все качалось пред ним впереди,
И опять его с ней разлучали
Монотонные дали любви,
Лесотундра стыда и печали.

Но душа, как бессмертная вещь,
Вновь разрезала грудь господину,
И сияли остатки надежд,
Примирившие гнев и гордыню.

И на тихий предел мирозданья
Лейтенант нерастраченных сил
Нам прикажет идти на свиданье,
Лишь бы месяц светил и светил.

* * *

Я забыл, что со мною случилось
За минувшие несколько лет,
Отчего так душа омрачилась,
Кто убавил в ней ласковый свет...

Этой вежливой жизни изжога,
Выжигая свой жадный узор,
Ничего не жалела живого,
Вынуждая на стыд и позор.

Никогдаже не быть нам счастливыми,
Никомуждо не княжить в любви —
Ангел жизни губами правдивыми
Осень жизни уже протрубил.

Ветер гонит пьянящие волны —
Голова полукружится в дым.
Все быстрее бечева колокольни,
Все блаженней поет серафим...

Облака, что столпились у церкви, —
Словно девушки в белом цвету,
Лишь скользнет по ним взгляд офицерский
С сигаретой цветущей во рту.

По высоким сугробам лабазника
Разливается ласковый свет...
Никакого сегодня нет праздника,
Потому что любви больше нет.

* * *

Я вспомнил себя и заплакал —
Как мальчиком русским я был,
Как с черной кудрявой собакой
Зеленую землю любил.

Мы жили в Советском Союзе,
Наш дом был у самой реки,
Еще не развязан был узел
Моей и отцовской руки.

Была мне и радость, и вага,
Но что-то случилось в груди,
И хлынула первая влага
Про то, что вся жизнь позади...

— Вставай, — мне шептала собака, —
Уж поздно. Пора на покос.
Меня обнимала рубаха,
Служившая мне на износ.

Цветы с голубыми глазами
Смотрели мне прямо в лицо —
Мы сразу их с мамой узнали,
Попав в голубое кольцо.

По мокрой росистой дорожке
Мы с мамой шли босиком.
Два низких заросших окошка —
Заброшенный мельничный дом.

В том доме жила одиноко
Колхозная лошадь Звезда,
И часто смотрели из окон
Слепые от жизни глаза.

Из рук моих клевер и донник,
Сомлевший в кошелке, брала,
И вновь ее мельничный домик
Из детства в туман уплывал.

И мама опять улыбалась:
Для Звездочки шторы бы сшить...
И эта житейская малость
Запала на всю мою жизнь.

На этом позвольте закончить:
Мне слезы мешают писать,
Поскольку те горькие очи
Я так и не смог прочитать...

Татьяна КАТЕРОВА

ЗАПИСКИ ПЕРЕВОДЧИЦЫ, ИЛИ ПЕТЕРБУРГСКАЯ ФАНТАЗИЯ

П о в е с т ь *

Глава 11

Начиналась Пасхальная неделя. Я устало шла к дому, а вокруг бодро спешили веселые и нарядные люди с корзинками в руках. Мне казалось, что с каждой минутой их становится все больше, ручейки сливаются в радостный поток, а я, в черном унылом плаще, пытаюсь плыть против течения. Стало грустно от мысли, что я здесь чужая и это праздник не мой. Я почувствовала непреодолимое желание влиться в реку счастливых. «Ты же не веришь!» — «Верю! Каждый человек верит!» — «Не молилась, не постилась, не причащались и даже в церковь не ходила!» Я на секунду остановилась: «Но в храм-то заглянуть можно вместе со всеми?» Совесть промолчала.

Ноги сами принесли к собору, и стоило подойти к железным воротам, как меня обуяли неподходящие мысли о старом знакомом, который ни сном ни духом не напоминал о себе. И уж совсем не по-православному я, как десятиклассница, загадала: если встречу, значит, все будет хорошо, если нет — увы, забуду.

Служба уже закончилась; несмотря на это, в соборе было много народа. Я робко вошла, и снова у меня захватило душу от этой неземной красоты. Букеты белых лилий в напольных вазах стояли скромно, как непорочные невесты. Ангельские одежды и крылья вверху горели красным золотом. Голубой телец и оранжевый лев с задумчивым, почти детским выражением парили надо мной во всю мощь разноцветных крыльев. И я, увлекаемая восторгом и любопытством, все дальше и дальше отступала от раскрытых настежь дверей вглубь храма. На глаза от умиления навернулись слезы, и вдруг я почувствовала между лопаток некий тупой предмет, который яростно сверлил позвоночник. В ужасе от непонятного обернулась и увидела крупную полную женщину. Ее голова была повязана коричневым платком по-монашески, «внахмурку»; красный обшар-

* Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2017, № 7.

паннный ридикюль висел на шее, потому что обеими руками она сжимала палки (почти как я когда-то). Однако эти тяжеленные деревянные клюшки с резиновыми наконечниками очень отличались от легких и элегантных финских собратьев. Одной резиновой блямбой тетенька стучала в мои лопатки, другую блямбу пухлой рукой намертво ввинчивала в пол, потому что с таким животом балансировать ей было трудно.

— Вы что делаете?

— Это ты что делаешь?! Люди в храм молиться пришли, а ты глязеешь, как в музее, аж рот раскрыла! Совесть есть? И еще в штанах, как басурманка! Бесстыжая, дорогу перегородила...

Ума не приложу, как она углядела брюки под длиннющим плащом. Переполненная возмущением, я уже открыла рот, чтобы дать отпор, и тут подумала, что тетке было очень тяжело добраться до храма.

— Извините, матушка!

— Какая я тебе матушка? Ты старше меня!

Непримиримая тетя двинулась вперед, громыхая клюшками, а я дала себе слово, что принесу в храм своих финских «друзей». Может, кому сгодятся? Но мои несчастья на этом не закончились.

— Что вы делаете?! — Это был душераздирающий крик, почти визг.

Опять? Я все время что-то не так делаю? И что же на сей раз? Кричала худенькая высокая женщина в кружевном воротничке и старомодной шляпке с нелепой вуалькой. Она заламывала руки в черных ажурных перчатках и почти рыдала.

— А что? Что случилось?

— Она не понимает! Вы же стоите на коврике...

Да, я действительно нечаянно наступила на старенький выцветший коврик, когда пропускала тетю с клюшками.

— Извините, я не заметила.

— Запомните! Запомните, сударыня...

Дама подняла глаза горе и молитвенно сложила руки на груди. Мне показалось, что она сейчас впадет в транс.

— ...только батюшка может стоять здесь, только священник! Никогда, слышите, никогда не смейте становиться на коврик, сударыня!

— Разумеется... конечно... я просто не знала... извините...

Немножко отдышавшись и поразмыслив, я согласилась про себя, что замечания по существу верные. По форме — своеобразные, но мало ли какие у людей обстоятельства? В храме нужно молиться, а уж коврик вообще не обсуждается. Я отправилась подавать записки и мысленно пообещала, что буду вести себя как все — правильно и разумно. Я даже надела общественную безразмерную юбку, трижды обвив свой тонкий стан завязочками, и поглубже натянула вязаную шапочку на лоб. Искренне удивилась и умилилась, что записки читаются за пожертвование — кто сколько даст, хоть пять рублей! Это в наше-то время! Я приготовила пятисотенную и встала в длинную очередь. Пока мы ползли к окошечку, думала, как обратиться к монахине: матушка или сестра? Эх, не учили нас ничему, не учили! Однако меня опередили.

— Сестра, записка начинается с креста.

Я подняла глаза: монахиня была моего возраста. Лицо, по мирским понятиям, привлекательное, хотя очень строгое, даже суровое. Глаза зеленые, как крыжовник, кожа бледная, а ресницы рыжие и длинные. Видно, ей было жарко в апостольнике, а может, ослабела предпраздничным постом, потому что на лбу поблескивали капельки пота. Рыжие колечки, вылезшие из-под апостольника, были мокрые и прилипали к коже. Тем не менее она держалась стойко и лишь крепче сжимала губы.

— Все крещеные?

Она разгладила мои записки длинными красивыми пальцами и равнодушно отодвинула в сторону сиреневую купюру.

— Все, все!

— А это что за имя такое — Сталина? Сестра, вы в своем уме?!

— Сталину нужно обязательно оставить! Это моя тетя, она к Сталину никакого отношения не имела, просто никто не знает ее православного имени... Но я точно знаю, что она крестилась, совершенно точно! Только тайно: время такое было, разве вы не понимаете?

— Понимаю, — спокойно ответила монахиня. — Как не понять? Но разрешить не могу, нельзя. Нельзя на литургии Сталину поминать.

Она взяла синий карандаш и медленно, как-то даже с удовольствием вычеркнула мою бедную тетку. Потом поставила кресты и положила записки в ящик.

— Что-нибудь еще?

— О нет! Больше ничего — на сегодня хватит.

Я стала энергично протискиваться к двери и от потрясения едва не ушла в казенной юбке. Охранник заметил и осуждающе покачал головой. Да нужна мне ваша юбка! Я почти разрыдалась и бросилась к дверям.

— Ты чего делаешь-то? Чуть лампадку не свернула!

Это орал охранник; лампадка, которую я не заметила, качалась вправо-влево, как маятник. Я пулей вылетела на залитое солнцем крыльцо, или по-церковному — паперть. Вот вам и праздник! Не получилось, а в принципе, так тебе и надо. Конечно, я не расплакалась, но слезы были где-то близко.

А перед крыльцом, метрах в двух, вилял хвостом Треха. Правда, стоял теперь Треха уверенно на четырех точках опоры.

— Это сторожа нашего песик, — охотно пояснила мне старенькая горбатенькая монахиня.

Стоя на нижней ступеньке, она готовилась к штурму крыльца и была очень рада внезапной передышке.

— На кладбище у нас иногда пошаливают, а он так хорошо службу несет, что оставили на хозяйстве. Да и детки его любят — это называется зоотерапия!

Она подняла крючковатый палец с желтым ногтем, гордясь своими знаниями. Потом, с трудом преодолев сопротивление больного позвоночника, заглянула под мою шапочку: маленькие глазки, похожие на выцветшие незабудки, были почти прозрачные, смотрели же по-доброму и ласково.

— А ты чего, дочка, такая расстроенная? Вроде из храма вышла, праздник сегодня...

— Мне обидно...

— Да не обижайся ни на кого! Ни на людей, ни на себя — это грех, а сегодня особенно. Иди лучше собачку погладь: он чистенький. Вася его из-за деток раз в неделю специальным шампунем моет. Намывает до блеска, как машину, животное аж блестит.

— А что за детки?

Какой ужас! Неужели этот цыган еще и многодетный? Вот уж учитель рисования...

— Наши детки — особенные. Мы с даунами, с аутистами занимаемся, которых вы ненормальными называете. А у Бога все нормальные! И представь, успехи есть. Еще колокольным звоном лечим. Василий с ними ангелов рисует...

— Рисую — и удивляюсь способностям этих особенных детишек, Анна Александровна! Да, кстати, можно спросить? Чего это вас из храма выкинуло? Летели как пробка из шампанского, прости господи! Наверное, о чем-то постороннем думали?

Мой ворон стоял внизу и сиял улыбкой в тридцать три зуба.

— О вас думала.

Я решила сказать правду, чтобы обескуражить его, но он лишь согласно покивал головой.

— Вот я и пришел. Больше думать не надо. Подожди, Анна Александровна! Я сейчас матери Соломонии вскарабкаться помогу, а потом будем христосоваться.

Пока я соображала, что ответить, Василий нежно обхватил старушку огромными лапами и фактически понес в храм. А на дорожке показались странная пара: молодая мама, которая держала сцепленные замком руки за спиной, а за этот замок, тоже двумя руками, крепко держался мальчуган лет восьми и бодро семенил сзади. Мама с сыном были очень симпатичными, светло-русыми и голубоглазыми, хорошо и модно одетыми — видно, люди с достатком. Лица спокойные, довольные и даже счастливые — смущало только то, что мальчик часто моргал и морщил лоб. Увидев Треху, он сразу кинулся на мохнатую шею. Я не поняла, понравилось это маме или нет, во всяком случае, она терпеливо ждала. Треха рухнул на спину и изобразил восторг, умильно прижав передние лапы к груди.

— Мама, с-смотри, какой! — Мальчик чуть-чуть заикался. — Видишь, что Квадрик д-делает! Он меня любит...

— Женщина, вы чего смотрите? Он же блохастый! А потом пацан будет за все в храме этими же руками хвататься?

Это была моя «приятельница» с палками, которая выползла через дверной проем и, тяжело отдуваясь, морщась от яркого солнца, с высоты паперти обзревала всю нашу компанию.

— Собака чистая, это проверено, — вежливо возразила мать. — И у меня всегда есть салфетки.

Она изо всех сил старалась говорить как можно спокойнее, однако было поздно. Ребенка накрыла волна злобы, исходившая от «хромоножки», и случилось странное. Он с тревогой посмотрел на мать, быстро-быстро заморгал, изогнулся, как лук, зажмурил глаза и издал ужасный звук. Это был не то стон, не то вой. Женщина прижала его к себе, пес лизал руки — мальчик же кричал и кричал. Преодолевая страх, я робко погладила ребенка по затылку, но он взвизгнул и сбросил мою руку.

— Батюшки-светы! Бесноватый!

Хромоножка выставила вперед палки, отбиваясь от невидимых бесенят, и вдруг отчаянно завопила:

— Помогите! Ратуйте, люди!

— С ума сошла? Он болен! Ты его испугала своей истерикой. Дай пройти! А ну, вон пошла, я сказал...

Василий стремительно сбежал по ступенькам, подхватил мальчишку на руки и поднял высоко-высоко, к самому небу.

— Ванечка, смотри! Там ангелы летают и солнышко горит! Видишь своего хранителя? Ну-ка, ну-ка, смотри внимательнее...

Вместо того чтобы испугаться, ребенок стал затихать и, часто моргая, напряженно всматривался в небесную высь.

— Мне кажется, я видел, — спокойно и серьезно сказал Ваня.

В этот момент звонко и радостно загудел главный колокол, рассыпались серебром маленькие колокола.

— Все, Ванечка, теперь ангелы в храм полетели, и мы туда же пойдем. А ты, Анна Александровна, не вздумай уйти, меня дождись! Видишь, какие меж нами препятствия возникают — будем преодолевать!

Василий плотнее прижал к себе Ваню, ужасно нахально и обаятельно подмигнул мне из-за детского затылка, так что у меня что-то екнуло в груди и разругмянились щеки, легко взбежал на паперть. Проходя мимо тетки, он беззлобно попросил:

— Мать, дай пройти и умоляю: рот больше не открывай, ладно?

Она послушно закрыла рот, потом, как сырое тесто, медленно стекла со ступенек и сказала Трехе:

— Зачем так глядишь, зверюга блохастая? Думаешь, добрее меня? Думаешь, я злющая? Так у тебя четыре ноги, а у меня получается, что ни одной! Может, ты бы вообще всех перекусал, если бы обезножел...

— Я свободен!

По-военному четкий и веселый возглас отвлек меня от покаянного монолога. Я обернулась и увидела предмет своих, увы, давно не девичьих мечтаний. Вышедший из храма Василий стоял на крыльце, возвышаясь надо мной (стоявшей на три ступеньки ниже), как огромный памятник, закрывая полнеба.

— Очень вы маленькая, Анна Александровна! Чуть вас не потерял: я ведь всю жизнь любил женщин мощных и высоких.

— У вас все впереди, — сурово сказала я. — И христосоваться с вами я не собираюсь, так как не могу понять, что вы за человек такой. Скажите лучше: вы стояли под моим окном? Выслеживали?

— Стоял! Но не выслеживал, а отслеживал — хотел убедиться, что вы благополучно добрались до дома. Это, по-моему, нормально, не правда ли?

Я пристыженно молчала, потом, чтобы не сдавать позиций, проборотала, что это еще неизвестно, что он там делал. Он не стал слушать и выразительно помахал пакетом, набитым снедью.

— Ну, с праздником тебя, спасительница родная! Гляди, сколько подарков! Только Анна Александровна без подарка пришла... Ладно, ладно, не сердитесь! Мы с Трехой... Ой, забыл сказать! Он теперь Квадра, потому что у него снова четыре ноги.

— Это вы его переименовали?

— Это Ванечка так обозвал, думал, что это девочка. Я его, правда, Квадригой называю, по-мужски. В общем, Анна Александровна, мы с Трехой-Квадрой-Квадригой приглашаем вас в гости! Пойдемте чай пить с куличом и праздновать.

— Куда? — Меня слегка передернуло. — На кладбище?

— Что вы, уважаемая Анна Александровна, говорите! Покойники чай не пьют, а лично я на кладбище только работаю — сторожу, поэтому у меня там и сторожка есть. А мы вас приглашаем в наши апартаменты и на мою персональную выставку картин. Пойдемте? Вы станете первым и, увы, единственным посетителем.

Треха-Четвереха встал на задние лапы, просительно заглянул в глаза, и я сдалась:

— Конечно, страшно оставаться с таким типом наедине, но у меня есть благородный защитник!

— Разумеется! — радостно кивнул Василий. — Если что — и за меня заступится, потому что опасная вы женщина, Анна Александровна, опасная и непредсказуемая! И ручка у вас, согласитесь, тяжелая. Помните, как вы мужика уложили одним ударом? С вами нужно быть осторожнее. Вдруг чего не понравится...

Его шутка была по-своему милой — и ничего не оставалось, кроме как принять приглашение и отправиться в гости. Или на свидание? От этой мысли я покраснела, разозлилась и растерялась. Стоило мне остановиться, как Треха-Квадрига со всего размаху толкнул головой под колени, и я ойкнула от неожиданности.

— Треха абсолютно прав, — философски заявил Василий. — Либо не нужно начинать, а уж начали — доведите до конца. Считайте, что у нас экскурсия, потому что в настоящий момент мы с компаньоном проживаем в здании монастырской гостиницы, памятнике архитектуры XIX века. А наше с ним темное прошлое и смутное настоящее не имеют к вам никакого отношения. Поскольку мы с вами живем, так сказать, в разных плоскостях, я стану вашим... — он прищурился, — гидом из параллельного, незнакомого вам мира, который тем не менее реально существует. Бомж, цыган, художник — разве это не иррационально по определению?

— А откуда вы пришли: из прошлого или вы гость из будущего?

— Из настоящего, мадам! Я не верю ни в прошлое, ни в будущее и представляю себе время как огромную катушку ниток, нанизанную на

стержень нашей жизни. Витки повторяются, и в одну реку можно войти дважды и трижды — сколько позволят. Поверьте моему опыту, я тут рассмотрелся кое-чего интересного...

— О! Вы путешественник во времени?

— Мы все путешественники. Сейчас будет первый сюрприз.

Мы бодро прошагали еще пятьсот метров. Я немного волновалась (как будто нашла под елочкой долгожданный подарок). Меня до краев переполняла благодарность за исполненное желание, хотя, честно говоря, я не знала, что теперь со всем этим делать. Оставалось только идти и незаметно косить краешком глаза на Василия, до смешного похожего на помолодевшего Деда Мороза с черной, чуть посеребренной бородой. Сходство удачно дополнял туго набитый мешок, от которого пахло ванилью и корицей. Счастливый Треха-Квадрига трусил рядом (видимо, изображая тройку коней), время от времени задира морду и расплывался в феноменальной улыбке. При этом брови-бугорки подпрыгивали чуть ли не до холки.

Мы завернули за угол, и внезапно появился облупившийся старый дом, на две трети скрытый деревьями и кустами сирени. В нем не было ничего выдающегося — самая обычная, типовая постройка своего времени. Окна первого и второго этажей были заколочены, а в раструбе ржавой трубы голуби вили лохматое гнездо. Молодая березка вскарабкалась на крышу и свесила ветки до круглого чердачного окна. Грустный, притихший вид придавал дому таинственность: по каменным ступенькам бегали солнечные зайчики, между плит белели нежные звездочки ветреницы. Больше всего восхитила старинная медная колотушка, висевшая у входа на толстой цепочке.

— Нравится? — Василий снисходительно улыбнулся. — А теперь скажите, что кажется вам здесь странным?

— Ну-у, я не знаю... — И вдруг меня осенило: — Тишина! Простите, здесь же рядом трасса и супермаркет «Лента» — вот за этими кустами! Разве так бывает?

— Ничего странного, обычная ловушка во времени. Мы с Трехой здесь лишь нечаянные поселенцы. Я крышу потихоньку перекрываю, он вдохновляет и утешает. Конечно, настоятельница от шерстяного компаньона не в восторге, но сделала исключение! Берите молоток и стучите — там живут воспоминания, должны отворить...

Я помедлила.

— Да не бойтесь, этот молоток я нашел и повесил — этакая инсталляция.

— Ведь в каждом старом здании есть тайны!

— Отчасти вы правы: здесь в восемнадцатом году держали противников закрытия храма. Хотя мученики, как известно, спят сном праведным, и их души вы здесь, точно, не встретите.

— А чекисты? Они могли стать призраками?

— Да еще какими злыми! Я про них забыл, однако вы не волнуйтесь: этим — дадим особо решительный отпор. Входите! Не заперто. Это лишь обряд посвящения.

Я трижды стукнула молотком, звук гулко разнесся по пустому дому, и дверь мягко открылась. Впереди был длинный полутемный коридор. Слева и справа зияли остовы дверных коробок. Солнце проходило сквозь щели в деревянных щитах, и золотые лучи, в которых плясали пылинки, косо прочерчивали пространство. Со стороны коридор напоминал старый рояль, в котором выломаны клавиши, но почему-то уцелели золотые струны. Вверх, на второй этаж, вели остатки лестницы с провалившимися ступеньками. Дыры были небрежно прикрыты паркетными досками с прибитыми поперечинами. Я немножко замялась, не решаясь вступить в солнечный лабиринт: мне вдруг показалось, что впереди под лестницей мелькнула легкая тень...

Василий покачал головой:

— Не бойтесь — это просто игра света, потому что качаются ветки деревьев. Ну что, сами подниметесь по такой лестнице? Квадрик и на трех влезал.

— Боюсь, я не смогу конкурировать с вашим компаньоном: две ноги — это все равно не три.

— Полезли? А впрочем, вы, кажется, в прошлом году ножку сломали?

Он подхватил меня на руки, поднял высоко над полом — на секунду почудилось, что я взлетаю, — и зашагал вверх по ступенькам.

— Надо же! Мне кажется, что я несу воздушную фею. А вы действительно ничего не весите, как положено Бересте. Вы фея, признавайтесь? Чего молчите, Анна Александровна? Неужели никто не носил на руках такую хорошую женщину?

— Почему же? Игорь носил. Но давно это было.

— А это кто? Ваш начальник? — прищурился янтарный зрачок. — Видел я, как он в буфете с вас глаз не спускал.

— Это он с вас глаз не спускал, потому что любопытный. А Игорь — мой муж, он умер.

— Извини, Александровна! А можешь глаза закрыть? Я хочу удивить и поразить.

Через минуту меня аккуратно поставили на пол и тихо шепнули:

— Раз, два, три — смотри!

Я стояла в центре странного круглого зальчика под самой крышей, окруженная невероятной, сказочной жизнью. Наверное, такой она будет после конца света, когда цикл начнет раскручиваться заново: ни одного человека на всей планете, только ангелы, за которыми следуют невиданные звери и птицы. Голубой носорог с мудрыми человеческими глазами стоит на радуге, а под ним красный бык раздвигает волны широкой грудью и держит на рогах солнце. На другой картине море соединилось с небом и через морские ворота, на которых сидит ангел, свесив ножки, плывет чудовищная и фантастически прекрасная Чудо-юдо рыба кит. На спине у нее пасется золоторогий олень, и крохотные существа с прозрачными крыльшками стайками летят куда-то туда, где солнце садится в море.

— Это монады, — охотно пояснил Василий. — Такие же изящные, как ты. И прозрачные, как стекло, сердце и душу видно насквозь.

— Вы мне льстите, если так думаете. Боюсь, эта прозрачность — оптический обман. Надеюсь, что меня не видно насквозь: простота, знаете ли, хуже воровства, — недовольно сказала я.

И вдруг увидела необыкновенную картину, рядом с которой остальные померкли.

— И там монады! — вырвалось у меня. — Боже, какой золотой цвет! Как красиво! Что эта за картина?

— Называется «Возвращение в Эдем».

Сквозь закат, повернувшись спиной и не обращая никакого внимания на зрителей, ангел и единорог входили в сосновый лес, который художник превратил в золотую чащу. Ангел положил руку на шею единорогу, тот доверчиво прижался к его ноге...

— Единорога отчасти с Трехи рисовал, потому что настоящие единороги — звери очень серьезные и свирепые, а мне хотелось доброты и нежности.

— Вы их что, видели?

— А как же!

— Прекратите!

— Не прекращу! На закате поднимемся на чердак и я покажу место, где в это время открывается проход в неизведанное: сверху отлично видно.

— Там можно увидеть только Фонтанку.

— И что? Это вы видите Фонтанку, а они приходят поболтать со сфинксами и на вечерней заре пьют воду.

— Бедняги! Они же отравятся...

— Щас вам! Единорогу достаточно только посмотреть на сильнейший яд, чтобы его обезвредить. Стоит им дотронуться до воды, как она становится хрустально чистой. А потом из речных глубин появляются морские кони — гиппокампы — и резвятся среди розовых от солнца волн. Знаете как красиво!

— Н-не знаю...

Я взволновалась, а Василий выглядел абсолютно спокойным, никакой сумасшедшинки в глазах. Возможно, он просто притворяется? Но нет! Он смотрел на меня с искренним сожалением — как на упрямое и глупое дитя.

— В знании-то все и дело! Вот вы, женщина очень образованная и начитанная, что видно невооруженным глазом, о некоторых сферах вообще понятия не имеете! А я знаю, видел много раз, так что поверьте на слово.

— Отчего не поверить? По крайней мере, поэтично.

— Не в поэтике дело! Я тут старую подшивку газет нашел за 34-й год — так там написано: когда дорогу строили, отрыли на этом месте капище древнеславянское и под асфальт закатали. Хотя какой-то великий историк умолял те камни оставить или в музей отвезти.

— Выходит, храм здесь не просто так поставили?

— А храмы просто так не ставят: место это особенное. — Он кивнул на картины: — Я, кстати, везде тут был, рисовал с натуры, можно сказать.

— И в Эдеме?!

— Около Эдема, когда ночью на монастырском газоне помирал. Помните, я рассказывал, как бился цинем с отморозками в усадьбе? А потом всю ночь солнечный Эдем видел, поэтому и не замерз.

Я растерянно молчала.

— Да не переживай так, мать! Каждый видит то, что хочет. Пошли лучше в кабинет-гостиную, чая попьем с куличами.

— У вас и кабинет есть?

— Конечно! Себя нужно уважать. Я художник и реставратор — мне нужно место для раздумий. Или я преувеличиваю?

— Нет, не возражаю, все так.

Кабинет находился этажом ниже: небольшая прямоугольная комната с круглым старинным столом; чашки и блюдечки дешевенькие и современные, но безукоризненно чистые — видно, что куплены в магазине, а не на помойке найдены; полки и скатерть были икеевские, зато чайник с лебединым носиком гордо седлал примус, как в довоенных фильмах. А больше всего удивляло количество книг, папок и связок каких-то газет и журналов, которые валялись на полках и рядом.

— Садись! — Василий заботливо пододвинул легкий пластмассовый стул, похожий на стулья в кафе.

— Сколько всего... Сколько у вас здесь книг!

— Ну, Интернета у меня нет, а вечерами приходится себя занимать. Вот с песиком ходим-бродим, подбираем книжечки-журнальчики, даем приют сиротам. Месяц назад почти всего Брокгауза нашли. Переплеты из настоящей кожи. Треха хотел погрызть — да, мой мальчик? — я отобрал. Сейчас очень много книг выбрасывают: люди внезапно поняли, что это не только источник знаний, но в первую очередь источник библиотечной пыли. Воздух забирают...

Он задумчиво погладил бороду.

— А у меня здесь воздуха много, аллергией мы с Трехой не страдаем и используем печатную продукцию по прямому назначению — читаем и наслаждаемся. Так что считайте меня еще и библиофилом.

Он очень старательно ухаживал за мной: развлекал разговорами, энергично звенел соском медного умывальника, помогая мыть руки. Потом красиво расставил чайную посуду, разрезал кулич, развернул шоколадку, выложил белую горку пасхи. Последней в пакете была найдена бутылка кагора. Василий извлек ее на свет, склонив по-вороньи голову набок, осмотрел находку, держа за длинное горлышко, с нежностью взвесил в руке, блеснул карим глазом и убрал за книги.

— Эх, с глаз долой — из сердца вон! Не буду: запойный я, Анна Александровна, могу праздник испортить.

Но я уже не боялась и, глядя на довольного спасенного Треху, свято верила в порядочность его хозяина. Однако поддеть все-таки хотелось.

— Бойтесь выпить и встать на путь грязных сексуальных домогательств?

— Так я с него никогда не сходил, матушка, зачем для этого пить? Это мой путь по жизни, я всегда готов. Только путь этот не грязный,

а полный веселья и радостных сюрпризов, уж поверь старому секс-инструктору.

Мне вдруг стало смешно, хотя я для порядка состроила гримасу и дала понять, что такие неприличные речи оскорбляют мой филологический слух.

— Ну извини, извини! Тебе этого не понять, ты же фея! А мне нужно обязательно накуролесить, хулиган я!

— А это как?

— Каждый раз по-новому бывает, главное — выпить. Однажды я подумал, что птица, и вышел в окно. Так что давай лучше за праздничек чаю вскипятим, нам здесь до заката сидеть. Или ты не хочешь на единорогов смотреть?

— Разумеется, я хочу посмотреть на единорогов! Кто еще их покажет, как не вы?

Он был милым! Кошмарный Василий был весьма обаятелен, и мне нравились его ухаживания. Нет, безусловно, между нами нет ничего общего и подобные романы, как правило, плохо заканчиваются, но что же делать, если мне хорошо и уютно в этой комнате под крышей и не хочется уходить? Я грелась в лучах его энергии и чувствовала, как моя заснувшая, казалось, навеки душа вдруг начинает шевелиться. Конечно, если он себе что-то позволит, получит чайником по голове. Интересно, а я, случайно, не ханжа?

— Вот сейчас, точно, на монаду похожа! Как будто сидишь на спинке стула. Греешься под солнышком и крылышками прозрачными машешь — медленно-медленно...

— Послушайте! Я видела монад в Крыму: они, когда не летают, очень уродливые! Похожи на крошечные высохшие щепочки.

— Не обижайся. Ты создана для полета — я тебя так вижу своим художественным воображением. Именно когда твоя душа парит над повседневностью, ты безумно красивая!

Он встал — мышцы топорщили рубашку, как надкрылья. Красивая все-таки фигура у этого цыганского ангела! Подошел к полке и достал какую-то фотографию.

— Возьми, мать, это тебе. Сфоткал двадцати лет от роду, когда в Польше по обмену был и понятия не имел, что ты есть на свете. А теперь дарю — видишь, как информационное поле работает.

Я с удивлением рассматривала поблекший черно-белый снимок в деревянной рамочке: там был холм, размытые деревья вдаль, на переднем плане лежал камень с тремя коронами.

— Это что?

— Ты же из Мнишеков, Анна Александровна? По крайней мере, я тебя так понял. Значит, твоя историческая вотчина — Самборский замок.

Меня передернуло: опять эта тема! Опять кольцо...

— Отчасти! А вот вы-то откуда?

— Не знаю, — чистосердечно признался Василий, — слишком много во мне намешано. Я сам не знаю, какой и за кого — за черных или за белых? Люблю поститься и молиться — ощущения непередаваемые, Анна

Александровна! Но и погулять люблю! Это же ужас какой-то! Комнату потерял, чуть не убили меня, а раскаяния нет! И боюсь, не будет... Когда росписи поновляю, сердце начинает сильнее биться и слезы на глаза наворачиваются. Только есть такие умения, каких лучше бы не было: иногда смотрю на человека и уже все про него знаю.

— Вы ясновидящий?! Как вас терпят в монастыре?

— Сестры ведь тоже с понятиями, они мудрые. Я в этом никоим образом не виноват и этим даром пользоваться не хочу! Однако это — природа, можно сказать геном, передалось от матери, или бабушки, или прабабушки, как цвет волос и глаз.

— Ваша матушка умела гадать?

— Умела, к сожалению, и у меня поневоле порой получается. Вот сейчас получается! — Он наклонился ко мне и тихо, серьезно сказал: — Я хотел предупредить, что кольцо у тебя дурное. Боюсь, подставили тебя с этим камушком: может, и не ангельское око, а сатанинское. Ну на что оно тебе? Верни, пока не поздно, откуда взяла.

— Ничего я не брала. Один антиквар вручил! Тут салон неподалеку.

Я покраснела и рассердилась. Мысленно я уже привыкла носить герб Мнишеков, и эта эксклюзивность была приятной. Но в его словах была странная правда, от которой мои нервишки натянулись и задрожали как струны. Теперь я поняла смысл выражения «играть на нервах»! Василий — играл, и играл виртуозно, оживляя в глубине памяти тот нереальный вечер. При словах «сатанинское око» вспомнились волчьи, прищуренные глаза Уса, которые глядели (или следили?) сквозь табачную дымку. Честно говоря, кольцо он буквально всучил — и я почему-то взяла... На душе стало неуютно, и собеседник сразу это почувствовал.

— Вот видите. — Василий задумчиво посмотрел на мое растерянное лицо. — В душе вы понимаете, что я прав, моя доверчивая Анна Александровна! Тем более что никаких антикварных салонов в округе я не знаю.

И почему-то я ему все рассказала!

— Очень плохо, Анна Александровна! По-моему, он просто перевел стрелку, и теперь вы крайняя.

— Ну откуда вы знаете? Откуда?

— Интуиция и немного логики.

— Не интересничайте, пожалуйста! — жалобно попросила я. — Мне страшно.

— А я не интересничаю! Это голая физика.

— В физике я вообще ничего не понимаю.

— Но воображение у вас имеется? Помните, я сравнивал время с катушкой ниток, которые наматываются на ось вечности? И витки где-то могут совпасть, лечь один на другой — тогда получится ловушка времени, через которую можно перейти на другой виток прошлого или будущего. Смотрите, что я покажу! Это не компьютер, а солидные старые издания, где фотошоп исключается.

Он достал увесистую стопку книг и журналов и плюхнул на стол. Почти везде торчали хвосты закладок.

— Я, уважаемая Анна Александровна, обожаю разгадывать загадки истории, и тема Самозванца — одна из моих любимых. Все думаю, был ли он Рюриковичем или не был?

— И что?

— Не отвлекаемся! Не в нем дело... Женщина, в которую влюблен мужчина, — это ключ ко всем загадкам. Посему я внимательно изучал Марину, потом мои занятия прервались из-за недостатка времени. Вот смотрите...

Он медленно переворачивал страницы, демонстрируя портреты, и везде левая кисть Марины была жирно обведена фломастером.

— Видите?

— Ничего не вижу!

— Правильно, потому что на руке ничего нет. А было! На всех этих картинах раньше было кольцо. Я его прекрасно помню и, когда вы лежали бесчувственная в моей сторожке, я не без удивления рассматривал аметистовый перстенок. Сначала не мог вспомнить, где видел. Затем вспомнил, стал листать и... Ни одного портрета с кольцом — как в воду кануло! Я стал думать и понял, что вы в опасности. И поверьте, только этим объясняется навязчивый интерес к данному украшению. Еще во время дождя хотел поговорить, но вы позорно бежали...

— Да погодите вы! — У меня от ужаса пересохло во рту. — Какая опасность? Все участники этой истории давно мертвы. Вы намекаете, что могут обвинить в краже музейной ценности?

— Теоретически и это возможно. Однако мой кладбищенский опыт показывает, что смерть — понятие относительное.

— Относительное?

— Конечно! Не допускаете, что говорили лично с атаманом Усом, а не с его потомком? Как вам такая идея? Одержимый мыслью о родовом проклятии, Ус мечтал избавиться от кольца — и это ему удалось! Теперь вы крайняя.

— В к-каком смысле? Что вы имеете в виду?

— Ну вот скажите: Марина может без боя отдать волшебное кольцо? Тем более что оно по праву ее. И если атаман пробрался сюда, то почему она не может пойти по его следам?

Глава 12

Наступила мертвая тишина. Сначала я почувствовала, как поплыли перед глазами Мариныны портреты. Затем лицо ее изменилось: глаза ожили, стали блестящими, она усмехалась, как гоголевская панночка. Потом погрозила мне пальцем и ехидно подмигнула, кривляясь... Я зажмурилась, захлопнула книгу и смахнула всю эту макулатуру со стола.

— Тише, тише, Александровна! Ты чего? Или почудилось что-нибудь?

Василий говорил с легкой иронией, но из-под спутанных черно-седых завитков смотрели пристально вороны глаза — просто прожигали меня насквозь.

— Вы знаете что-то! Вы все знаете!

Сердце колотилось как бешеное, и страх накрыл волной. Господи, помоги! Помоги, если Ты есть, а я верю, что Ты есть! Во что я ввязалась? Клянусь, больше никакой мистики, я выброшу это кольцо — только помоги уйти отсюда живой и невредимой! Проклятое любопытство и жажда приключений...

— Я хочу домой! Я пойду домой.

— Уже поздно... — спокойно возразил Василий, прислушиваясь.

Треха тоже напрягся и повернул морду к двери. И я поняла, что путь к отступлению отрезан, потому что затылком и спинным мозгом ощутила, как в доме появился кто-то еще. Эта сущность неторопливо и легко поднималась по лестнице! Шаги были почти невесомыми: кто-то как будто не ступал, а скользил по наклонным доскам, иногда случайно касаясь ногой опоры. Потом скрипнула дверь.

— Это Марина?!

— Валентина!

— Дядя Василий!

Три крика — три имени! — слились в один вопль, дополненный звонким Трехиным гавком. И сразу стало тихо: мы оторопело взирали друг на друга, пытаясь осознать случившееся.

В дверях стояла девица лет двадцати восьми и, приоткрыв от удивления рот, пялилась на меня. Рядом с ней померкла бы даже Алиса, потому что девица была просто сногшибательной, но абсолютно не вписывалась ни в какие эстетические стандарты. Это было нечто невообразимое — рубенсовская красotka, беззастенчиво покинувшая пространство холста и музейные залы: высокая, длинноногая, с красивой шеей, при этом намечался мягкий животик, присутствовали круглые бедра и фантастический бюст. Вошедшая явно никогда не подвергалась воздействию спортивных тренажеров — это был дикий и прекрасный цветок, полный собственного достоинства. Ее совершенно не смущали некоторые особенности, которыми не обладали рубенсовские модели: голова, бритая под ноль, отсутствие переднего зуба, хотя все остальные были белые и ровные как на подбор, и фиолетовый синяк на левой скуле.

Образ, поражающий воображение, дополняли: расстегнутый ватник, мужские брюки галифе и мужская же рубашка без выточек. Удивительно, но этот антидамский наряд делал ее чертовски привлекательной. Коленки, как круглые чаши, выпирали сквозь узкую нижнюю часть штанов; бедра вольготно утопали в верхних парусах и казались еще шире и круглее; грудь мягкими упругими яблоками напирала изо всех сил, пытаясь прорвать белую ткань рубахи. Видимо, чтобы облегчить спелым плодам борьбу, ворот был расстегнут чуть ли не до пупа.

Я видела, как Василий сконцентрировался на ложбинке между сладкими выпуклостями, которые волнообразно поднимались и опускались в ритме с дыханием. Однако все-таки он был джентльменом и, сделав усилие, перевел взгляд на меня.

— Дамы, знакомьтесь! Это Валентина. А это Анна... Александровна. Кстати, Валентина, почему опять без предупреждения пришла? Ты здесь не хозяйка. Я же просил...

— А это сюрприз, дядя Василий! Я тебя с праздником пришла поздравить. Подарок принесла... Хочешь двери-то небесные открыть в честь праздничка?

Она пошарила в кармане штанов и достала жестянку из-под китайского чая: на золотом фоне порхали клювастые длиннохвостые птички.

— Этой дрянью я не балуюсь, сколько раз говорить! — болезненно поморщился Василий. — Я же художник, я и так знаю тропы в тонкий мир. Все внутри человека, деточка! А небесное узрим после окончания нашего земного бытия. Куда торопишься, Валентина?

— Ну, немножко-то можно, чтоб расслабиться! А вы будете?

— Что это? — спросила я и тут же поняла — что.

Девушка хихикнула:

— Это трава счастья! Сон-трава. Дурман-трава. Слыхали про такую?.. А вы штучка непростая, гостя дорогая! Вещи у вас будь здоров! Сапоги, наверное, десять тыщ стоят? Сколько это в еврах будет? А, дядя Василий?

— Не трудитесь считать, они дороже, чем вы думаете.

— Ты теперь, наверное, со мной раздружишься? Чего там Валентина, когда такая тетя пришла!

Яблоки возмущенно шевельнулись, нижняя пуговка неожиданно отскочила и звонко шлепнулась на пол. Василий вскочил как ужаленный и кинулся к книжной полке.

— Дамы, не ссорьтесь! Цаас... Тут кое-что есть... Нужно выпить — за праздник, за встречу!

Они радостно налегли на кагор; я пропускала. Валентина помягчала, раздумянулась и, уверенная в собственном превосходстве, снисходительно косилась на меня.

— А дяде Василию вы кем будете? Я сначала подумала, мамаша приехала, потом присмотрелась — вроде не старая. Может, сестра?

— Все люди — братья и сестры, — торопливо вставил Василий.

— Просто вы какая-то безвозрастная! Вы похожи на мою учительницу. Хорошая была женщина, только вся замороженная, как вы. Сейчас говорят — закомплексованная. — Валентина рассмеялась. — Вот! Нашла точное слово. Ну разве так можно? Сейчас мы разомнемся, и вам обязательно нужно будет попробовать. — Она кивнула на чайную коробочку. — Иногда помогает, хотя не всем. Давай-давай, льдинка, оттаивай! Такое увидишь — возвращаться не захочешь!

Валентина, ничуть не стесняясь, запустила пятерню в гриву нашего кавалера. Василию было приятно, но он мягко отстранился.

— Так все-таки кем тебе приходится Анна Александровна?

— Аня — моя спасительница, жизнь мне спасла! И вдохновительница — хрустальная монада...

— Знаю этих монад, — лениво сказала Валентина, — я ж из Крыма приехала. Однодневки они... Хламидомонада, дай шоколада... Водоросль ты, а не монада! — И она снова рассмеялась, закинув голову и сверкая щербиной в белой линии зубов. — Скучно сидим. Оба вы какие-то замороженные... Давай сыграем, дядя Василий! Монаду удивим.

Она наклонилась, я почувствовала душистый приятный запах и по привычке спросила:

— А что у вас за духи, Валентина?

— Это у тебя духи, — рассердилась девица. — По пять тысяч рублей! А я просто вчера в бане была. Считай, аромат молодости — так дядя Василий говорит.

— Нет, точно, нужно сыграть! А то Валентина злиться начала! Ты ведь тоже хулиганка, девочка моя?

— Точно так, дядя Василий, — усмехнулась девица.

— Только не вздумай тут раскардаш нам устроить, я не потерплю, — предупредил Василий, хотя не очень уверенно.

Он быстро нырнул под стол, минуту кряхтел и копался, как сурок в норе, потом вынырнул, красный, довольный, сжимая в руках потертый чемоданчик. На шее висел маленький пузатый африканский барабан.

— Знаете, Анна, в одном мы с Валентиной сходимся — в любви к экзотической музыке! Вы как? Согласны послушать? По-моему, это и есть настоящий проход в тонкий мир! И без всякой дряни...

Он звонко щелкнул замками, и я увидела на дне чемодана большую тростниковую флейту Пана и маленькую, похожую на свирель.

— Видала? — Василий осторожно и нежно поднял с газет огромную флейту. — У настоящего индейца купил, правда, он отобрал все деньги.

Он тихонько дунул, и от густого тягучего звука у меня сладко заныло сердце.

— Между прочим, флейты известны уже в каменном веке. Их делали из костей грифа... О как!

— Дай, дай. Дядя Василий! Дай мне!

Валентина выхватила флейту, но она была ей явно неудобна и велика — звук получился тонкий и слабый, как свист закипающего чайника. Я не выдержала и злорадно хихикнула, радуясь, что самоуверенная Андромеда опростоволосилась.

— Чего ты? Я, кстати, четыре курса музучилища окончила! Могла бы в консерватории учиться.

— А почему не училась?

— Почему? Ах ты... Тварь ты! Из-за таких, как ты, и не училась! Из-за аллигаторов поганых... Крокодилы вонючие!

Ее глаза сверкнули и стали бешеными. Мне показалось, что флейта сейчас полетит мне в голову, однако Василий успел поймать свою Андромеду за талию. Его объятия подействовали просто магически — припадок классовой ненависти угас. Девица обмякла и замерла, прислонив бритую голову к мощному плечу и блаженно зажмурил глаза. Я даже подумала, что она сейчас заснет.

— Не надо так, Аня, не надо... Валентина злая, но ты ее лучше пожалей. Аллигаторами Валька олигархов называет, то есть тех, кого считает богатеями. Ситуация одна была, когда ее чуть не слопали, и она немножко того... Поняла?

Он мягко подтолкнул девушку. Сам взял флейту Пана, Валентина вооружилась маленькой классической флейтой. Минут пять она ее рас-

смаatrивала с самым серьезным видом, и лицо ее менялось, светлело. Потом они встали напротив, как соперники на поединке, не сводя друг с друга глаз. Девушка прошла по звукоряду, щелкнула пальцами: «Раз, два, три — жги!» — и началось...

Зазвучала ритмичная мелодия, немного грустная, немного дикая, она шептала и пела, как волшебная речка в древнем лесу. Сначала вела Валентина, затем инициативу перехватил Василий. Они с упоением импровизировали: звук нарастал, мелодия убыстрялась. Это был уже не речной рокот, а древняя и грозная молитва: Перуну? богине смерти? ветру? Или другой таинственной силе? Я мысленно попросила, чтобы не услышали в монастыре, иначе не миновать страшного скандала и позора. Музыканты же обо всем забыли и вошли в раж: флейты воинственно взвизгивали и стояли, как умирающие жертвы; подключился и барабанчик, который, несмотря на маленький размер, рокотал все громче, все более угрожающе...

— Прекратите! Прекратите шабаш! Это же хулиганство!

— Нет, это камлание, только музыкальное, бескровное, — серьезно сказала Валентина.

— И кто жертва? — устало спросила я.

— Не знаю. Это будет ясно потом. Самое главное — войти в небесные двери! Кто-то вернется, кто-то останется. Стоит попробовать — ничего не потеряешь...

— Сядь, Валентина! — Василий попытался схватить ее за руку, но девица с кошачьей ловкостью отпрыгнула к двери.

— Ждите! Я моментом: одна нога здесь, другая там. Сейчас в магазин за бухариком сбегая, иначе дело медленно пойдет. Только никуда не уходите! Странствовать лучше втроем. А ты, монада, запомни: там лучше, там такая красота, что забываешь обо всем!

Глаза у нее снова стали совершенно ненормальными. Я видела, что Василий обеспокоен, и решительно поднялась:

— Все вместе пойдем!

— Не смей, монада! Пока ты дохромаешь, магаз закроется! — И она с хохотом выбежала вон.

— Стой! — Василий обескураженно потряс кудрями. — Ну что ты будешь делать? Пришла и все испортила! Посмотри, какая бестия... — Он метался по комнате, разыскивая Трехин поводок. — Не видала, Александровна? Без поводка на улице никак нельзя! Он тоже на голову ушибленный — бросается на собак в комбинезонах и ментов. Первых, наконец, не выносит за беззаботную жизнь, а вторых — за кулаки.

— Послушай, а кто она тебе?

— Просто дитя человеческое. Я, конечно, восхищаюсь вашей женской красотой и глазам приказать не могу — но она мне никто. Жалко дуру. А вот ты для меня кто-то... Прости, что так получилось, Александровна, ситуация вышла из-под контроля.

— Так дай я с тобой пойду!

— Только хуже будет! Она очень больна и, когда входит в шторм, опасна. С вами двумя мне не справиться. Эх, и принесла нелегкая, искушение-то какое...

Он уже надел ошейник на Треху и торопливо путался в ватнике.

— Ох, тяжело у меня на душе, ох, беспокойно! Александровна, не убивай меня, дождись, пожалуйста! Мы еще с тобой с чердака на шествие единорогов посмотрим! Обещаю дождаться!

— Вызови полицию!

— Жалко девку: у нее проблемы с головой, а в психушку попадет — совсем свихнется.

— А меня не жалко?

— И тебя жалко, и себя жалко, однако придется отступить перед обстоятельствами. Мы сейчас уйдем, а ты дождись меня, не бросай! Мне тебе многое рассказать нужно. Обещаешь?

— Нет, — честно ответила я. — Меня не устраивает роль спасателя и жилетки.

— Злая ты, злая! Эх, почему вы, бабы, так друг друга не любите?! — донеслось уже снизу, и гулко хлопнула дверь.

— Потому что, являясь круглыми дурами, боремся за обладание недостойными, — сказала я, но было очевидно, что меня никто не слышал.

Было немножко грустно. А собственно, почему он недостойный? Он же не рассчитывал на эту Валентину, и ясно, что они не любовники, хотя формы этой необычной девушки вызывают у Василия восхищение, которого он не скрывает. Так, наверное, его и фигура Венеры Милосской сводит с ума: он же художник, не может не откликнуться на красоту... Ты для меня кто-то, сказал он. Я поймала себя на том, что улыбаюсь. Нет, положительно я его дождусь и спрошу: кто же я? А еще он назвал меня вдохновительницей, хрустальной монадой — тоже очень красиво...

Я подогрела чайник, пошла в комнату с картинами и долго ходила по кругу от одной к другой. Красиво, очень красиво! Прозрачный апрельский день медленно уходил, небо лиловело и розовело, и в этом освещении картины казались трехмерными, а звери и ангелы — живыми. Потом я заметила маленькую приставную лесенку на чердак и вскарабкалась по ней.

В круглое окошко открывался роскошный вид на Фонтанку и крохотных зеленых сфинксов в золотых кокошниках. Справа, у самого окна на гвоздике, я обнаружила большой артиллерийский бинокль советских времен. Неужели? Не может быть! Я поколебалась, взяла бинокль и навела резкость. Минуты две ничего не происходило, только поцарапанные лица сфинксов мелькали в зрительном поле. Качество оптики было отменным! Виден каждый штрих. Я перевела бинокль на воду, и вот, когда солнце уже готовилось упасть вниз, из воды вынырнула голубая лошадиная голова с зеленой гривой и длинный, закрученный спиралью чешуйчатый хвост.

— Гиппокамп!

Зверь словно услышал меня, повернул голову и внимательно посмотрел: в объектив попал бешеный лиловый глаз и белок, пронизанный красными прожилками. Он яростно плеснул хвостом, и изображение размыли сотни капель.

— Гиппокамп...

Минуту я сидела, приходя в себя, затем аккуратно повесила бинокль и тихонько спустилась вниз. Я ни секунды не сомневалась, что видела его, и меня не волновал вопрос, каким образом это могло быть. Видела — и все! Трезвая, здоровая женщина, находящаяся в здравом уме.

— Увидеть морского коня — это не к добру.

Кто это сказал? Или мне послышалось? В комнатах смеркалось, тени сгущались и становилось очень неуютно: электричества здесь, видимо, не было. Я достала мобильник и чуть не уронила: я провела в ожидании сорок минут! Можно было десять раз сходить туда и обратно, судя же по всему, возвращаться эта парочка не планировала. Интересно, куда они подевались, затарившись винишком? Смеются надо мной или нет? Я бы на их месте смеялась.

Но много чести — и для тебя, Валентина, и для него! Ситуация у нее была, видите ли, особенная! А у кого их не было? Не все же доходят до жизни такой. И этот добряк бесхребетный... Я надела плащ и медленно застегнула на все пуговицы, пытаюсь справиться со злостью, мутным валом поднимавшейся в душе. Меня переполняло презрение и еще раз презрение к леди Рубенс. Я попыталась представить, что бы сделала Валентина, если бы оказалась на моем месте и маялась от ожидания. Скорее всего, она бы раздвинула доски на лестнице, чтобы я начала в темноте подниматься наверх, да не поднялась. Я мысленно одобрила соперницу: просто, коварно, эффективно! Я бы тоже с удовольствием поставила такую ловушку, только, к сожалению (или к счастью?), для меня, как для человека, испорченного гуманной и великой русской литературой, это невозможно. Даже думать о таком грех. Однако же я подумала!

Тут на глаза попала золотая коробка и полетела в недра моей сумки; представив разочарование любительницы небесных прогулок, я рассмеялась. Какая сладкая месть, и по тому же сценарию: просто, коварно, эффективно! Я стала спускаться вниз.

— Видеть морского коня — это не к добру...

Кто это сказал? Сердце перестало биться, пришлось опереться рукой о холодную стенку и оглядеться. Я как раз стояла между двумя мирами. Наверху, где в окнах были старенькие рамы со стеклами, прямо над моей головой светился квадрат, как кусочек странного лилового неба. Внизу, подо мной, наступали тени: сквозь щели в ставнях еще проникали полоски угасающего света, и на контрасте тени казались совсем черными, густыми, будто темные волны, покачиваясь, обступали со всех сторон и угрожали затопить лестницу. На минуту показалось, что я тону, но деваться было некуда, ибо наверху тоже скоро стемнеет. А внизу выход, свобода — и я нырнула в эту темноту.

Нырнула почти в буквальном смысле слова — поскользнулась и пересчитала спиной последние поперечины на досках (видно, о чем думаешь, то и получаешь). Потом, потирая спину, схватилась за дверную ручку (замков у него нет, говорил хозяин), дверь чуть приоткрылась и застопорилась. Кто-то подпер ее снаружи большой палкой! Это явилось приятным открытием: выходит, он все-таки надеялся вернуться. Впро-

чем, такое необычное признание в любви ничего не меняло — игра по чужим, очень странным правилам отменялась.

Я все равно уйду. Только как? Я стала размышлять: если через окна проходило столько света, значит, доски прибиты на живую нитку. Значит, можно выйти не через дверь, а через окно! Подсвечивая мобильником, я тщательно обследовала все ставни, демонстрируя преимущества дедукции над примитивной силой. И действительно, в одном из окон щит был не прибит, а просто прислонен к кирпичам, и я без потерь выбралась на волю — даже не порвав плаща и не сломав каблучков. Встала, отряхнулась, представила себе, как Василий возвращается полный надежд, отставляет палку и, придумывая извинительные речи, поднимается на цыпочках наверх. А там никого! Улетела монада. Не поймал! Хотя лучше было бы, чтобы поймал...

Я медленно пошла к автобусной остановке. Василий не встретился, винного магазина в окрестностях тоже не наблюдалось. По улице шагали люди, низкое небо нависло лиловым куполом. Солнце почти село, сквозь темно-синие облака напоследок поблескивал красный свет, и я вздрогнула, вспомнив глаза гиппокампа. Как, однако, неуютно вечером в городе. Скорее домой, хватит приключений!

Но мои испытания не закончились. Обиженная, продрогшая, я стояла на остановке уже полчаса, а трамвай не появлялся. Вот такой праздник я себе устроила! Все ополчилось против меня, а заварил эту кашу Василий. А может, это цыганская магия, отвод глаз? Я вспомнила историю про такси и цыганку с «подарочком»: чем-то это очень напоминало Василия с его безумным чаепитием. Предатель! Шутник!

От возмущения все закипело внутри, и тут я услышала шепот: один мужичок сказал другому, прикрывшись газетой:

— Глянь! Вот на такой женишься — и все, трындец тебе придет!

Это он о ком? Неужели обо мне? Я покосилась на отражение в рекламном щите: женщина с горящими глазами, презрительно оттопыренной губой, почему-то со скрещенными на груди, как у Наполеона, руками. Неужели это я? Не может быть!

И вдруг на другой стороне улицы я увидела большой винно-водочный магазин с неоновой рекламой над входом. Под вывеской блестела модная черная дверь с серебристой ручкой. Я могла бы поклясться, что минуту назад его не было. А может, я его не заметила? Тем не менее факт налицо: черная дыра, поглотившая Василия и Валентину, была в двух шагах.

Глава 13

Яркая неоновая надпись гласила: «Вина!» Восклицательный знак был похож на грозящий палец: чья вина? Кто виноват и в чем? И при чем здесь я? Я смотрела не отрываясь и мысленно звала спасительный трамвай, надеясь сесть в него и быстрее уехать! И чтобы больше никаких проблем! А буквы разгорались все ярче и ярче, притягивали, и не было сил отвести глаза.

Однако трамвай где-то подло задерживался. Мне пришло в голову, что автомобильный поток, который то замирал, когда зажигался красный свет, то мчался вперед, похож на воды огромной реки (например, Лимпопо): вспыхивают крокодильими зрачками огоньки иномарок; тяжело отдуваясь, выгребают гиппопотамы-троллейбусы. Казалось, что автомобильная река вот-вот выйдет из берегов — я чувствовала, я ждала, что сейчас что-то произойдет. И совсем не удивилась, когда на переходе возникли Василий с Трехой. Они нелепо подпрыгивали, дружно размахивали руками и хвостом, пытаясь привлечь чье-то внимание — чье-то, но не мое. Меня они даже не заметили.

А через секунду это случилось. Раздался громкий хлопок, и душе-раздирающе завизжали тормоза. На том берегу, под неоновой надписью, стала быстро собираться толпа. Спустя короткое время плавно подкатила «скорая». Я быстро выхватила из футляра очки — сквозь мощные линзы было видно, как молодой полицейский оттаскивает Василия от санитарной машины. При этом цыган метил кулаком в его солнечное сплетение, а Треха явно примеривался, чтобы схватить стража порядка сзади за брюки.

— Василий, что ты делаешь?! Это же сопротивление властям! Сейчас увезут в отделение, а у тебя никаких документов нет! — Я похолодела от ужаса. — Пойдите!

Я рванула через дорогу так, как не бегала в молодости — только полы моего длиннющего итальянского плаща взвились черными крыльями.

— Не трогайте его! Не забирайте! Он нечаянно...

— Аня! Анечка! Успокойся, это совсем не то, что ты думаешь...

Лейтенант и Василий разжали объятия.

— Пожалуйста, объясните! Что случилось? — обратилась я к офицеру.

— ДТП. Девушку сбили. Вы что, не видели?

— Аня! Анечка!

Василий стоял, дыша словно загнанная лошадь. Потом рванул на груди рубаху — пуговицы фруктовыми косточками защелкали об асфальт.

— Ой, лихо мое, лихо! Ох, дышать нечем... Аня, это ужасно! Я ее убил...

— Валентину?!

Он кивнул.

— Ее только что машина сбила. Из-за меня... Увидела и через дорогу кинулась, на красный!

— Насмерть?!

— Я не знаю. Все! Никогда грех не искупаю, доигрался я...

— Я же просила: не ходи...

— Анечка, и зачем я не слушал тебя? Видела бы ты, как ее подбросило, до самого небушка...

— Василий, не надо!

Я почувствовала, как расплываюсь, теряю форму, превращаюсь в воду. Улица вдруг на глазах изменила пропорции: дома поползли в разные стороны, а тротуар наклонился, и, чтобы не упасть, пришлось схватиться за рукав мальчика-полицейского.

— Дама, не слушайте его. *Non est culpa vini, sed culpa bibentis** , — неожиданно выдал лейтенант. — Почему вы так удивились? Я же второе высшее получаю, на юридическом учусь, латынь — наш хлеб. Давайте успокоимся, и я вам все объясню. Все началось с того, что девушка положила в сумку бутылку виски и категорически отказалась платить, устроила драку с охранником и опрокинула стеллаж с товаром. Потом попыталась сбежать, отвлеклась... — лейтенант кивнул в сторону Василия, — на вашего знакомого и попала под машину.

— Она не украла, она взяла! Понимаете разницу? — У Василия дергалось веко, а голос прерывался: казалось, он сейчас задохнется или начнется истерика. — Го-осподи, она же ненормальная! Она вне нормы, она не понимает слово «нельзя» и всегда спрашивает: почему? Поймите, лейтенант, она просто взяла эту проклятую бутылку, как ребенок может взять игрушку в игрушечном магазине. У нее наверняка были деньги, у нее всегда есть деньги (не знаю откуда). Она могла бы заплатить!

— Но не захотела, — жестко подытожил полицейский. — Правильно я понимаю?

— Да я бы заплатил! Опоздал, опоздал! На пять минут... Ну надо же, бутылка — и жизнь человеческая!

— А у тебя что, — лейтенант внезапно перешел на «ты» и смерил взглядом Василия с головы до ног, — тоже всегда есть деньги? Ты, вообще, кто?

— Это... сторож монастырский, — неудачно вмешалась я.

— Странно! В каких отношениях состоял с потерпевшей? Любовник? отец? муж? опекун? Если знал, что девушка «вне нормы», почему не лечил, не контролировал?

— Я никто. Просто знакомый.

Василий испугался и на минуту пришел в себя.

— Тогда зачем себя винишь? У тебя нет никаких прав...

— Право человека у меня есть! А я — осел! — крикнул Василий.

— Тебе виднее. И все же человеческих прав для опеки недостаточно, поэтому случилось то, что должно было случиться. Так сказать, результат безответственного отношения...

— Простите, лейтенант... — не выдержала я.

Голос куда-то пропал, однако нужно было держаться. Вопли Василия были, мягко говоря, неконструктивными.

— ...А удар действительно был очень сильный? Что сказал врач? — с трудом выдавила я из себя.

— Сделают что могут, но шансов мало.

— Они так всегда говорят.

— А как же иначе? Разве можно отбирать надежду? Все-таки врачи, гуманисты!

— Боже, как жалко!

* Не вино виновато, виноват пьющий (*лат.*).

— Конечно, жалко, девушка красивая, но кто знает, что лучше? Я бы, например, лучше умер, чем в коме лежать после такого удара или ездить в коляске до конца жизни.

Василий издал звук, похожий на собачий вой.

— Это вы виноваты! Вы тоже виноваты! Она вас боится! У нее в жизни ситуация была...

— По-моему, это правильно, когда воры боятся полицию. — Парень пожал плечами. — Или я не прав? — Он повернулся ко мне: — Поверьте, я девушку не меньше вас жалею. Я даже попросил врача позвонить, когда будет ясность.

И тут же пронзительно запел его мобильник. Василий по-детски схватил меня за руку:

— Что?!

— Пока ничего.

Лейтенант медленно и неохотно поднес трубку к уху:

— Да! Я вас слушаю... Спасибо... Ну, ничего не поделаешь, все само по себе решилось. Говорят, все к лучшему.

Мы не посмели ни о чем спросить. Полицейский положил телефон в кармашек сумки, и вдруг его взгляд скользнул куда-то вверх, мимо наших голов, словно он проводил странную леди Рубенс, которая уходила в зовущий и манящий небесный мир. «Самое главное — войти в небесные двери! Кто-то вернется, кто-то останется...» — это было последнее, что она сказала мне в этой жизни. Оказывается, я запомнила и теперь, наверное, никогда не забуду.

— По-моему, все предельно ясно. — Лейтенант строго посмотрел на нас, и мы низко опустили головы. — Предлагаю перейти прямо к делу. Свидетель, вы готовы? Будем протокол составлять?

— Я паспорт дома забыл, — прошептал Василий.

— У меня есть! Я стояла на остановке, я тоже свидетель — могу все рассказать.

Пришлось быстро соврать, потому что на самом деле судьба отвела мои глаза и я не видела, как погибла Валентина.

— Вы же говорили, что ничего не знаете!

— Нет, я просто... хотела, чтобы вы меня поддержали... Последняя надежда, так сказать...

Мы побрели за лейтенантом. Я обернулась, чтобы позвать Треху, понуро сидевшего у фонаря. И вдруг над магазином вспыхнула вся вывеска. Лиловый сверкающий неон и красные ободки вокруг букв горели, как глаза свирепого гиппокампа. Жуткий слоган издевательски подмигивал, моргал и разгорался все сильнее и сильнее. Электрическая вывеска кривилась и лопалась от хохота: «Лучшие... Лучшие вина! Лучшие вина в магазине “Мечта”!»

— Дама, вам плохо?

— Да, мне очень плохо. Я, наверное, тоже сейчас умру.

Глава 14

Из отделения мы вышли, когда улицу насквозь прошили золотые стежки фонарей и почти все путники благополучно добрались до своих или чужих квартир. Наша странная тройка одиноко стояла, раздумывая, как жить дальше, и все (даже Треха) старались не глядеть друг на друга. Но мы не спешили расходиться, предчувствуя, что разойдемся навсегда. Я злилась на Василия, из-за которого попала в историю. Особенно заводела мысль, что все случилось по врожденному легкомыслию.

— Вот и полюби дурака, — невольно сказала я вслух.

— Лежачего не бьют, — мрачно ответил Василий, ковыряя носком сапога край газона. И вдруг поднял на меня большие, круглые и удивленные, как у совы, глаза: — Аня, ты сказала «полюбила» или мне послышалось?

— Послушай, так нельзя! О чем ты сейчас думаешь? Из-за нас погиб человек, а ты...

— А я все равно о тебе думаю, — упрямо сказал Василий. — Пожалуйста, не сердись на меня. У меня, наверное, так голова устроена или сердце, что тут можно сделать?

Я совершенно растерялась, не понимая, что делать с таким признанием.

— У нас какое-то странное объяснение, и ты какой-то странный...

— Ну зачем об этом говорить? Нужно как-то пережить случившееся...

— Почему ты не сказал об этом раньше?

— Раньше не имел на это права: копия не должна быть лучше оригинала, — таинственно сказал Василий. — Но я уверен: ты постепенно привыкнешь.

— В смысле?

Он внимательно рассматривал меня, словно через увеличительное стекло. Днем этот человек сверкал, как бенгальский огонь, — фейерверк эмоций и улыбок. Теперь он сканировал каждый миллиметр моего лица как некое всевидящее око.

— Не нужно так смотреть! Я как будто стою под лупой... Хотя это неважно.

— А что важно?

— Я устала и хочу домой.

— Мать, ты чего?

— Не трогай меня!

Я решительно сделала шаг в сторону и чуть не упала, потому что ноги внезапно согнулись. Голова закружилась, не желая сидеть на шее: она, точно маленький воздушный шар, рвалась вверх. Сейчас взлетит, как одуванчик, и что тогда делать? Все предметы дрожали и расплывались, словно отражения в воде.

— Ой, кажется, я тону.

— Аня, тебе опять плохо?

Василий подхватил меня под руку. Он снова стал прежним, но выглядел ужасно: бледный, под глазами тени.

— Тебе, что ли, хорошо? — слабо огрызнулась я. — Все, хватит, вызываю такси и уезжаю.

— А мы? Как нам без тебя? Неужели ты нас бросишь в такой день?

— Я не в духе и очень устала, — как можно строже сказала я. — Вы уж сами как-нибудь...

— Ну ты даешь... Не ожидал. Это предательство!

Треха все понял и максимально напряг свое обаяние, чтобы смягчить мое сердце: поднял уголком брови, опустил глаза и прижал к подолу плаща нос, оставив мокрый блестящий след. Дескать, смотри, мама, какой я непосредственный и преданный — и хозяин такой же! Прости его! Он не хотел, просто так получилось. Сердце слегка дрогнуло, и вдруг кто-то насмешливо шепнул в ухо: «Одна уйдет, другая останется». Фу, в какую неприятную историю я попала!

— Господи, да что тут непонятного? Не хочу я никого видеть сейчас! Я думаю только о Валентине, даже голос ее слышу, понимаешь?

— Еще как понимаю! В этом-то все и дело. — Василий мрачно посмотрел из-под густых бровей. — Я тебя даже ни о чем не прошу. Просто говорю как есть: откажешь — я от тоски чего-нибудь сотворю. И имей в виду, Анна, сегодня мне умирать не страшно.

— Да разве можно так настаивать? Это же... жестоко! Ты не оставляешь мне выбора!

Василий на секунду задумался.

— Прости, я не подумал об этом. Чужой выбор нужно уважать. Бывай!

Он развернулся и, ссутулившись, быстро зашагал прочь. Треха зарычал, кинулся следом, пытаясь поймать за рукав и оглядываясь в панике: дескать, чего молчишь, мать? Василий, не останавливаясь, аккуратно, но решительно отодвинул пса ногой, а на меня даже не оглянулся. Было ясно, что он не шутил.

— Стой, ты куда?

— На набережную, конечно.

— Зачем?

— Тебе знать не обязательно.

— Подожди!

Я задрожала как осиновый лист: кто знает, на что способен в горе безрассудный упрямец? Вдруг шагнет с набережной, чтобы уплыть на спине гиппокампа в другой, сказочный мир? В тот, который рисовал на своих картинах и о котором мечтала Валентина? «Странствовать лучше вдвоем. А ты, монада, запомни: там лучше, там такая красота, что забываешь обо всем!» — зазвучал в ушах Валин голос. Нет уж, хватит одного несчастья на сегодняшний день.

— Остановись! Стой! Я согласна — поедем вместе!

Василий не оборачивался.

— Вернись!

Но он уходил, а ноги-макароны меня не слушались, и тогда я второй раз за вечер упала в обморок.

Очнулась я на скамейке. Надо мной склонялись ветки молодой липы и Трехина морда, потому что голова моя лежала у него на спине.

— Пожалуйста, не пугай меня так больше!

Лицо Василия украшала прежняя белозубая улыбка: он был искренне счастлив.

— А я тут ради тебя так старался, так старался! Смотри, подушку подложил теплую, лечебную, живую — шерстяную. Нравится?

— Честно говоря, псиной пахнет. — Я села и попыталась найти в сумке мобильник. — Поедем домой!

— Правда? — Он просиял. — Ну, спасибо за приглашение, мать, за доверие! Только к тебе мы не поедем. Я передумал — отвезу тебя в волшебный замок...

— Зачем мне замок?

— Каждая женщина хочет стать принцессой, разве нет?

— Мне уже поздно по возрасту! Я согласна только на королевский статус.

— Хорошо! Поскольку главный маг — я, ты станешь моей королевой. Соглашаешься на такое заманчивое предложение?

— Не знаю, — усмехнулась я. — Говоришь, заманчивое? Меня, как филолога, смущает этимология: заманить, манить, обманывать, мания, магия... Знаешь, игра словами — это мое профессиональное увлечение.

— Ну вот, — обиделся Василий, — снова здорово: при чем здесь обман? Хочешь, сыну твоему позвоню? Скажу, что увожу тебя в гости, потому что ты лучшая женщина на земле! Дай трубу!

— Не дам!

Я даже вцепилась в сумку при мысли о таком звонке, но беспринципный Треха (готовый на все ради хозяина) начал скрести лапой по сумке, пытаясь разжалобить: «Только не бросай нас, только не бросай! Сироты мы!»

— Не надо. Не царапай! — Было ясно, что отступить поздно. — А можно уточнить: ты злой или добрый волшебник?

— Сам не знаю! Ты должна мне помочь в этом разобраться.

— При чем здесь я?

— При том, что со стороны виднее.

— Не всегда!

— Посмотрим! Так ты согласна?.. Ура! Едем! — И он вдруг лихо зашвырнул по-разбойничьи и взревел: — Такси!

Из-за поворота, как Сивка-Бурка, галопом вылетело такси. Водитель был вежлив и спокоен, ни одежда Василия, ни рыжий барбос его не смутили. Он скромно назвал стоимость «дополнительных услуг», постелил старенькое одеяло, и Треха нырнул в салон, не выказав страха и удивления, как будто поездка в машине была для него делом привычным.

Василий поклонился и галантно придержал дверь:

— Залезай, мать! Подожди, у него подстилка сбилась...

Пока он возился в салоне, из брючного кармана выпал какой-то квадратик. Я нагнулась и подняла забавную открытку, на которой красовались четыре милые сказочные жабы. Морды у них были очень серьезные, глаза грустные и умные, а одеты в средневековые шапочки и кафтанчики. Великолепные персонажи! Я улыбнулась и повертела открытку так и сяк. На обороте некто на великолепном немецком поздравлял liber* Василиуса с творческими успехами и желал дальнейшего процветания.

— Эй, Анна! Ты зачем чужие письма читаешь?

— Извини! У тебя есть друзья в Германии?

— Я гражданин мира.

— А письма они адресуют на кладбище?

— До востребования.

— У тебя же паспорта нет!

— Ну и что? Я даю взятки почтальоншам, и они нарушают закон. Я же волшебник-душевед. Но для каждого волшебства свое время.

— Знаешь, волшебник-душевед звучит почти как... душегуб.

— Отлично звучит! Я хорошо знаю, что нужно делать, и подсказываю людям. Хочешь пример? Один немецкий скульптор, человек серьезный и не способный придумывать сказки, получил заказ украсить аэровокзал. Естественно, он захотел изобразить что-нибудь обстоятельное, например оленей. А я отговорил: ну сколько можно? Придумал этих средневековых пупырчатых герров, подарил идею, и теперь наши герры всех веселят в местном аэропортике. Так что все-таки душевед я и не нужно спорить со мной!

— Но...

— Никаких «но»! Я авторитарный волшебник и этим горжусь. Стой, куда полезла? Ты точно хочешь назад?

— Точно. Я побаиваюсь авторитарных душеведов.

— Все равно я до тебя доберусь.

Он гоготнул и, несмотря на габариты, легко и ловко опустился на переднее сиденье.

— В плечах не жмет? — покосился шофер.

— Все нормально.

— Куда поедем?

— На Васильевский... «Фата-моргана».

— Это серьезно?

— Серьезнее некуда. А что?

— Ничего. — Спина шофера изогнулась в подобии поклона. — Красиво там...

— Трогай, командир. И музыку приятную поставь для моей дамы.

Мужичок еще больше смутился:

* Дорогой (нем.).

— Извините, я только джаз слушаю, а это на любителя. Хотите, радио включу?

— Не стоит, давай джаз.

Саксофон был потрясающий: меня просто захватил горячий поток музыкальной страсти. Он унес с собой все события безумного дня, и мои дрожащие от напряжения нервы превратились в мягкие шелковые ленточки. Минут через десять я отключилась...

Теперь я стояла на полянке посреди золотого осеннего леса. Грустно светило неяркое солнце, влажно поблескивала пожелтевшая трава, пахло мхом и грибами. Мимо моего лица, тихо кружась, пролетел один красный лист, второй... Я увидела старых знакомцев: под развесистой березой восседали четыре жабы. Заметить их было нелегко, потому что оранжево-сине-зеленые кафтаны и шапочки сливались с осенней полянкой. Хотя видно было плохо, зато отлично слышно! Пупырчатые герры музыканты деловито настраивали инструменты. Каждый бережно прижимал к груди свое сокровище: скрипочку-виолу, барабанчик, маленькую волюнку и тростниковую флейту.

И вдруг откуда-то появился Василий с дирижерской (или волшебной?) палочкой. Он взмахнул, и жабы грянули зажигательную шотландскую джигу. Дирижер залихватски отбивал ритм, а музыка становилась все быстрее и яростнее. Но вот Василий опустил палочку, широко развел руки, и из-за пазухи (а может быть, прямо из груди?) вылетел молодой ворон. Птица стремительно, красиво пошла вверх, делая мощные гребки крыльями. Василий засмеялся, заулюлюкал, глядел, улыбаясь, как ворон поднимается в небо. Потом подмигнул мне и исчез.

...Я резко открыла глаза.

— Ну вот, проснулась наконец! А мы полчаса стоим ждем, а счетчик работает: услуги-то дополнительные!

Василий усмехнулся и настезь распахнул автомобильную дверь. Из темноты ночи доносился забытый странный звук, похожий на дыхание или шепот: «Ш-ш-што... Пока-а-а...»

— Как будто... море! Где мы?

— На острове. Да чего ты испугалась, матушка? Это не Крым и не Куба — наш остров, Васильевский!

В этот момент Треха, которому надоело ждать, беспардонно прыгнул ко мне на колени и, неуклюже лягнув воздух задними лапами, вырвался из салона на волю.

— Видала, как надо? Неразумная тварь, а понимает. А ты все «чего» да «где»... Взвешиваешь, как в аптеке. Если не интересно, так поезжай домой — я оплачу.

Он выжидательно посмотрел на меня и, видимо, что-то прочел в глазах, потому что снова усмехнулся и протянул руку, помогая выбраться из машины. Такси мягко развернулось и укатило, поблескивая фарами, а мы остались на берегу черной Невы, по которой бежала широкая лунная дорожка. Внизу у воды носился одуревший от счастья пес.

— Надо же, как сверкает дорожка! Я такую только на юге видела...

— Это потому, что сегодня полнолуние. В полнолуние здесь всегда так. Ты лучше назад взгляни — красота какая!

Я обернулась и ойкнула от восторга: прямо перед нами, через дорогу, висел в воздухе белый замок. Снежные башни, сверкающие лоджии, переплеты, огромные окна и серебристые плиты, которыми был вымощен двор, отражали потоки лунного света. От этого замок казался невесомым и плыл, покачиваясь в воздухе, как хрустальный, фантастический айсберг.

— Ну что ты растерялась? Просто жилой массив, ну VIP, конечно, но это неважно! Важно, что архитектор все учел и теперь в полнолуние здесь театр иллюзий.

Он запрокинул голову в небо.

— Вопрос света! От него никуда не денешься! А люди, увы, дрыхнут и этой красоты не видят.

Василий наклонился и погладил Треху.

— Смотри, даже сиволапый песик стал серебристо-бриллиантовым.

— Значит, нам повезло?

— Конечно! Ты много раз в детстве читала про такие замки — сейчас есть возможность туда зайти.

— Но это же иллюзия! На самом деле это современный дом...

— Все относительно! Я всегда вижу то, что хочу видеть, и тебе советую: иначе сойдешь с ума от скуки. Пойдем?

— Нас не пустят!

— Excusez-moi!* Я здесь живу.

Я растерянно молчала.

— Кстати, у тебя сегодня голова не болела? А у меня из-за этой луны с утра болит. Очень хочется куда-нибудь кости бросить! Пойдем, Аня, не стесняйся! Сейчас стражника разбудим.

Мы подошли к воротам и миновали охранника, который энергично кивал и улыбался, приветствуя бродягу и пса с самодельным ошейником. А вот на мне, несмотря на красивый плащ, взгляд задержался: я была явно чужая в царстве «Фата-морганы».

— Дама со мной!

Войдя во двор, мы под прицелом невидимых камер в полном одиночестве направились к центральной башне. Когда шагали по серебряным плитам, мне показалось, что сзади зашуршал шлейф. Поднимаясь по ступенькам, я непроизвольно опустила руку, чтобы подобрать край старинного платья. Василий это заметил и одобрил:

— Молодец! Я вижу, ты осваиваешься в нашем сказочном мире!

— Я всегда любила сказки!

— А по тебе не скажешь, ты скорее похожа на разрушительницу иллюзий. И все равно ты моя королева — Королева Здравого Смысла!

— Что? Не хочу такой титул! — возмутилась я.

* Извините! (франц.)

Однако, вспомнив про рукопись, которую заперла на долгие годы в темном шкафу, замолчала. Потом сказала:

— Ты — волшебник, я — королева, а кто тогда Треха? Он же собака, он не может придумывать сказки.

— Почему не может? Не факт. Лично я понятия не имею, о чем думают собаки. По-моему, как и мы, обо всем. Во-вторых, мне кажется, что он не просто пес, а некий связной! Сквозит туда-сюда между мирами. Хотя это лишь моя догадка. Треха — хитрая бестия, и прямых доказательств нет.

Я почувствовала, что становлюсь счастливой: меня называли умной, талантливой и даже гениальной, но королевой... Титул присвоили впервые, и путешествовать в компании волшебника и лунного пса тоже не приходилось. Это было потрясающе!

Кабина лифта мягко и быстро взвилась вверх и, к моему удивлению, остановилась перед одной-единственной дверью: больше на лестничной площадке квартир не было. Такое я видела впервые и задала дурацкий вопрос:

— А где соседи?

Василий рассмеялся:

— Здесь начинается другой мир, Аня, с которым ты еще не знакома. Это мой мир, моя вселенная. Какие тут могут быть соседи? Добро пожаловать в Лунный дворец!

Дверь открылась, и мы проследовали в просторный высокий холл, где он снял с меня плащ и, встав на одно колено, сохраняя серьезность, переобул в тапочки с розовыми помпонами. Это было смешно и забавно: бородатый принц в ватнике и бледная, не очень молодая Золушка. Потом принц жестом пригласил следовать далее.

Мы вошли в странную гостиную, где половину стены занимало огромное окно-фонарь, из которого лился лунный свет. Треха с достоинством льва разлегся на ковре и превратился в серебряного сфинкса.

— Вот, Аня, это Небесная гостиная. Полетаем?

Василий любезно поставил рядом два белых кожаных кресла с прозрачными ножками, которые напоминали облака, висящие в воздухе.

— Это моя идея: я посвятил ее невесомости. Обожаю летать во сне. А ты?

— Никогда не летала, — соврала я, чувствуя волнение и легкую злость от непонятной ситуации. — Я абсолютно нормальный человек.

— А я? — Он головокружительно улыбнулся, и бедное мое сердце замурыкало под этим ласковым и веселым взглядом.

— Не знаю... Я думаю, что мне все снится. И ты, наверное, тоже.

Он рассмеялся тихо, но от души:

— Отчасти ты права. Сейчас попробую тебя удивить.

— Не надо, — прошептала я, и тут он пропал, как будто его и не было.

Глава 15

Мог ли этот мастер иллюзий стать птицей и вылететь в окно? Или невидимкой уйти сквозь стены? И что теперь мне делать в этой лунной башне одной? Сидеть и смотреть в глаза серебряному сфинксу?

Словно угадав мои мысли, Треха широко зевнул и выбежал из комнаты, цокая когтями: ему явно не было до меня никакого дела. Мое одиночество стало полным. А вдруг меня сейчас превратят... ну не знаю... во что-нибудь... Я крепко сжала в ладони телефон и поняла, что на самом деле мне не хочется уходить из Лунного дворца, где живет сумасшедший гипнотизер, фокусник или волшебник.

— Ну и превращусь — тем интереснее. Надеюсь, что не в муху. Не убежать же теперь отсюда? — прошептала я, страшно волнуясь, и от нечего делать вошла в удивительное окно.

Картина была сказочной: со всех сторон обступал черный океан с яркими звездами, и возникло неудержимое желание раскинуть руки, нырнуть и поплыть вверх, к манящей, идеально круглой луне. Не отдавая себе отчета, я шагнула вперед и случайно посмотрела под ноги — мой взор скользнул вниз и беспрепятственно прошел насквозь, до самых дворовых плит! Подо мной был стеклянный пол, прозрачный, как вода. Я будто чайка парила над серебристой мостовой! Я, которая с детства боялась высоты! Сердце начало замедлять бег — мне представилось, что сейчас умру.

— Спасите! Мне плохо... Вот-вот остановится сердце! Кто-нибудь, выведите меня отсюда: здесь очень, очень страшно!

— Лови ее, пес!

Треха схватил меня за край одежды и потянул назад. Весь его вид выражал возмущение: «Ведите себя пр-р-рилично, дама! Вам нечего делать внутри волшебного кристалла, потому что вы не вер-р-рите в сказки! Не переходите гр-р-раницу!» Потом подтолкнул носом, и я со всего размаху плюхнулась в свое «облако».

— Василий! Мне плохо!

— Сейчас, сейчас. Это голова с непривычки закружилась! Ты действительно не приспособлена к полетам! Вот возьми, обними закат и согрейся.

Меня закутали в красное одеяло.

— Так лучше? Ну надо же! А я всю жизнь обожаю высоту и зави-
дую птицам.

— Ты? Но... это же... не ты! Простите, вы кто?

Я вскочила с кресла. Передо мной стоял и улыбался симпатичный джентльмен в шелковой голубой тунике, уютных вельветовых брюках и домашних туфлях с загнутыми носами. Господин лишь отдаленно напоминал Василия, но это был не Василий! Борода, которая раньше роскошным руном спадала на грудь, превратилась в коротенькую бородку герцога Гиза. Беспорядочные кудри кольцами были тщательно зачесаны назад (как в театре), и у меня возникло подозрение, что под ними пря-

чется маленькая лысина. Пронзительные, круглые, как у птицы, глаза на-смешливо посверкивали.

— Ты садись, садись...

Я плотнее прижалась к кожаной спинке и притихла в облачном кресле.

— Подожди, Аннушка, включу свет на полные обороты.

— Зачем?

— Чтобы ты меня рассмотрела — будем заново знакомиться.

Комнату залил яркий электрический свет, в котором бесследно рас-творилось лунное сияние.

— Аня, скажи честно, кто тебе больше нравится: я или этот бомж в солдатском ватнике?

Он мягко, по-кошачьи, скользил взад-вперед по комнате, и как-то незаметно, словно из воздуха, на прозрачный столик приземлилась бу-тылка виски, три бокала, блюдо с закусками. Последними появились пе-пельница и сигара.

— Простите, а куда делся Василий?

— Исчез. Растаял. Ты даже не представляешь, как он мне надо-ел за это время! Я так счастлив, что наконец избавился от этого голема. Понимаешь, я его просто придумал, а он стал реальнее меня!

— Ты... вы... его придумали? Звучит ужасно...

— Что в этом ужасного? Я же лучше... Ты привыкнешь.

— Никогда! — отрезала я со всей искренностью.

— Сопротивляться бесполезно: я обещаю, что цыган не вернется.

— Никогда?

— Никогда! Но ватник и сапоги лежат в мешке, в ванной. Можешь посмотреть на эти реликвии.

— Так кто же вы?

— Одиссей, сын Лаэртов, везде изобретением многих хитростей славных и громкой молвой до небес вознесенный...

— При чем здесь Одиссей?

— Увы, это мое настоящее имя, а Василий лишь скромный псевдо-ним! И не цыган я, а грек-понтак, сын университетских преподавателей, некогда переехавших в наш славный город. По профессии — психолог, по призванию — волшебник, в общем, обыкновенный экстрасенс.

— А... картины?

— Мои, не отрицаю. Как художник тоже известен, хотя это неважно: к счастью, я во многом талантлив.

Мы замолчали. Обаятельный и успешный господин, не обделенный чувством юмора, только что легко и непринужденно сжил со света бедно-го моего Василия. Но я почему-то не возмущалась. Наоборот, не могла отвести взгляда от этих круглых, птичьих глаз.

— Простите, вы не представляете, как мне жалко...

— Василия?

— Д-да, и особенно тот рассказ: как обменял комнату на машину, как купил цинь, как дрался... Это было так зажигательно... А оказалось обычным враньем?

— Это чистейшая правда, дорогая нью-куй, только я немножечко отредактировал рассказ. А в остальном все так и было: и машина, и комната, и цинь, и драка... Кстати, если тебе не нравится Одиссей, называй меня по-немецки Василиусом.

Он наполнил бокалы.

— А почему три? Мы кого-то ждем?

Василиус поморщился, как будто обжегся.

— Увы, нет. Это для ушедшей. — Он кивнул на бутылку: — Точно такая, как та, магазинная, из-за которой и случился весь наш кошмар. Желания должны осуществляться, не так ли?

— Звучит немного цинично... Бедное пропащее дитя!

— Пропащая? О нет! Очень творческая девочка была, между прочим, но злая на жизнь. — Василиус усмехнулся. — Она устроила этот алкогольный скандал в знак протеста.

— Против чего?

— Против всего: против меня, например, против тебя, несправедливости этой жизни...

— Да уж, творческая особа, Есенин в юбке!

— Она юбки терпеть не могла! Не ревнуй так откровенно — вы чем-то похожи.

Я вспомнила, как нагло и цинично рассматривала она мою тощую интеллигентную фигурку, лишённую соблазнительных выпуклостей и изгибов. У меня не было аргументов, пришлось отвести глаза — тогда леди Рубенс глубоко и сладко вздохнула, и по белоснежной рубашке пробежала мягкая округлая волна...

— Ну уж нет! Я — и эта бомжиха?!

Мой собеседник укоризненно пожал плечами:

— Я думал, тебе нравятся бомжи, я ведь тоже...

Василиус залпом опрокинул бокал, помял в пальцах гламурную сигару и неожиданно извлек откуда-то пачку «Беломора».

— Не были аристократами — и нечего привыкать, правильно говорю?

Он сосредоточенно курил, щурился, молчал, и я вдруг подумала, что куда не делся мой цыган и это еще большой вопрос, кто из них настоящий: Василий или этот странный Одиссей? Наконец Одиссей-Василиус с силой смял окурочок в пепельнице и сказал:

— Все! Хорошо друг дружкой любоваться. Я готов продолжить нашу беседу. Кстати, забыл сказать: Валентина не бомжевала. Все чин по чину: квартирка-студия, интерьерчик неплохой, карманные деньги всегда водились. А кто оплачивал, кто давал и за что, она никогда не рассказывала. Вернее, рассказывала, но этих историй было за миллион.

— Например?

— Ничего интересного: все из дамских романов.

— Она же профессиональный музыкант?

— Скорее всего. Самой достоверной мне показалась версия, что она потеряла работу в оркестре из-за своего вольнодумства. Еще есть вопросы? Я за то, чтобы все выяснить, между нами должно быть все ясно.

— Почему?

— На самом деле ты уже догадалась почему, только я произнесу это вслух потом.

Да, я догадалась, что он имеет в виду, но вместе с радостью поднялась обида и перехватило дыхание.

— Ты все врешь! Вы были любовниками! Это ты снимал её квартиру!

Мне было стыдно: имя Валентины подействовало как соляная кислота, которую выплеснули в лицо, — на минуту даже потемнело в глазах. Однако мой собеседник сохранял полное спокойствие и смотрел почти с профессиональным интересом.

— Я всегда подозревал, что у тебя заниженная самооценка, несмотря на внешнюю успешность. Но чтобы настолько... Милая нью-куй, мы никогда не были любовниками, хотя я ей очень нравился.

— Я тебе не верю!

— Это твои проблемы. В утешение скажу, что ты единственная женщина, с которой мне интересно и по которой я скучаю. Единственная! Ты слышала меня?

Он был обворожительным, мужественным и спокойным; не только Валентина, любая женщина мечтала бы о нем! На минуту я почувствовала себя на вершине блаженства. А как я сейчас выгляжу? И тут увидела свое отражение в стеклянной крышке стола. Нет-нет, это злобное, красное и растрепанное существо вовсе не я! Не нужно злиться. Не нужно волноваться. Чтобы отвлечь Василиуса, быстро спросила:

— А где ты нашел эту леди Рубенс?

— Мы музицировали, играли Шопена в четыре руки на берегу канала. Не веришь?

— Нет...

— Напрасно — я редко вру. Впрочем, ты права, есть маленькая неточность: я не играл — я, как всегда, дрался.

— Не складывается у тебя с музыкальными инструментами.

— Не говори. — Василиус в притворном расстройстве поднял к потолку глаза, призывая высшие силы, и решительно выдохнул. — Карма! Карма у меня, видно, такая антимузыкальная... Итак, слушай! Около парадного стоял настоящий «Бехштейн». Видимо, кто-то переезжал. Мимо шла прекрасная девушка с русой шевелюрой...

— Шевелюрой?

— Да, она побрилась после, у нее что-то в жизни не ладилось, но это было потом. А тогда роскошные были волосы, и девушка открыла крышку пианино и стала играть, причем очень неплохо! Я заслушался. Канал, набережная, Шопен и красавица... Тут прибежали какие-то люди (наверное, хозяева), закричали, что бомжи ломают инструмент, и набросились на нас. Пришлось дать сдачи, взять ее за руку и убежать.

Я представила себе эту картину ярко, как в кино, и покачала головой.

— Куда ты смотришь, Анна? — Он встал, выключил свет и невесело пошутил: — Я все сказал! Очная ставка с Валентиной закончена.

Я невольно оглянулась.

— Не беспокойся, она уже ушла... Шучу.

Василиус прошелся по белому ковру и долго смотрел в свое волшебное окно.

— Аня, сегодня какая-то ночь бесконечная, все длится и длится. Я думал, светает, а луна на месте и даже ярче горит... Подойди сюда.

Я встала и осторожно вошла в эркер: за мощным плечом Василиуса это было совсем не страшно, наоборот, мы крыло в крыло парили над лунным морем.

— Ты удивительная женщина, Анна, в тебе есть некий магнетизм. Ты веришь, что, если сильно повезет, можно встретить человека, с которым захочется вместе жить и умереть?

— Не знаю я...

Мне вспомнился Игорь: это было, казалось, тысячу лет назад. Но ведь было же! А боги и вправду жаждут — дают и отнимают, и кто-то обязательно остается один.

— Нет, правда, так бывает! Только очень редко. Послушай старого циника...

Неожиданно он обнял меня и повернул к себе.

— Ты ведь не красавица, Аня, но черты лица изящные, как у дам в старинных манускриптах. А про твои глаза вообще молчу — просто лесная русалка. Заворожишь — и любой мужик с радостью в омут нырнет! И душа у тебя странная, необычная: мимо не пройдешь — остановишься. Ты притягиваешь как магнитом...

И вдруг он замер. Я тоже замерла.

— Вспомнил! Вспомнил, на кого ты похожа — на одну польскую артистку. Я в Варшаве сериал видел, она там панну Мнишек изображала.

— Да? Всего лишь на артистку? — выдохнула я.

Вот как, оказывается, работает информационное поле, с ума можно сойти...

— А почему не на ясновельможную панну?

— Ты не перестаешь меня удивлять, дорогая нью-куй. Ты что, королевского роду? — растерялся Василиус. — По-моему, это небольшая наглость, а? Кольцо еще не есть доказательство родства.

— Есть портреты!

— Извини! Никто из нас живой ее не видел, так что сравнивать сложно.

Я испугалась, что он читает мои мысли, и перешла в наступление:

— А зачем ты вообще притворялся бомжом? Синдром Гаруна ар-Рашида? Зачем ты жил на кладбище? Это же ненормально!

— Вот! — Василиус поднял палец и таинственно сказал: — Мы дошли до главного — до моего проекта. Он завершен, и ты в нем звезда. Или моя муза — это как угодно. Только постарайся спокойно выслушать и не орать.

— К-какой еще проект?

— Условное название — «Адище города», посвящен бездомным и одиноким.

— А почему я... часть проекта?

— Ты его жемчужина! С тобой все удалось: я изваял тебя, как Пигмалион Галатею. Разве ты не заметила, что прошла через превращения? Помнишь, какой ты была, когда мы встретились? Маленький хромой воробушек прыгал вдоль ограды. Я хотел броситься вдогонку, когда ты умчалась, но побоялся довести до инфаркта. А теперь? Теперь ты почти волшебница! А ты меня за кого приняла? За привидение?

Последний вопрос Василиус задал с детской непосредственностью. Он сиял и явно был в восторге от проведенной акции.

— За кладбищенского Санта-Клауса.

— ?!

— Извини, я пойду. Я не думала, что надо мной ставят эксперименты. Все гораздо проще казалось: ты в меня влюбился... Как жаль, что я была лишь жертвой науки!

— Таки влюбился! Но потом...

— Отлично, значит, все-таки факт нежной страсти был... Что-то мне не хочется здесь оставаться: ты, оказывается, наблюдал за мной через увеличительное стекло. Всего хорошего!

Резко откинув одеяло и выпутавшись из пылающего «заката», я случайно взглянула на стену: там отплясывал черный цыганский заяц. Я вскрикнула и упала.

Когда очнулась, Василиус стоял на коленях перед креслом с пузырьком нашатыря.

— Чего тебе, мать, привиделось?

— Черный заяц — он от меня не отстает.

— Откуда здесь зайцы?.. Да это тень от одеяла: угол задрался — вот тебе и заяц.

— Нет, это старая цыганская история!

— Цыганская? Интересно! Расскажешь?

— Ни за что! Ты поместишь мою историю в какой-нибудь проект.

— Изволь, Анна! Например: «Психические расстройства одиноких женщин среднего возраста»... Нет, лучше так: «Причины женского одиночества и психологическая характеристика».

— Что?!

— Успокойся, это было за тысячу лет до появления тебя в моей жизни: всего лишь название студенческого диплома.

— Боже, ты даже не понимаешь, какой ты подлец!

— Анна, прекрати! Просто я люблю свою работу...

Я из-под ресниц снова посмотрела на стену: она была белой как снег. Он прав! Скорее всего, привиделось: отброшенное одеяло неудачно спроецировало тень... А ноги не шли, ноги были ватными, и оставалось только заплакать от отчаяния.

— Так, мне все ясно! — Василий мягко, но решительно сгреб меня в охапку: — Ты остаешься здесь до завтра.

— Это еще зачем?

— Затем, чтобы обдумать в деталях поведение психолога-извращенца. Утром расскажешь. Сейчас я отнесу тебя в кабинет, заставленный пыльными книгами и антикварной дрянью. Мне кажется, что комната твоей мечты должна выглядеть именно так.

— По крайней мере, я отдохну от этого стеклянного сугроба.

— Отлично! Ты уже начала соглашаться со мной.

Через пять минут я лежала на черном диване с кожаными кнопочками и дубовыми подлокотниками. Вокруг до самого потолка уходили вверх стеллажи с книгами и тускло блестело золото переплетов.

— Я что, в XIX веке?

— В начале двадцатого. До революции еще лет пять.

— Ты действительно волшебник?

— Нет, заурядный бродяга во времени...

Он упал в кресло, которое для солидности громко выдохнуло: пыф-ф!

— Знаешь, твоя борода сюда очень вписывается.

— Не фантазируй, Анна! Просто я обожаю контрасты и... я очень богатый человек, который может себе кое-что позволить. Говорят, что деньги — это потенция мужчины.

— Что ты себе позволяешь?!

— Хорошо, извини! Потенциал. Я забыл, что ты синий чулок. Ладно, не злись. Смотри, что у меня есть.

Рядом с креслом стоял столик, украшенный бронзовым орлом. Мне показалось, что когда-то птица держала в клюве лампу, но сейчас там висела связка ключей.

— Зачем столько ключей? Неужели все комнаты запираешь?

— Какие комнаты, Анечка? Это ключи от прошлого! Я храню ключи от своих старых квартир, мастерских и тех мест, где был счастлив когда-то. Всего этого уже давно не существует в природе, но вдруг повезет и я все-таки стану путешественником во времени? А как войти в прошлое без ключей? Как отпереть дорогие двери?

— А от монастырской гостиницы есть ключ?

— Вот он.

Я кивнула — это было чудесно! У Василиуса заблестели глаза, как у мальчишки.

— Знал, что ты меня поймешь! Я тебе покажу много забавных штук. Например, у меня есть коллекция старинной оптики — лучшая в Питере. Это интересно?.. Вот смотри, какой образчик. — Он снял с полки и протянул изящный театральный бинокль: — Это самый безобидный.

Бесспорно, вещица была достойная — я бы пошла в театр только для того, чтобы на глазах у всех достать такую штучку из сумочки!

— Красиво! Это позапрошлый век, да?

— Начало двадцатого.

Я поднесла бинокль к глазам — соседняя стенка поддвинулась почти вплотную.

— И линзы прекрасные!

Но тут раритет выскользнул из рук, потому что мне почудилось: с той стороны через окуляры кто-то тоже внимательно рассматривает меня — глаза в глаза.

— Ой!

Василиус ловко поймал на лету выпавший бинокль:

— Осторожнее, Аня! Вещь дорогая... Ничего страшного: время — многомерная величина, с той стороны тоже смотрят.

— Значит, можно увидеть в бинокль живого гиппокампа?

Он тяжело вздохнул:

— Можно увидеть все что угодно. Зачем ты без разрешения лазала на чердак? Надеюсь, не заглянула ему в глаза? Это к несчастью.

— Мы случайно встретились глазами, — сказала я виновато. — Где ты взял этот бинокль?

В комнате стало тихо. Василиус молча постукивал пальцами по столу.

— Мне его подарила Валентина. Только не нужно так смотреть!

— Но мне страшно! — истерически крикнула я и закрыла лицо руками.

— Хорошо! — одобрил Василиус. — Мне нравится этот жест! Выглядит по-королевски — капризно и изящно. Сейчас попробуй отыщи пугливую даму! Жаль, кокетства маловато: ум забивает. Не нужно ничего бояться, куколка, я рядом.

— Это возмутительно! Да как ты смеешь? — Я аж пристукнула кулачком. — Не желаю, чтобы меня обсуждали! Либо принимай какая есть, либо...

— Тише, тише, моя прекрасная панна!

Я растерянно посмотрела на него снизу вверх: коричневые круги вокруг глаз Василиуса впечатляли. Он моментально понял мой взгляд.

— Предлагаешь взять тайм-аут? Что же, это правильное решение, милая нью-куй. Защитник должен быть в форме, да? Оставить тебе пса для уюта?

— Не нужно, он меня не любит.

Треха презрительно зевнул, словно говоря: «Не надейся, что буду спорить. Да, не люблю и ревную к хозяину».

Напоследок Василиус не удержался и сказал:

— Я рад, что ты меня выслушала, и спасибо, что не утешала.

— А утешать — пустое: мертвые не оживают.

— Да, к сожалению. Все бы отдал за стакан живой воды, веришь?

— И я бы отдала.

Мы помолчали. Василиус пребывал в задумчивости и вдруг усмехнулся и подкрутил усы.

— Ай, какие глаза у панны — как два ясных озера... Интересно, какой я в этих лучистых глазах?

Я приложила палец к губам: силы были на исходе.

— Это останется моей тайной. По крайней мере, сегодня...

— Тогда спокойной ночи!

— Спокойной ночи, Василиус!

Я долго лежала, покусывая губы и уставившись в потолок: не было сна. Моя повесть, выпущенная на свободу из темного шкафа, тихо и незаметно поглощала мою жизнь, наполняя ее другим смыслом. Я снова превратилась в сказочницу! Зачем я так долго читала чужие книжки и перестала мечтать? Нет, я больше не могу и не хочу странствовать по чужим мирам!

Теперь освобожденное воображение лавиной мчалось вперед, уничтожая на своем пути здравый смысл. Сказочная нереальность захватывала мое бытие шаг за шагом, как морской прилив: Лунный замок, волшебник и странный рыжий пес — современный Анубис. Интересно, что будет дальше?

Ах как ты разбушевалась, старушка нной-куй! Веди себя приличнее. А приличнее не получается, потому что, увы, впервые за много лет я почувствовала, что жизнь прекрасна! И это уже никому не отдам, потому что я влюбилась. Забавно, но факт: пролог нашей истории был страшно-вато, остается надеяться на счастливый финал... Впрочем, даже не слишком счастливый финал меня устроит, потому что я не хочу без него жить! Теперь только с ним, только вместе, иначе все теряет смысл...

И здравомыслие покинуло меня — ушло, так сказать, не прощаясь. Хотя ведь никто не заглянет в мою голову, никто ничего не узнает — так за что же краснеть? И я, наслаждаясь свободой, изобретала новые и новые версии. Мысли бежали одна за другой, как кадры в сумасшедшем кино. Вот мы с Василиусом идем по маленькому заснеженному городку. В окнах горят красные свечи, блестки снега на черепичных крышах, а на старой площади стоит высоченная рождественская елка и отражается в черной реке, которая плавно огибает ночной город...

А вот мы летим над морем на огромном воздушном шаре...

Следующая картинка: мы сидим в старинной усадьбе. Судя по всему, эта небольшая комната — библиотека. За окном бушует ветер, три собаки и четыре кота свернулись пушистыми баранками на ковре и подлокотниках кожаных кресел — кому где удобно. Боже мой, как тепло и уютно в окружении старых книг и любимых зверей! Какое блаженство...

— Неплохо придумано, я тоже туда хочу. Можно с вами?

Кто это сказал?! Мое кино остановилось — я даже услышала противный писк ленты, как в пленочных магнитофонах.

— Валентина?

Мне никто не ответил. Я лежала в полной тишине, слушала, как шуршит органза от легкого сквозняка, и умирала от страха. Да, это была она — сидела на подоконнике и смотрела на меня.

— Прости, Валентина, это ужасно... Он не хотел, правда! И я... я тоже очень переживала. Я бы сейчас все отдала за живую и мертвую воду.

— Правда?

— Правда.

— Смотри, тебя за язык никто не тянул... Поживем — увидим, — неожиданно весело сказала девица. — К тебе у меня нет вопросов. Вернее, почти нет. Если хочешь, чтобы я ушла, считай до миллиона, а сейчас закрой глаза...

И я начала считать. На первой сотне меня подхватил ветер, отнес в осенний лес, осторожно опустил на знакомую полянку. Но куда-то пропали герры музыканты! А без них лес казался спящим и печальным.

Мои глаза превратились в оптические приборы: я видела каждую иголочку на соснах-великанах, каждую прожилку на рыжих листиках. Слух обострился, как у дикой кошки: я слышала, как ворочается в дупле старая сова, которой не спится днем, как шепчутся две улитки на шляпке мухомора; но флейта и скрипка молчали... И вдруг откуда-то появился Василий.

— Анюта, милая моя, яхонтовая, бриллиантовая! Не там музыкантов ищешь! Они ж на волшебном озере, наши маэстро все-таки жабы, и вода — это их дом!

И тут же пронзительно запела волынка. За большущими папоротниками блеснуло озеро.

— А почему вода черная?

— Оно очень глубокое...

На волнах покачивались осенние листья. Изящная лодочка с жабьим оркестром скользила по гематитовой глади, раздвигая носом красно-золотой ковер. Она стремительно удалялась от нас, седая крыса-гондольер уверенно правила к другому берегу. Внезапно налетел влажный и холодный ветер, закружил, выстрелил в небо красным фейерверком, и листья превратились в крохотных жар-птиц, огненных колибри, жаркими искрами улетающих ввысь. А музыканты снова ударили яростную джигу, от которой похолодело сердце: визжали скрипки, завывали волынки, пронзительно стонала флейта...

— Кр-расота-то какая! — прозвучал у меня над ухом мягкий баритон, и сердце замерло от счастья. — Ух-х ты-ы! Никогда не думал, что они в природе существуют.

— Кто?

— Жар-птицы, Анечка, жар-птицы! Примета добрая. Весть хорошая.

— Василий, как я рада, что ты пришел!

— Анна, слушай быстро, что сказать хочу: ты этому Василиусу не доверяй, он из звездных лучей сети плетет и ловит птиц, а эти птицы — наши мечты...

— Как это? Вы же одно и то же?

— Конечно нет! Я птица вольная, а он птицелов...

И тут я проснулась!

Минут пять лежала и повторяла: птицелов, птицелов. Разумеется, это тоже всего лишь сказочный персонаж, но было как-то неприятно. Да ведь были и жар-птицы — весть добрая... Я решила не разгадывать

сон, чтобы не расстраиваться или, наоборот, не очаровываться лишними надеждами, и отправилась на поиски земных благ, среди которых чашка кофе приравнивалась к живой воде. Интересно, есть кофемашина или кофеварка в этом психоаналитическом замке? А вдруг, на мое несчастье, здесь пьют только лунный свет и звездную энергию?

Пушистые розовые тапочки (без сомнения, тоже волшебные) привели на уютную и светлую кухню. Солнце беспрепятственно проникало через огромное окно (чуть меньше, чем в гостиной) и ложилось теплым квадратом на дубовый ламинат. Внутри солнечного квадрата мохнатым сюрпризом нежился Треха. Он лежал на спине, как отдыхающий на пляже, широко раскинул лапы и закатил глаза, даже кончик языка высунул от наслаждения.

— Ах, мне бы твои заботы! — завистливо сказала я.

Пес не шевелился. Меня явно игнорировали.

— Знаешь, я никогда не думала, что собаки могут спать на спине и получать при этом удовольствие.

Треха лениво стукнул хвостом об пол, дескать, на тебе, раз хочешь общаться! Никакого почтения, тем более радости от встречи пес не выказывал: видно, мне он отвел последнее место в хозяйской иерархии.

— Чего молчишь? Вообразил себя человеком? Ты негостеприимный! Кстати, что у вас тут пьют и едят? Я умираю от голода!

Вредный пес сделал вид, что не слышит. И опять случилось маленькое чудо: на столе оказался заботливо сервирован вкуснейший завтрак. Рядом с сахарницей сидел игрушечный мишка, сжимая в лапках шелковое сердце.

— Ну что? — не преминула я поддеть ревнольца. — Видел?

Треха скосил глаза и одновременно изобразил полное равнодушие. Я проследила за его взглядом и обнаружила листочек. Четким, красивым почерком там было написано: «Доброе утро, Аня! Я тебе приготовил сюрприз, но вынужден отбыть по неотложному делу! Стремлюсь к тебе — жди...»

У какой женщины не замрет сердце от таких слов? Давненько меня не баловали сюрпризами! Я улыбнулась, налила чашечку кофе и с наслаждением развалилась на стуле, пробуя счастье на вкус.

Так мы радовались вдвоем с вредным Трехой: счастье у нас было разное, а божество общее, одно на двоих. Все было замечательно, я расслабилась и закрыла глаза. И вдруг снова почувствовала присутствие Валентины. Вернее, это чертов пес перевернулся на брюхо и, вытянувшись в струнку, внимательно наблюдал за окном. Форточка была приоткрыта, и желтые собачьи зрачки неотступно следовали за кем-то — от окна внутрь кухни... Я дрожащими пальцами нажала на кнопку, чтобы долить кофе, но из-под резинки вырвалось облачко пара и фарфоровая чашка-цветок рухнула на пол. Осколки белоснежными лепестками разлетелись по всей кухне.

— Господи, что за хулиганство такое? И главное, за что? Треха, ты же у нас посланец между мирами. Подскажи, как быть-то? Как поставить точку в этой истории? Верить, мое единственное желание — чтобы она осталась жива.

— А кто сказал, что она умерла?

Я удивленно посмотрела на собаку:

— Нам так сказали...

— Вам именно так сказали?

— Не выдумывай, пес! Некоторые вещи следуют из контекста. Лейтенант сказал: «Ничего не поделаешь, все само по себе решилось».

— Это при переводе мысли следуют из контекста, а в реальной жизни бывает наоборот.

— Не умничай, ты лишь собака.

— И что?

— Повторяю, лейтенант сказал...

— Он ничего конкретно не сказал. А ты в душе радуешься: нет человека — нет проблемы.

От такой мысли я даже поморщилась — так это было мерзко, неприятно и... увы, честно! Треха приподнял бугорки бровей, просканировал меня зрачками и, потеряв всякий интерес, отвернулся.

— Чего-то много волшебников развелось, — пробормотала я сквозь зубы и отправилась за телефоном.

Мозг работал как часы. Вернувшись в кухню, я села на стул, крепко сжимая трубку в руках, и с ужасом поняла, что хочу умереть. Возникло ощущение, что я по собственной воле лезу в корзину воздушного шара, чтобы умчаться в холодные неведомые дали. А потом, возможно, со всего размаху шмякнуться о землю. Я положила телефон на стол и тихонько отодвинулась вместе со стулом. Тут пес встряхнулся, уселся напротив и заглянул в глаза.

— Ты зачем так смотришь? Не смотришь, а даже, извините, пляшешь...

И вдруг вспомнилось: я подсовываю ему финские сосиски и преспокойно бросаю помирать на подтаявшем кладбищенском снежку. Господи, а ведь с виду вполне интеллигентная женщина — откуда в нас столько всего?

Сжала зубы, выдохнула и для разминки обратилась к своему неожиданному судье:

— Ты прав, не спорю. С обвинением согласна и обязательно исправлюсь.

Пес продолжал меня изучать и, по-моему, не поверил. Тогда я откашлялась и как можно веселее спросила:

— Ну что, рыжий Анубис, страж мертвых? Ты же наверняка все про всех знаешь. Подскажи: куда ее могли отвезти? Какая здесь ближайшая больница?

Я надеялась, что, учитывая количество больниц в Петербурге, ситуация сложилась безнадежная. Но в моей голове вдруг четко прозвучало:

— Тринадцатая объединенная.

— Э-это ч-что? Это ты? Сквозишь туда-сюда между мирами?!

Мне показалось, что уголки черных собачьих губ приподнялись в ухмылке, однако пес просто зевнул и равнодушно уставился в окно. Всем видом он как бы говорил: «Хотела увильнуть? А кто сказал, что будет легко?»

— Ох как ты меня достал! Никакой ты не Треха, ты им только притворяешься... На самом деле ты самый настоящий оборотень — все Василиусу скажу...

Пес снова усмехнулся: «А то он не знает?» Я пробежалась по гуглу и негнушима пальцами набрала номер.

— Алло... — Сердце обмирало и куда-то падало. — Это справочная? Я хотела узнать...

— Слушаю... — откуда-то из глубины, как будто из-под земли, глухо донесся злой старушечий голос, и возникла сумасшедшая мысль: «Еще неизвестно, кого он подсунил. А вдруг это сама Мора — богиня судьбы из царства мертвых?»

— Простите, по-моему, моя знакомая попала к вам. Я хочу помочь...

Я затаила дыхание: сейчас мне скажут, что мертвым помощь не нужна. Но, как только я, путаясь и сбиваясь, задала свой вопрос, дежурная богиня спокойно сообщила:

— Если вы говорите про ДТП на Московском проспекте, так это Ивановская Валентина вам нужна, которая вчера под машину кинулась.

— Как — кинулась? — опешила я. — Ее сбили.

— Нет! — тихонько рассмеялась старуха, и я похолодела. — Не угадала, моя хорошая! Полиция говорит, сама кинулась! Они там всё перемеряли.

— Она в коме? Парализована? — Я облизала пересохшие губы и нервно сглотнула слюну.

— В сознании. Про паралич врач тоже ничего не говорил. Ушибы, переломы, сотрясение... Но девка сильная, крепкая, так что ничего страшного. И ребенок удержался.

— К-какой ребенок?! — поразилась я.

— Так беременная она... Дело ясное: сначала, «страстью сгорая», любил-любил, а как пеленочки да распашоночки — кому нужно? Видать, бросил бедняжку, а она вот и решилась. Проявила слабыхарактерность, да уйти от ответственности не получилось! Здоровый ребенок оказался!

— Боже мой, какой бред!

— Не бред, а самая настоящая реальность! А ты-то кто? Подружка или разлучница? — спохватилась Мора и снова захихикала.

От этих смешков побежали мурашки по коже, и я не выдержала:

— Что вы себе позволяете? Что здесь смешного? Вы же на работе.

— А чего — плакать, что ли? Я же тебе не про покойников рассказываю. Вроде все живы. Или ты не рада?

— Я на вас жалобу напишу, — отрезала я и выключила мобильник.

Некоторое время сидела, приходя в себя. Значит, Василиус догадывался, что это было не ДТП. Может, поэтому так и убивался, раскаявшийся грешник! А беременность? Это что, обещанный сюрприз? Я была почти уверена, кто снимал для нее квартиру, и громко расхохоталась: кажется, начиналась истерика. Но он же все отрицал... Какой ужас! Какая я идиотка! Счастливый отец, кто бы мог подумать! А зачем

ему я? Я ценный объект изучения, ценный и очень забавный. Да, ситуация складывается, знаете ли, обхохочешься... В этот момент до колени дотронулась мохнатая лапа с когтями.

— Отстань! Или нет: выпусти меня на волю. Слышишь? Я хочу уйти.

Пес не шевелился и снова положил лапу. Но меня уже было невозможно остановить. Я встала и покачулась: опять закружилась голова.

— Треха, не смей меня удерживать! Или он тебе поручил?

Я закрыла лицо ледяными руками, чтобы приглушить нарастающую головную боль.

— Господи, сейчас лопнет голова, в нее это все не вмещается... Ну ладно ты — имеешь право. Я не в обиде... А твой хозяин? Он же обманщик.

Горячий язык лизнул руку. Треха смотрел строго и осознанно, как будто что-то знал и хотел объяснить, да не мог. В его желтых зрачках читалось сочувствие.

— Отстань. Теперь уже все равно. Вы меня, как Валентину, жизни сейчас лишили, только виртуально. Ничего, все вернется на место. Приключения закончились... И все равно вы — компания колдунов, адское сборище! Хотя ты тут ни при чем, ты за справедливость. А вот твой хозяин другое дело — это какой-то доктор Коппелиус!* Тот Коппелиус с помощью фигурки голубя забирал души людей. Вот откуда сон про ворона: что ж, Василия твой хозяин тоже уничтожил... Меня почти свел с ума. Валентину, как черт, толкнул под машину. Таких нужно сжигать на костре... Птицелов. Да-да, птицелов! Как это я не догадалась раньше!

И вдруг меня осенило, я лихорадочно ощупала пальцы. Господи, я оставила кольцо дома, в зеркальном тайнике! Вот когда надо... Пес зло и встревоженно зарычал. Но я не боялась, я уже ничего не боялась!

— Дурачок! Я не собираюсь сводить счеты с твоим хозяином. Не хочу больше никаких приключений. И зла было предостаточно. — Я положила руку ему на голову, и пес ее не сбросил. — Просто у меня наконец-то появилось желание. Эх, знать бы все раньше, я бы Вале это кольцо подарила — пусть бы стала музыкантшей... И тогда, наверное, все сложилось бы по-другому. Это единственное мое желание на сегодняшний день.

— Ты не хочешь остаться? Дождись хозяина.

— Я ухожу. Нет человека — нет проблемы.

Он слегка прикусил край одежды.

— Пошел вон, сторож и сообщник!

Пес отпустил: дескать, как хочешь. Спотыкаясь, я пошла в коридор, путаясь в рукавах, надела плащ, и в этот момент в сумке истошно заверещал мобильник. Меньше всего на свете хотелось разговаривать, но я машинально начала его ловить. Уже села в лифт, не чувствуя ни ног,

* Имеется в виду не гофмановский классический доктор Коппелиус, а таинственный персонаж из «Книги зеркал» Э. О. Чировици.

ни пальцев, как будто стала стеклянной, а телефон все звонил. Это был... Демиург. Его голос был спасительным канатом, в который я вцепилась изо всех сил. Он показался мне почти родным.

— Анна? Где ты шляешься? Почему вне зоны действия?

— Я... уезжала. — К горлу подступали слезы.

— Дуй на работу: у нас ЧП.

— Сегодня же выходной.

— У нас всегда трудовые будни. Ясно? Нужно поговорить.

И я подчинилась.

Наглый Демиург меня обманул: я поняла это сразу по удивленным глазам охранника.

— ЧП? Я не знаю, но главный приехал.

— А остальные?

— Больше никого нет, только вы.

Было ясно, что меня вовлекли в новую интригу — воистину, то были удивительные дни! И они никак не кончались...

Я прошла по пустым комнатам: офисный муравейник отдыхал. Шла и чувствовала, как успокаиваюсь, здесь я была в безопасности... Интересно, зачем вызвал? Наверное, срочный перевод. Как хорошо все-таки, что есть работа. Работа от всего лечит... Я взялась за ручку кабинетной двери и вдруг оглянулась: посреди комнаты стоял Демиург, засунув руки в карманы, и смотрел на меня глазами Вия — как тогда, в первый раз...

— Боже мой, вы меня напугали! Что случилось?

Он грамотно выдержал паузу.

— Ожидаемое. Анна, я давно хотел тебе сказать, но откладывал. Решил, пусть сначала это произойдет, тогда, по крайней мере, будет повод. Надеюсь, что сия чаша нас с тобой минует, однако... увы! Моя интуиция никогда не подводит.

В голове мелькнула смешная и нелепая мысль: неужели он тоже собрался признаваться в любви?

— Да что случилось? — сердито сказала я. — Не тяните.

— Помнишь своего австрийца?

— Тот длинный детектив? — У меня отлегло от сердца. — Конечно!

Он ведь лидирует по продажам в этом месяце?

— Точно так.

Демиург достал сигареты и бессовестно закурил.

— Завтра же сюда люди придут!

— Анна, я у себя дома.

— Но это и мой дом, то есть наш.

Я замолчала под его взглядом — это была настоящая гранитная плита. Само собой возникло отчаянное желание, чтобы мой босс онемел. Только этого не произошло. Он заговорил не торопясь, стараясь донести каждое слово, и не спускал с меня глаз.

— Как оказалось, твой подопечный читает по-русски. Писать не может, а читать читает... Сюрприз!

— И?.. — холодея, спросила я.

— Приятно удивленный неожиданной популярностью, он взял в руки наше издание... и был потрясен. Он сказал, что из его книги сделали масспродакшн, украли сюжет и всего этого он не писал. И знаешь, как он назвал тебя? — Демиург помолчал и громко, отчетливо произнес: — По-пу-ля-ри-затор.

Я прислонилась спиной к стене.

— Прекратите... Надо же, меня понизили! Даже не интерпретатор. Давайте закончим этот неприятный разговор.

— Не могу. Он готовит судебный иск о нарушении прав, и это правда жизни, а остальное — эмоции.

— Меня... посадят?!

Он затынулся, потом философски полюбовался, как колечки поднимаются к потолку.

— Скорее меня. А тебя могут оштрафовать и лишить лицензии.

— А у меня нет лицензии.

Демиург неожиданно расхохотался:

— Неужели такое бывает? Не сподобилась за столько лет?

— Вы же знаете...

— Не знаю... Короче, Анна, я договорился, однако есть условие — твоя фамилия больше никогда не появится в выходных данных. Это джентльменское соглашение.

Он крепко сжал губы и стал похож на римского патриция. «Против необходимости не восстают и боги». Что еще? Меня принесли в жертву обстоятельствам. Видимо, судьба решила сегодня меня прикончить. Принять я могла, но принять...

— Вы же были довольны мной!

— Был, не спорю...

Он по-ястребиному прищурился, как будто отслеживал цель.

— Да не о тебе речь, соратница! В основном я недоволен собой: отстал я, застрял в прошлом, считай, вся наша кипучая деятельность лишь эхо девяностых. Это был толчок, понимаешь? Теперь все поменяю — и тактику, и стратегию, — хочу выпускать серьезные вещи.

— А я? Уволена?

— А ты книгу пиши хорошую — издадим!

— Значит, уволена...

Слез не было, наоборот, яростным цунами поднималось возмущение и протест.

— Это нечестно! Когда-то вы даже не захотели взглянуть на мою книгу... Я же из-за вас занялась переводами, по-пу-ля-ри-зацией!

— Ну, я же не Бог, хоть вы и зовете меня Демиургом. — Он пожал плечами. — Я, скорее всего, ошибся, а во-вторых, срочно был нужен переводчик, так что считай это зигзагом судьбы. Ты, в конце концов, могла развернуться и уйти. Раз приняла предложение, значит, тебя все устраивало.

Демииург устало провел веснушчатой лапой по лицу, совершенно похамски кинул окурок на пол и наступил на него изящным остроносым «Бугатти».

— Прости, хотелось бы поскорее закончить этот разговор. Поверь, все к лучшему в этом лучшем из миров, все идет как надо. Хотя мне жаль, Анна, конечно, жаль... Я специально вызвал тебя сегодня, чтоб не было лишних вопросов. Собирай вещи, и я скажу шоферу, чтобы отвез тебя домой...

И тут я чуть было не смалодушничала: хотелось спросить — а это навсегда? Или, может быть, в дальнейшем... ну, скажем, через месяц... Но я хорошо знала своего начальника и гордо кивнула, подавив жалобный писк в глубине горла:

— От машины не откажусь, а стол и пожитки оставляю на память. Ведь должна от меня какая-то память остаться кроме популярных книжек.

И пошла к выходу, высоко подняв голову: приглашение на казнь нужно принимать с достоинством — только так можно остаться в истории. Прежде чем открыть дверь, обернулась: увы, никто не смотрел мне вслед — Демииурга уже не было в комнате.

Глава 16

Дома я села за круглый столик и задумалась. Впервые за много лет у меня было море свободного времени и очень много одиночества — целая пустыня. Что делать с этими двумя стихиями? Утонуть или заблудиться? А вокруг кого-то, наоборот, раскинулся целый океан любви — почему мне не досталось ни капельки? Это несправедливо.

Я вспомнила про кольцо: а если попробовать? Приворожить... Но кого? Василия не существует в природе. Привораживать некого, разве что Демииурга: странно, нашу нежную кокетливую дружбу обстоятельства сразили наповал! Да нет, хитрец просто воспользовался случаем, чтобы избавиться от старого чемодана без ручки: тащить тяжело, бросить жалко. Вот и нанес рыцарский удар милосердия — сокрушительный и разящий, зато без проволочек. И наконец-то наступила полная ясность...

Мне захотелось посмотреть на себя в зеркало: все-таки интересно, как выглядит эхо девяностых и изменилась ли я за эти безумные дни? Но вместо пудреницы пальцы нащупали что-то круглое и твердое — это оказалась Валина коробка с райскими птичками.

Опять зазвонил телефон — сначала домашний, потом мобильный — я проигнорировала и покосилась на блюдо с курительными принадлежностями.

— Волшебник! — Я презрительно сморщила нос, вспомнив, как негодник извлек из воздуха пачку папирос вместо элегантной сигары. — Обыкновенный фокусник! Ловкость рук и никакого мошенничества... Говоришь, «небесные двери», моя девочка? Что ж, поверю тебе. Думаешь, не захочется возвращаться? Посмотрим! Я сделаю это в твою честь, ибо была несправедлива к тебе.

Набив папиросу, я закурила, но никакие врата не открылись. Скорее, наоборот: в комнате произошли отвратительные изменения. Тени, падавшие на белый коврик, медленно поползли к моему стулу. Я понимала, что это кажется, и спокойно наблюдала, как они оживают и превращаются в огромных улиток. Одна подобралась вплотную и внимательно следила за мной глазками-усиками.

— Мерзкое земноводное! Или моллюск? Ты кто, вообще-то? Как называешься? Я в биологии не сильна...

Он (или она?) равнодушно выслушал мою тираду и вдруг с силой выбросил розово-серый липкий и холодный язык, который плотно обвился вокруг моей щиколотки.

— Фу, какая гадость! Пошел! Ты что задумал, урод?

Меня спас душераздирающий звонок телефона — третий за последние полчаса. Пришлось взять трубку. Однако это был не Василиус. Голос доносился глухо, человек путался в словах и говорил с расстановкой.

— Анна Александровна, помогите...

— Нет уж, увольте! Простите, а с кем я разговариваю?

— Это Трофим Ус.

— Господи, я совсем забыла о вас.

— Анна Александровна, у меня, похоже, инфаркт. Мне очень плохо...

— Но я не врач! Звоните в «скорую»... Скажите, в конце концов, свой адрес — я вызову...

— Не могу! Дома хранятся ценнейшие вещи. Раритеты! У меня есть Рене Лалик! А если что-нибудь пропадет?

— Вы плохо думаете о людях. Я не собираюсь быть вашим понятием.

— Тогда вы станете моей невольной убийцей, как говорится, «и аз воздам», ибо я, грешник, заслуживаю казни. Но если бы вы знали, как хочется жить!

Он заплакал. Я сжала кулачки: ох как все не вовремя, как не вовремя! А что делать? Ну, значит, так нужно.

— Сейчас вызову такси. Говорите адрес.

— Я знал, я знал, что вы не откажете! О доброе сердце! Я уже послал за вами машину. Посмотрите во двор.

Я посмотрела, смирилась с судьбой, накинула пальто и шагнула за порог.

...Мы лихо и красиво развернулись около знакомого магазина, и таксист галантно распахнул дверцу. Я торопливо протянула купюру:

— Пожалуйста. Сдачи не нужно.

— Поездка оплачена.

— Вот как? Кем же? Ведь хозяин болен.

Шофер удивленно пожал плечами:

— Не знаю. С утра вроде ничего были.

Эта новость подтверждала мои худшие опасения.

— Простите, вы можете подождать?

— Никак нет! У меня срочное поручение: я, как Джеймс Бонд, всегда на задании.

— Постойте! Я ненадолго...

— Всего хорошего, звоните, помогу, если смогу! А на нет и суда нет. Он протянул через окно визитку и рванул с места.

С тоской я оглядела пустую улицу и почувствовала, что закипаю. Сначала Василиус, потом Демиург, а теперь еще и посторонний мужик с нелепой фамилией! Уж нет! Разумеется, я немедленно отправлюсь домой, но сначала скажу этому Усу все, что думаю, и верну дурацкое кольцо. Мерзкий авантюрист! Предложил мне историю, и я с радостью вошла в игру. Еще бы! Кому не хочется ощутить себя потомком королей? Ну, если честно, какая из меня панна Мнишек? Ох, тщеславие, проклятое тщеславие! Я даже подпрыгнула от радости. Конечно! Давно нужно было это сделать, и не было бы никаких проблем. Сейчас войду в этот странный дом — и верну!

Я приблизилась к особнячку: дверь, как и в первый раз, была не заперта. Но на всякий случай я, как воспитанный человек, дернула за веревку колокольчика, предупреждая о своем приходе. Ди-длин! Ди-длин! Веселая звонкая россыпь гулко прокатилась по дому. Дом многозначительно молчал, давая понять, что гостей здесь не ждут, и я, малодушная, от души обрадовалась! Наверное, его все-таки спасли, увезли в больницу, и можно отправляться восвояси, а кольцо отдам потом. Ничего страшного: главное, я приняла правильное решение.

— Входите, не заперто! — неожиданно раздался приятный и почему-то знакомый женский голос.

— Нет-нет, спасибо! Я тороплюсь домой. Кажется, произошло недоразумение!

— Ах, вот что... — Дама помолчала. — А я было подумала, что это он вас так ждал. И, кроме того, мне нужна помощь!

— Простите, я спешу...

— Я все понимаю! Очень жаль, но что поделаешь? Хотите, я вызову для вас машину?

Ждал... Нужна помощь... Инфаркт... О, жизнь человеческая — мгновение! Нельзя просто так взять и уйти, иначе может случиться непоправимое.

— Нет-нет, машина не нужна! Вы правы, он мне действительно звонил. Хотелось бы все выяснить, и, если нужно, я готова помочь.

— Так проходите в гостиную. Что за резон кричать как в лесу?

— Иду...

«Простите, уважаемый антиквар, я сделала для вас все что могла... Очевидно, приехали ваши родственники? Нет, правда, я плохо вас знала, но мне искренне жаль...» Я поспешила в комнату, придумывая на ходу слова соболезнования, и замерла на пороге. Здесь не было ни девушки, ни хозяина, ни толпы плачущих родственников. На первый взгляд, все было как в прошлый раз. Толстые темно-зеленые портьеры плотно задер-

нуты, чтобы отгородиться от случайных соглядатаев. На конторке и столе оплывают свечи, на стенах горят канделябры. И все-таки у комнаты был другой вид — торжественный и странный. И самое главное, все ювелирные витрины открыты и пусты. Явное ограбление! Однако почему никого нет, я же слышала голос! Кто это был? Неужели воровка?

— П-простите... Здесь есть кто-нибудь?

Тут я увидела знакомое кресло, как будто специально повернутое спинкой к двери. Здравый смысл подсказывал, что его недра прячут что-то или кого-то от посторонних глаз. Это одновременно пугало и волновало, словно Синяя Борода вручил мне ключ от тайной двери. И я жалобно забормотала, надеясь, что услышу живой голос в ответ:

— Я отнеслась к вам по-доброму и сделала все, о чем вы просили. Мне не хочется думать, что попала из-за этого в неприятную историю. Где же вы, господин Ус? Куда исчезла незнакомка?.. Вы пугаете меня. Как ваше сердце? Пожалуйста, не молчите!

Комната игнорировала мой словесный бред и выразительно молчала. Внезапно, почти коснувшись лица, мимо стремительно пролетела стрекоза из витрины, похожая на золотой аэропланчик. Значит, это не ограбление? Или ты каким-то чудом вырвалась из рук грабителей? Стрекоза бесшумно сновала по комнате. Да, это была она, крохотная химера с обнаженным женским телом. Она рассматривала меня со всех сторон. Красивая головка с высокой прической еле заметно поворачивалась влево и вправо. Мускулистые лапы грифона с мощными когтями подрагивали, как будто готовились к хватке. Мне показалось, что стрекоза прочитала мои мысли: дескать, еще неизвестно, кто из чьих лап вырвался.

Она сделала круг над креслом, и я, не в силах оторвать взгляда от этого удивительного создания, последовала за ней, чуть не наступив на двух роскошных бабочек, которые неуверенно двигали ажурными крыльями, поблескивая рубиновыми и изумрудными гранями. Я шагнула назад и с ужасом заметила, как вокруг кресла шевелится ковровый ворс, по которому неуклюжековыляют золотые пчелы, серебряные кузнечики и нефритовые скарабеи. Все ювелирные вещицы из витрин, медленно оживая, двигались по полу в жутковатом параде.

— Боже мой, какое странное зрелище! Это что-то немислимое! Зачем вы их выпустили?

В этот момент, словно возражая, с подлокотника упала рука — длинные пальцы почти коснулись пола. От такой картины можно было потерять сознание, но, крепко сжав кулаки, так чтобы ногти впились в ладони, я заставила себя подойти к чертовому креслу. То, что я увидела, было ужасно, однако я этого ждала.

Бедняга Ус полулежал в шелковых недрах, голова упала на грудь, лысина блестела маленьким зеркалом. На его плече замер кузнечик с глазами из черного турмалина, усики дрожали от напряжения, он явно прицеливался, чтобы перепрыгнуть на меня. Антиквар был, без сомнения, мертв.

— Без сомнения, он мертв!

Девичий голос эхом донесся из темного угла рядом с конторкой, где тень была особенно глубокой. Но, присмотревшись, я отчетливо увидела, как из темноты высвобождается худенькая фигурка в черном платье. Блики от горящих свечей материализовались в бледное личико и кружевной воротник. Молодая особа стояла, прислонившись к стене и заложив назад руки.

— Как вы похожи на девушку с портрета...

— Только похожа? Странно, что ты не узнаешь меня, мой забавный потомок.

— Отчего же, я сразу узнала. А как вы покинули портрет?

Она улыбнулась:

— Это секрет, хорошо? Я три часа ждала, когда этого вурдалака заберут черти, но он так хотел жить... Видела бы ты, как он испугался, когда увидел меня! Я думала, у старика слабое сердце, он же оказался удивительно живучим. Никак не хотел умирать!

— Вы здесь уже три часа? Почему же не вызвали «скорую»? Его еще можно было бы спасти!

— С ума сошла, глупый потомок?

Она выставила изящный пальчик, и золотая химерка плавно спланировала вниз. Марина посадила ее на корсаж.

— Я четыреста лет мечтала о мести! Если бы могла, задушила бы вот этими руками. И потом, я же призрак, как я могла позвать врачей? Меня даже видят не все — только те, кто этого очень хочет. — Марина с осуждением покачала головой: — Всего каких-то три часа! Разве это много? Мой Иван умирал целую вечность: я дважды теряла сознание, приходила в себя, а мука все не кончалась...

Она задумчиво склонила голову, затем подняла густые длинные ресницы и посмотрела сквозь меня.

— Ну, может быть, не вечность, а чуть поменьше. Не знаю точно, потому что моя душа умерла вместе с ним. А тело — что же, оно просто влачило жалкое существование еще несколько лет.

Мне стало так ее жалко, что две слезинки невольно сбежали по щекам.

— Боже, как это ужасно! Я содрогнулась, когда услышала об этом. Мне кажется, ни одна мать не смогла бы выдержать такого зрелища. Я читала, что палача наказали: веревка не была рассчитана на вес ребенка и не смогла затянуться.

— Кто тебе сказал? Кто сказал такую глупость? Они сделали это нарочно, все было продумано до мелочей, ведь это была не только его казнь, но и моя.

— Пожалуйста, не нужно об этом! Мое сердце сейчас разорвется от жалости, я не хочу про это слышать!

— Тебе действительно жаль моего мальчишка? Как это хорошо! — Марина улыбнулась и взглянула на меня с интересом. — Ты поразитель-

но быстро откликнулась на просьбу антиквара, мой странный потомок! Самый нелепый из всех потомков! Хотя ты довольно мила и у тебя, вероятно, доброе сердце.

— Спасибо.

И вдруг меня осенило.

— Вы... это вы заставили его позвонить!

— Конечно! И, нужно сказать, он не раздумывал. И знаешь почему? Надеялся обменять свою жизнь на твою. Предательство у него в крови!

— Вы говорите ужасные вещи.

— Ничуть! Человека надо принимать как есть: этот иуда предал меня и невинное дитя, разве не так?

Она замолчала и не сводила с меня блестящих дерзких глаз. Замолчала и я. Было странно и нелепо беседовать в присутствии мертвого антиквара с дамой, которой уже четыреста лет нет на свете. Этот диалог с мертвецами действовал на нервы, и я попыталась вежливо и решительно откланяться:

— Простите, но, раз уже ничего нельзя изменить, я хотела бы уйти.

— Не раньше, чем ты исправишь его ошибку. Верни мое кольцо!

— Разумеется! За этим я и приехала, не нужно говорить со мной как с воровкой. — Я раскрыла сумочку. — Господин Ус подарил мне это кольцо, я на него ни в коей степени не претендовала.

— У него не было никаких прав на мою вещь! Если бы не его жадность, мой сын бы выжил — обернулся соколиком и улетел в синее небо.

— Боюсь, такое бывает только в сказках.

— Ты не веришь в магию желаний?

Я достала заветный футлярчик.

— Честно говоря, нет.

— Нет? Тогда с кем ты сейчас разговариваешь? Ведь ты мечтала меня увидеть, не так ли?

Я не знала, что ответить на этот вопрос, но искренне заступилась за Уса:

— Антиквар всего лишь потомок атамана и не должен за него отвечать.

— С чего ты взяла? Думаешь, время течет по прямой? Он просто сбежал и отдал кольцо, чтобы пустить меня по ложному следу.

— Побег длиной в четыреста лет?

— Увы, увы! Помнишь, он тогда предлагал еще и мой портрет, однако ты отказалась?

Она звонко расхохоталась, стала красивой и страшной. Невозможно было отвести глаз от этой мертвой панночки.

— Ты так ловко вывернулась! А он надеялся избавиться от меня и зажить в свое удовольствие. Как будто ничего не было... Похоже на игру крапленными картами, да? Не получилось! Бедный Ус! На этот раз он переоценил себя.

— Какая вы злая! А я вас тогда так жалела... А что было бы, если бы портрет оказался у меня?

— Я пришла бы к тебе, ведь я привязана к своей тюрьме. — Марина кивнула на портрет, занавешенный зеленым шелком. — Забрала бы кольцо, и наш хозяин остался бы жив.

— А я? Оказалась бы на его месте?

— Скорее всего! Но, к счастью, этого не случилось. Я сделала то, о чем давно мечтала, — насладились мстостью, и, если ты готова отдать кольцо, наградой будет жизнь!

— Да, это действительно счастье! — вырвалось у меня. — А ведь я хотела спасти вас, забрать у него этот портрет. Как хорошо, что я удержалась!

— Почему? — насмешливо спросила Марина. — Теперь ты не хочешь меня видеть? Как странно: ты же все время рассматривала мои портреты!

— Теперь я вас боюсь.

Я представила, как открываю глаза и вижу на фоне окна силуэт Марины, которая протягивает руку и требует кольцо. Какой ужас, а я так ей сочувствовала! Бежать, бежать отсюда скорее! Я собиралась уже отдать коробочку, однако женское любопытство оказалось сильнее.

— Простите, прежде чем я верну ваше кольцо, хотя бы намекните, зачем оно вам? Я так и не смогла придумать желание, а вы?

— А мое желание всегда вот здесь. — Марина дотронулась до сердца.

— Но историю нельзя переделать, и вряд ли вам достанется корона...

— О чем ты говоришь? Я хочу вернуть сына! Ты долго будешь еще меня мучить? — грозно сказала Марина и протянула узкую ладонь.

Я торопливо вложила в нее футляр:

— Понимаю вас и сочувствую! Только вряд ли кольцу по силам помочь: мертвые не оживают.

— Зачем мне его оживлять, если я тоже мертва?! Я просто хочу быть вместе. Но нигде не могу найти своего Ивана: ни на земле, ни под землей, ни на небе. Он исчез. Конечно, я грешница — он ангел, и трудно нам встретиться! Хоть бы след его найти, хоть бы след! Знаешь, как я тоскую о нем? О нет! Откуда тебе знать? Ведь твой сын и жив и здоров...

Ее лицо стало ясным и грустным, пальцы задумчиво гладили голубой бархат коробочки. Потом Марина вздохнула и приподняла крышку. Ее глаза стали прозрачными от ярости.

— Ты смеешься надо мной, женщина-писарь? Где мое кольцо?!

Футлярчик, покачиваясь, поплыл ко мне по воздуху: он был пуст. Как в замедленном кино, я вспомнила тот момент, когда прикрыла кольцо тетрадкой, потому что меня отвлек телефонный звонок.

— Боже мой, я забыла! Зачем я это сделала? Позвольте, вернусь домой, я оставила его на столе...

— И ты думаешь, я тебе поверю? — Она расхохоталась. — Всю жизнь меня называли хитрой, но некоторым я доверяла — и предавали именно они! Интересно, почему?

— Я не предавала! Просто забыла.

— Не затрудняйся объяснениями: мне нет до тебя дела! Знаю только, что хочу найти Ивана и для этого нужно вернуть кольцо!

— Как нелепо получилось! Я же сама хотела отдать кольцо! Почему вы не верите? Смотрите! — Я в отчаянии размахивала открытой сумочкой. — Здесь ничего нет.

— Перестань. — Марина изобразила брезгливую мину. — Я все равно не верю, но обыскивать не стану. Я устрою огненный бал, и ты приглашена первой.

Она потянулась к подсвечнику.

— К-какой бал? Что вы делаете? В-в-вы сумасшедшая!

— Отнюдь, — спокойно возразила Марина. — Из нас двоих сумасшедшая — ты. Я же тебе снюсь, а не наоборот. Мертвые снов не видят.

Она склонилась над свечой, подула на пламя, и гибкая золотая змейка поползла по столу, подбираясь к портьеру.

— Знаешь, как нужно поступать со старыми платьями? Их бросают в огонь — ветошь сгорает, а драгоценные камни остаются, золотые нити превращаются в слиток...

Марина любовалась пламенем, которое уже бежало вверх по портьеру.

— Я не старая тряпка, я человек!

— Довольно ветхий человек. Пусть несовершенное тело сгорит и исчезнет, а прекрасная и вечно молодая душа получит свободу. И если я найду кольцо, возможно, подружусь с тобой. Что ты стоишь и смотришь на меня, скучная женщина? Ты не любишь балы? Танцуй, танцуй огненную мазурку! Смотри, как красиво!

Она легко заскользила по комнате, раскланиваясь с невидимыми кавалерами. При каждом повороте на окнах загорались новые складки портьер, превращаясь в огненные водопады. Жар становился нестерпимым. У меня потрескивали волосы, дыхание перехватывало. Но сдаваться я не собиралась и кинулась к выходу с криком:

— Не догонишь!

— Ловите ее! — крикнула Марина, и стрекоза-химера метнулась в коридор.

Следом летел кузнечик с турмалиновыми глазами, и его серебряные крылья резали воздух как бритвы. За ним с металлическим звоном спешила вся сумасшедшая стая. Это был конец!

— Паша! — почему-то отчаянно закричала я, как будто внук мог услышать.

И вдруг увидела прохладное, прозрачное и сверкающее озеро, которое звало, манило и обещало спасение. Ни минуты не раздумывая, я бросилась в него, и водяные брызги превратились в ледяную, обжигающую лавину. Она накрыла меня с головой, и я исчезла...

— Какое зеркало было! Большое, добротное! Сейчас ни за какие деньги не купишь. Жалко!

На меня сверху взирал вороний зрачок, он поблескивал и подмигивал.

— Уйди... всевидящее око.

Голова так раскалывалась, что было больно смотреть, и я снова закрыла глаза.

— Плохо тебе, мать, да?

— Да...

— Так надо думать... Разве после такой дряни будет хорошо? Как же ты дошла до жизни такой?

— Не твое дело! Все равно ты сейчас исчезнешь — вот и убирайся в свой лес!

Господи, кому я это говорю? Это же... Вас... Василиус?

— Собственной персоной, мадам! По счастью, вы не заперли входные двери. Так что я не сон, а воплощенная реальность.

Я не только открыла глаза, но даже приподнялась.

— Убирайся! Я позвоню в полицию.

Василиус невозмутимо потряс золотой коробкой:

— Имей в виду: за употребление могут привлечь, да еще как!

Он непринужденно сидел в кресле, положив ногу на ногу, невообразимо прекрасный в элегантном шерстяном костюме, однако бледный и явно встревоженный. Левая рука была обмотана полотенцем.

— Скажи, это все из-за меня, да? Ты меня так сильно любишь?

— Я тебя ненавижу, ты врала и обманщик...

— И что я наврал? Это ты сбежала неизвестно куда, хотя клялась в вечной любви.

— Я ни в чем не клялась! Что у тебя с рукой?

Он кивнул в сторону коридора, и я, по-гусиному вытянув шею, увидела целую грудку блестящих осколков.

— Да, любимая, это ты головой пробила. Крепкая она у тебя.

— Я хотела убежать в Зазеркалье, чтобы никогда не возвращаться сюда.

— Ты ничего не перепутала? Может быть, ты бежала из Зазеркалья?

У меня в носу защипало, я еле сдержалась, чтобы не расплакаться.

— А мне куда бежать: у меня теперь нет работы и... и вообще ничего нет. Даже тебя.

— Даже меня? Какая малость... — Он насмешливо поднял бровь. — Может, ты объяснишь, что случилось?

— Я знаю, что Валентина беременна! И...

— И?.. — В глазах Василиуса блеснул неподдельный интерес. — Ты правда думаешь, что я единственный мужчина в Петербурге, от которого можно забеременеть? — Он почесал бороду и скромно опустил глаза. — Это, безусловно, лестно, но ты немного преувеличиваешь.

— Опять врешь.

Я лежала с закрытыми глазами, чувствуя, как они наполняются соленой влагой, и вот она перелилась через край и заскользила по щекам.

— Как правильно она сказала: почему предают именно те, кому доверяешь?

— Она — это кто? — поинтересовался Василиус. — Твоя подруга-наркоманка? У вас что здесь, притон?

— Нет, моя многоюродная прабабушка из Зазеркалья. Василиус, зачем ты пришел? Разве я звала тебя?

— Нет конечно, — серьезно сказал он. — Хотя иногда пригодится и незваный гость. Тогда, на кладбище, ты ведь тоже сама пришла? Послушай, Анна, ты спасла мне жизнь — похоже, теперь был мой ответный ход. Я рад, что успел, потому что мне бы тебя не хватало... Короче, не желаю жить без тебя! А ты? Ну-ка, отвечай прямо и без кокетства! Я ясности хочу!

— Я тоже... хотела, но теперь... — Я уже махнула рукой на собственное достоинство и захлебывалась рыданиями. — Уходи к своей Валентине, слышишь, убирайся! Исчезни из моей жизни, пожалуйста!

— О нет! Аня, не в моих правилах тревожить молодых матерей. Я свой выбор уже сделал. У нее есть жених, ребенок, и я здесь ни при чем. Вернее, при чем, только совсем чуть-чуть.

— Она же бросилась под машину!

— Бросилась и не отрицает. Я был сегодня у нее. Говорит, отец ребенка ее оставил по причине крайнего безденежья. Пришла она ко мне душу излить, а там ты! Разговор не получился... Говорит, я ее тоже предал. А твои циничные глаза, ехидная улыбка и презрительный вид усугубили боль измученной души.

— Что? — Я села на диване. — Какие глаза и улыбка?

— Ехидные и циничные! Видишь, дорогая, и ты не подарок! Валька говорит, мы вдвоем довели ее до отчаянного шага и лишили веры в людей. Она к нам как к родителям, с открытым сердцем, а мы... И ты, мать, ничем не лучше меня.

— Господи, что же делать?

Он прищурился:

— Не волнуйся, женщина, я уже все сделал. Что за бабы сейчас пошли? Почему вам всегда нужно что-то делать, везде лезть? Вот не полезла бы в мои дела, голова б цела осталась! Ты имей в виду, мне жена-наркоманка и своевольница не нужна!

— Какая жена? При чем здесь жена? Скажи лучше, как ты догадался, что Валентина жива? И что я здесь?

— Плохой бы я был волшебник, если бы не догадался! К тому же у меня есть осведомитель: мне Треха сказал.

— Но ты же сбежал!

— Я уехал дела улаживать! Я же не знал, что ты украла эту коробку. Знал бы — мигом бы нарисовался.

Я хотела возразить, потом побагровела и промолчала.

— То-то, женщина. Украла! По-другому не скажешь, а на правду не обижаются. — Василиус погрозил пальцем. — Это хорошо, что молчишь.

Начинаешь исправляться! Теперь слушай план дальнейших действий. Тебе интересно?

— Интересно... — прошептала я, чувствуя, как расслабляется во мне каждая клеточка, как захлестывает приятное тепло.

Рядом со мной был мужчина, и уже не хотелось ничего решать, руководить, выяснять и доказывать.

— Итак, с Валентиной произошли наилучшие изменения. Она побывала на краю гибели и твердо решила встать на путь исправления, не повторяя ошибок прошлого. В свою очередь я, заручившись обещанием, что буду посаженным отцом на свадьбе, отправился на поиски малодушного жениха.

— Начинаящий художник, наверное?

— Нет, литератор, но тоже начинающий.

— Литератор? Способный, перспективный?

Мне стало интересно.

— Скорее, не лишен искры таланта. Последняя вещь продается на ура, а вот денег почти не получил.

— Как это? Не понимаю.

— Обыкновенно! Сказки обман: он, когда узнал, что вещь будет издана, на волне эйфории согласился на любые условия.

— Наивный.

— Он ведь не наш человек, одно слово — иностранец.

— Наверное, из СНГ приехал? — посочувствовала я. — У них сейчас так трудно живется! Особенно творческим людям. Хотя где и когда им было легко?

— Это ты правильно сказала, мать! А наш автор из Шенгенской зоны прикатил — австрияк он, австриец! На родине успеха не дождался, видно, у интеллектуалов там проблемы как в СНГ. По-русски он не писал, но читал, даже каких-то современных писателей знал. После недолгих раздумий рискнул, приехал к нам и не ошибся! Тем более повторяю: парень был согласен на любые условия, лишь бы напечатали!

Я слушала, широко раскрыв глаза.

— Я не слишком занудно излагаю?

— Нет, что ты! Я даже предполагаю, что здесь дело пошло.

— Правильно, пошло. Еще как пошло! Молодой литератор был человеком неглупым — прочитал русское издание и понял, что ему достался гениальный переводчик. Говорит, даже хотел встретиться, однако в издательстве отказали. Ну, в общем, жил парень не тужил. Был в восторге от Петербурга, творческой тусовки и русских девушек. Потом встретил Валу и влюбился. Тут встал вопрос о презренном металле, потому что слава славой, а без денег никуда! Даже зарубежный паспорт жене не вправишь. Пошел к директору издательства, объяснил ситуацию, взывал к справедливости. Тот говорит: контракт есть контракт. И тогда доведенный до отчаяния юнец, наученный неизвестно кем, сказал, что будет подавать иск о нарушении авторских прав.

Ошеломленно слушала я этот рассказ.

— Его зовут... — Я назвала имя. — А переводчик — это я, меня из-за него уволили.

— Как интересно! Надо же, круг замкнулся, — задумчиво сказал Василиус. — Скажу Вале, чтоб тебя в посаженные матери взяла. А мне пришлось разбираться с этим австрийцем и издательством, чтоб обеспечить безоблачный старт молодой семьи.

Я представила лицо Демиурга и тихонько рассмеялась.

— Разобрался?

— Конечно! У меня знаешь какие юристы?

В этот момент в дверь позвонили.

— Я открою!

— Нет, ты меня скомпрометируешь.

Я осторожно спустила ноги на пол.

— А ты дойдешь?

— Должна. Я только что воскресла из мертвых.

Даже не стала спрашивать, кто там, и сняла цепочку. В проеме стоял... Демиург.

— Можно войти?

— Разумеется...

Он держал в руках громадный букет красных роз, похожий на рулон шелка. В недоумении покосился на груду стекла:

— У тебя что, ремонт?

— Вроде того.

Я приняла роскошный плащ, розы и, предвосхищая реакцию директора, когда он увидит Василиуса, нехотя кивнула:

— Проходи...

— Я ненадолго! Хочу кое-что сказать.

Но Василиуса в комнате не было! В волнении озираясь по сторонам, я даже метнулась к окну.

— Анна, что с тобой?

— А что?

— Ну повернись ко мне передом, к лесу задом. Я хочу признаться...

— Не напрягайся, я уже забыла о своем увольнении.

— Аня, я хочу признаться в любви и вручить помолвочное кольцо...

— Нет! Кольцо — не надо!

Я с трудом нащупала стул и уселась, тяжело переводя дыхание.

— Ты сошел с ума? У меня такое чувство, что за эти несколько дней все сошло с ума. Я сама — в первую очередь.

— Отнюдь! Прости, что так долго собирался. Вообще-то ты мне с первого взгляда понравилась. Твоя непосредственность разила наповал. Но как к тебе подойдешь? Переводы, переводы, переводы... Ты была ледяной Снегурочкой без всяких признаков жизни. Твоя холодность остановила бы любого. Как вспомнишь, сколько потеряно времени, так вздрогнешь! Неужели было так сложно подмигнуть?

— А почему сам не подмигнул? — вдруг вырвалось у меня. — Боялся, что соглашусь?

Леонид Петрович слегка покраснел.

— Ты, я... Анна, прекрати торговаться! Ну что поделаешь, так получилось: пришлось мне, бедолаге, на других женщин размениваться. А ведь сложилась бы сказочная пара!

Он стоял посреди комнаты и улыбался, большой и совсем не страшный, а пальцы сжимали хорошенькую алую коробочку.

— Ты же женатый человек!

— Давно нет. Просто, когда вокруг много красивых девушек, приходится держать наготове щит брачного свидетельства.

— Весьма предусмотрительно.

И тут из соседней комнаты вышел Василиус, и мы оба потеряли дар речи: Демиург — от неожиданности, а я — от его внешнего вида. Василиус выглядел по-домашнему: без пиджака и даже без рубашки, в майке, как будто он только что подкидывал гантели, и во Владькиных тапочках.

— Ты... вы... чего... как здесь?

— Я здесь живу, — сообщил Василиус. — Анна, ты не возражаешь? Я помотала головой.

— Раньше проживал на кладбище, теперь у будущей супруги. Анна, ты за меня еще не передумала замуж выходить?

— О нет! Я теперь всегда буду следовать за тобой!

— Видишь, какая женщина? Просто былинная преданность! Найди сейчас такую! Проторговался ты, прособирался...

Демиург обрел дар речи:

— Послушай, Анна, я тебя все эти годы любил, глаз не спускал...

— Глаз не спускал? — рявкнул Василиус. — Это называется — держать в поле зрения! А любил ты в это время своих секретарш! Теперь, говоришь, отбегался? Устал? Разве мужик так поступает? Сигналов он ждал... Ну-ка, Анна, ответствуй: тебе кто больше мил, кого выбираешь? А то мы сейчас в кулаки пойдем и тут все разнесем.

Тихо млея и чувствуя себя одновременно королевой Амидалой, Анжеликой, маркизой ангелов, и Дейенерис Таргариен, я взяла Василиуса под руку и прижалась щекой к его могучему бицепсу.

— Простите... Мне, конечно, очень лестно, но... в кулачном бою нет никакой необходимости. Я свой выбор давно сделала.

Минуту Демиург взирал на меня непроницаемыми глазами василиска, потом аккуратно убрал коробочку.

— Ты удивительная дура, Анна! Такой мелкой мести я не ожидал.

Непередаваемо величественный, он завязал кушак плаща и исчез в дверях не попрощавшись. Василиус сам закрыл за ним.

— Не пожалеешь?

— Нет. — Я рассмеялась. — Наоборот, столько счастья — и это все мне одной?

— Но меня, Аня, интересует такая вещь: банкет — бог с ним, я переживу, а вот свадебное путешествие должно быть на высоте! Изложить планы?

Я счастливо кивнула.

— Предлагаю провести лето в Германии: у моего друга в горах есть поместье с библиотекой. В чудесном старинном доме живут кошки, собаки, а в конюшне из красного кирпича благоденствуют две лошадки для конных прогулок. Надеюсь, я закончу там книгу, а ты начнешь свою. А зимой — в Швейцарию! Там есть такой городок, где ставят огромную рождественскую елку, и она отражается в озере.

Я в упор смотрела на него, но Василиус был спокоен и невозмутим.

— Хорошо, мыслечтец, чертов гипнотизер! Обещай мне две вещи: во-первых, ты никогда не станешь читать мои мысли...

— Я не умею читать мысли, — искренне сказал Василиус. — Просто иногда желания двоих совпадают. А во-вторых?

— Мы начнем наше путешествие с Москвы. Мне нужно вернуть должок.

— Как скажете, Анна Александровна, как скажете, любимая женщина! Только придется путешествовать на машине, чтобы нашему спутнику не пришлось лететь в багажном отделении. Ведь это было бы несправедливо, правда?

— Разумеется, — кивнула я. — Даже не спрашиваю, кто будет третьим. Чувствую, что с рыжим Анубисом мы связаны навсегда.

Эпилог

В Коломну мы приехали рано утром. Автостоянка располагалась высоко и эффектно, на самой вершине холма, с которого открывался живописный вид на окрестности. Было светло и солнечно, но, к сожалению, ночью прошел сильный ливень и все туристические достопримечательности внизу были окутаны непроницаемым туманом. Из белоснежной, похожей на море массы выглядывала только верхушка каменной башни.

Сама стоянка поблескивала стеклом автоматов и фонариков, серебряным металлом перил и имела веселый, почти праздничный вид. Дымился нагретый солнцем асфальт, влажно искрилась зелень, а вокруг было пусто: ни автобусов, ни туристов.

— Странно... — Мой спутник пожал плечами. — Я, конечно, понимаю, что рановато, и все-таки уже десять. Может, не работают?

Однако опасения не подтвердились: автомат с аппетитом проглотил хрустящую купюру и выдал парковочный талон. Теперь можно было спускаться вниз, но я очень волновалась и не спешила: мы уже близко от того места, которое хранило реальный Маринин след, — от Маринкиной башни... Василиус, прищурившись, любовался видом, потом полез в карман за папиросами и вдруг передумал.

— Вероятно, сейчас случится какое-то важное событие.

— В этом нет никаких сомнений, — уверенно подытожила я.

— И что же?

Я подтянулась на цыпочках к курчавым завиткам возле уха и прошептала:

— Сейчас будет исправлена историческая несправедливость, а свидетели здесь не нужны.

— Понимаю! — энергично кивнул Василиус. — Но горячий кофе перед началом мероприятия нам не повредит?

И он устремился к заветному окошечку, которое, несмотря на надпись «24 часа», оказалось закрытым.

— Вот теперь верю! Ты, как всегда, права: абсолютная конфиденциальность — и точка!

Милый Василиус — он чувствовал мое волнение и как мог старался помочь. Мы посмотрели вниз и обнаружили, что туман рассеялся. Башня стояла во всем мрачном величии и была прекрасно видна. У меня сжалось сердце.

Спутник взял меня за руку и тихо сказал:

— По-моему, нам пора. Пойдем, Аня.

Мы стали спускаться по выложенной тротуарной плиткой дорожке, и вдруг появилось ощущение, что это некая нить Ариадны, сойти с которой опасно или даже смертельно. Я с осторожностью нащупывала ногой каждый кирпичик, как будто шла по канату. А слева и справа вздымались вавилоны ушедших минут, часов, веков, готовые обрушиться и поглотить самонадеянных странников.

— Ты чувствуешь, Василиус?

— Конечно, — серьезно сказал он. — И бесчувственный бы почувствовал.

— А если эта бездна нас поглотит? Мы же на самом дне времени!

— Теперь ничего не поделаешь: пошли — значит, идем.

Он обнял меня за плечи, и мы продолжили свой путь к роковой башне. Рыжий проводник бесстрашно обогнал нас и затрусил впереди, сосредоточенно рассматривая мрачную цель. Наконец спуск закончился, и нас накрыла куполом абсолютная тишина, от которой зазвенело в ушах: ни шума шин, ни автомобильного гудка. Это была тишина не нашего времени, а того, далекого...

— Как ты думаешь, мы еще здесь или уже там?

— Конечно, там, — ответил Василиус и плотно сжал губы.

Я видела, что он тоже волнуется.

— И боюсь, что у нас мало времени. Можем не вынырнуть. Делай скорее что хотела.

Негнушимися пальцами я достала кольцо и стала озираться вокруг.

— Василиус, кажется, у нас нестыковка! А вдруг Марина еще жива и находится в башне? Тогда никакой сороки-ведьмы нет и в помине! Как я передам кольцо?

— Так она же ведьма! Делай и надейся. Панночка разберется!

И тут еле слышно, но очень зло заворчал Треха. Шерсть встала дыбом, спина вытянулась и дрожала от напряжения. Я проследила, и мой взгляд уперся в золотые птичьи зрачки. Огромная черно-белая птица, держась лапами за решетку, висела вниз головой на башенной бойнице и смотрела на нас. Она явно заметила кольцо, и сорочий взор пылал.

— Господи, это же какая-то птица гамаюн, — без улыбки пошутил Василиус и схватил Треху за ошейник. — Клади на камень кольцо, пока мутант не спикировал! Худо будет...

Я торопливо положила кольцо, и сорока камнем упала вниз — только ветер засвистел в черно-белых перьях. Птица не боялась ни меня, ни собаки, ни Василиуса, потому что не птица это была. Длинный клюв виртуозно подхватил кольцо, и нас оглушил заливи́стый автомобильный гудок. Мы нервно оглянулись.

С холма спускалась веселая стайка школьников, на стоянке разворачивались два автобуса. А рядом с башней лучезарно улыбался деревянный медведь и приглашал отведать настоящей русской кухни в ресторане «Коломна».

— Ну что, Анна? Хочешь продолжить экскурсию? — спросил Василиус.

Он был слегка бледен. Я покачала головой, и мы втроем отправились на стоянку, преодолевая туристский поток.

...Вечером, когда мы пришли в себя и отдохали в номере гостиницы, где принимали и двуногих и четвероногих, я со вздохом сказала, что все страсти по кольцу кажутся мне напрасными.

— Я даже не смогла придумать желание, представляешь?

— Не представляю, — усмехнулся Василиус. — Есть такая категория людей, которые не замечают даже своих сбывшихся желаний. Мы же вместе, и ты скоро начнешь писать свою книгу. Что же еще? Или скажешь, я не прав?

Я кивнула:

— Не скажу. Ты прав.

Мимо окна промелькнула тень: мне показалось, что это была тень от птичьих крыльев. Треха приподнял голову и внимательно проводил нечто взглядом, потом зевнул и положил голову на вытянутые лапы. Вроде бы волшебная часть истории закончилась и можно перевести дыхание. Хотя... Я с сомнением заглянула в карие глаза Василиуса.

Он улыбнулся в ответ, взял пачку папирос, чашку кофе и пригласил на балкон. Мы развалились в удобных креслах среди вазонов с цветами и любовались закатом. Вдали, на фоне сиреневого неба, грозно высилась наша с Мариной башня, похожая на чудовищный маяк.

Василиус неожиданно сказал:

— Да, согласен. Эта башня — твой маяк в океане прошлого. Может, без него мы бы и не выплыли сегодня.

— Ты же обещал не читать мои мысли!

— Извини, я забыл. Как-то само получилось...

Мы помолчали.

— Помнишь, Аня, скамейку? Ты тогда спросила меня, какой я волшебник: добрый или злой? А перед этим сказала, что тебе не нравится слово «маг», якобы оно происходит от «манить», «заманить», «обманывать»... — Он медленно помешивал кофе мельхиоровой ложечкой. — Это, кстати, абсолютно неверно.

— Может быть, «воображение», «imagination»?

— Опять неправильно! Майя — это зеркало, в котором Брахма видит себя и чудеса своего могущества. Есть человек, а есть желания — по сути, отражения его внутреннего мира. Я изучаю магию желаний, чтобы сделать людей лучше.

— Может, сначала нужно спросить мнение людей?

Он задумчиво выпустил колечко голубого дыма. Проследил, как оно улетает в закат, и примиряюще улыбнулся:

— По-моему, сейчас у нас может произойти первая семейная ссора... Анна, я иногда допускаю право выбора: например, сегодня я шел навстречу твоим желаниям. Из-за тебя, дорогая, мы спустились вниз по времени, хотя очень рисковали.

— О! — Я порозовела. — Благодарю. Это действительно было опасно?

Он поморщился:

— Почти смертельно! Помнишь, когда мы вошли в коридор времени, я взял тебя за руку? Я забрал у тебя энергию желания, иначе мы утонули бы в этой пучине. Не переживай, это немного — примерно одна шестнадцатая твоей души.

Я похолодела и почувствовала, что мои глаза становятся величиной с блюдце. В ответ мой маг заразительно расхохотался:

— Анна, что с тобой? Ты в принципе не понимаешь шуток, старушка нью-куй! Теперь ясно, почему Бронштейн так и не решился дотронуться до тебя за все эти годы. Это, наверное, примерно то же, что обнять трансформатор.

— Н-не надо про трансформатор! — Я невольно вспомнила голубую бабочку среди зимы. — Никогда не произноси это слово!

Василиус насмешливо оглядел меня с головы до ног:

— Боже, какая ты красивая, когда злишься или боишься! Ты напоминаешь цветок, дрожащий от ветра. И этот свет, когда садится солнце, — ты в нем вся золотая... Если ты похожа на Маринку, то у меня полное взаимопонимание со всеми самозванцами, которые ее любили. И знаешь, о чем я сейчас еще думаю? Я думаю о своем участии в тебе. Можно я все-таки буду называть тебя своей Галатеей или Коппелией?

«Коппелия», «одна шестнадцатая часть души» — мои бедные нервы не выдержали.

— Нельзя! Я — Анна, Анна, Анна! А вот кто ты — я иногда теряюсь в догадках!

— Дорогая... — Василиус откинулся на спинку кресла. — Обо мне тебе расскажут в Интернете, на телевидении и даже в кино. Здесь суще-

ствует полная ясность. Вопрос в другом! Как меня, хитроумного, угораздило влюбиться в синий чулок и пойти по пути этого издателя? С чего ты взяла, что ты сказочница? Хотя все возможно! Задатки есть, можно улучшить...

— Не смей ничего улучшать!

— Хорошо-хорошо! Будешь жить до ста лет и умрешь какая есть!

— Ты... ты уже порылся в моем прошлом?!

— Нет, просто у людей иногда мысли сходятся. Зачем ты грубишь, дорогая? Ради тебя я сегодня так старался! Какая неблагодарность, Анна! Считай, что я обиделся.

Я не поверила, что он действительно обиделся (в глазах поблескивали смешинки), но стало стыдно и я расстроилась.

— Прости, сегодня был тяжелый день, я запуталась...

— Ладно, не хочешь быть Коппелией — станешь Ариадной или моей музой. Например, Уранией. — Он расхохотался. — Урания — звездочет, как и ты, дама серьезная, ученая!

Нахохлившись и уставившись прямо перед собой, я изучала балконные вазоны. Василиус слегка приобнял меня за плечи и поцеловал руку:

— Не обижайся, Анна! Все нормально, все хорошо! Мы привыкнем друг к другу. Главное, что я тебя безумно люблю.

Я продолжала обиженно сопеть.

— Ну, ничего, ничего... Жена должна бояться мужа своего, так? Иначе какой в семье порядок?

Он отправился смотреть футбол, а я задержалась на воздухе. Последнее время я чувствовала себя и выглядела замечательно, как будто бы он не забрал одну шестнадцатую моей души, а отдал половину своей. Что я, в конце концов, хочу от него? Разве я не стала счастливой? Теперь мне уже стыдно за свой крик. И феноменальное занудство.

Я долго стояла, облокотившись на перила балкона; ночное небо потемнело, и башня стала незаметной. Вокруг гостиницы зажглись фонари, заливая светом лабиринт дорожек в маленьком парке, который раскинулся прямо под нашим балконом. За красивой оградой плыл в бесконечность автомобильный поток. Был тихий, приятный летний вечер. Я окончательно успокоилась и в этот момент отчетливо услышала быструю и странную скороговорку. Ее не смогли заглушить вопли футбольных болельщиков. Вероятно, Василиус говорил по телефону.

— Если вы поняли всего понемножку, значит, вы ничего не поняли! Руны — это смысловой ряд, и пока вы не поняли феху, вам никак не понять уруз... Не огорчайтесь! Некоторые души и так разбиты на части. Диссоциации сейчас часты, так что могли и кусочек забрать. Постепенно привыкнете...

О чем это он?.. Одиссей — экстрасенс, все экстрасенсы так зарабатывают... Но твой друг не очень сентиментален: вспомни Василия, которого превратил в обычную иллюзию. Как он тогда говорил? Что-то вроде: «Я гарантирую, цыган больше не вернется. Сапоги и ватник лежат в ванной...» А Валентина? «Я хотел ей помочь...» А что с ней стало?

Странная музыкантша, побывав на грани жизни и смерти, встала на путь здравомыслия и выходит замуж за «порядочного человека». Кажется, это называется шоковой терапией? Я почему-то представила леди Рубенс в белом кружевном чепчике и длинном старинном платье. Глаза скромно опущены, кофейный поднос в руках — бедная девочка, мне тебя искренне жаль! Нет, я положительно не хочу, чтобы меня улучшали!

А бежать некуда: любовь — такая штука, от которой далеко не убежишь. Жизнь без Василиуса уже особого смысла не имела. Да и можно ли убежать от волшебника? И так, что делать? Как совместить несовместимое: любить и не бояться исчезнуть?

И вдруг подул ветер. Налетел, хлопнул балконной дверью, закружил над головой шальные листики. В его круговерти появилось нечто, медленно плывущее по воздуху, похожее на черно-золотую птицу с распростертыми крыльями. По счастью, я не успела закричать, и тут где-то близко-близко (может быть, в душе?) зазвучал родной голос Василия:

— Что, Аннушка, милая? Поймал тебя птицелов? А ты не бойся, мы силочки-то расплетем! Возьми платочек-подарочек от моей сестреночки. Знакомый платок? Она тебя помнит! Говорит, глупая ты, но добрая. Сестра у меня тоже не злая — давно помирилась с тобой.

— Господи, а где ты ее нашел?

— Да родные души всегда друг друга найдут. Мало ли где можно встретиться? Например, в тридевятом царстве, тридесютом государстве. Глядишь, и мы с тобой там увидимся да обнимемся. А подарочек возьми, не бойся! Сестра — волшебница сильная, цыганка настоящая. Возьми и спрячь, никому про него не сказывай.

— Ап!

Рядом со мной что-то клануло. Треха, подлец, незаметно подкрался и сделал виртуозный пируэт, чтобы поймать странную птицу. Я на долю секунды опередила его и почувствовала знакомый цветочный аромат, тягучий и сладкий, от которого успокоилось и перестало частить мое сердце. Пес предупреждающе заворчал. Я бесстрашно сделала неприличный жест и спрятала платок в карман. Треха звонко и возмущенно залаял.

— Что у вас происходит?

Василиус прервал разговор и вышел на балкон. Он улыбался, но смотрел на меня пристально и серьезно.

— Ничего... Я случайно наступила ему на лапу. Сожалею.

— И все?

— Все! — рассмеялась я, неожиданно чувствуя себя на равных.

В голове почему-то всплыла старая детская приговорка: «Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать! Кто не спрятался, я не виновата». И я подумала, что волшебная часть истории на кольце явно не закончилась. Что же, поиграем! Возможно, когда становишься женой волшебника, это неизбежно. Тем интереснее... Не исключаю, что когда-нибудь я и сама стану волшебницей!

Антон МЕТЕЛЬКОВ

«САД МЕТАЛЛИСТОВ»

* * *

Нине Садур

темные теплые листья
спрячут от взглядов чужих
окна на «Сад металлистов»
окна на прошлую жизнь

девочка в платье с цветами
гладит в парадной кота
все мы давно кем-то стали
только она еще там

в платье, где маки — горячем
где васильки — холодней
плакала. больше не плачет
вот уже несколько дней

* * *

от Гиляровского до Соколовского
легла Москва
ты говоришь слова и повторишь: слова
слова, слова

здесь Витя Іванів, карманы вывернув
ушел в отрыв
на белой скатерти отцу и матери
окно открыв

трамваи тренькают за деревенькою
ища покой
а нам все кажется, что нам не кажется
что мы с тобой

* * *

дети и старики
волны одной реки

* * *

на белом-белом языке
говорено тебе
как в белой пустыни аскет
храним от черных бед

на языке белей бела
белее, чем у птиц
расплещутся сто грамм тепла
от холода спастись

и развязавшийся язык
зайчонок под кустом
свое предчувствие лисы
оставит на потом

молочной строчкой побежит
его неясный след
с ученой степенью мужи
прищурятся на свет

их бел халат, их мысль чиста
но в помыслах туман
презренье белого листа
пусть сводит их с ума

улыбка снежного кота

зима зима зима

* * *

рыба со дна реки
видит не рыбака
глубже, чем жесты руки
жесты ее плавника

рыба видит, как там
за мутноватым стеклом
скудно живет котам
ждушим чудес под столом

мысли рыбы легки
с мыслью — была не была
рыба бежит из реки
в снежные выси стола

и раздарив свою плоть
с полуулыбкой немой
блюдо приняв за плот
рыба плывет домой

* * *

на полоцк опустилась тишина
молитва неизвестного солдата
чтоб за волною шла еще волна
ни та, ни эта чтоб была не виновата
полночный днепр, а может быть двина
враги ушли и спит родная хата
и тишина, и вроде не война
а непонятно

* * *

осень в белом халате
постучится в окно
кто ходячий в палате?
вот тебе выходной

елки-лыжные-палки
егеря, егеря
слышь, смеются русалки
в пионерлагерях

осень сбросит халатик
на траву у пруда
погуляли — и хватит
холода. холода

Владимир ЕСЕЛЕВИЧ

ВОРОНА

Р а с с к а з

Губная помада, которой она на ходу подмазывала губы, внезапно выскочила из руки, шлепнулась в лужу и так и осталась там лежать, поблескивая полированным металлическим боком и красной земляничной ягодой на кончике тюбика.

Помаду было жалко. В другое время она, конечно, бы ее подняла, обтерла и положила в сумочку — не по ее зарплате оставлять бомжикам такие подарки, — но сегодня она торопилась, потому что в очередной раз опаздывала на работу, и в голове лихорадилось и колотилось предчувствие, что Губерт либо окончательно выйдет из себя, либо не преминет воспользоваться этой случайностью.

Завлаб Губерт — весьма интересный, солидный и представительный мужчина пятидесяти пяти лет, с безукоризненной сединой и здоровым, кирпичным цветом лица, разведен, поэтому в свободном поиске, отказов не любит, зато для тех, кто не отказал, в лаборатории синекура: эти могут опаздывать на работу хоть каждый день — никто с них не спросит. Фаворитки, а они все наперечет здесь известны, могут даже не работать: Губерт, если надо, сам все за них сделает. Нисколько не скрывая своих интересов, он в любое время может подойти и чмокнуть в губки ту или другую, а то и пригласит в кабинет якобы по делу, из которого они потом появятся только к обеду, уставшие, порозовевшие, выпотрошенные до дынышка.

Завлаб уже несколько раз предлагал девушке незатейливые, из прозрачных и тонких, как целлофан, намеков варианты, в ответ на которые она тоскливо пожимала плечами, краснела, смущалась, переступала с ноги на ногу, мечтая, как маленькая девочка, только о том, как бы не разозлить шефа, не терпящего отказов, да поскорее сбежать от зловеще пахнущего дезодорантом мужика и запрятаться в какой-нибудь дальний угол.

Впрочем, углов в лаборатории было немного и все они были заняты.

Личина ученого мужа помогала Губерту скрывать истинное лицо стареющего развратника. В институте он был на хорошем счету, к его мнению прислушивались серьезные люди, профессора, академики. Ну и что с того, что он то и дело заглядывал под юбку к каждой хорошенькой даме, появляющейся на его территории, — на профессиональных качествах это

никак не отражалось. А может, влечение к слабому полу и вдохновляло его на каждодневный общественно полезный труд? В конце концов, он никого не принуждал отдаваться ему. Нет, конечно, играло роль служебное положение, кое-какая от него зависимость, хотя тоже не напрямую, не в лоб; за некоторыми из сотрудниц он даже ухаживал, приглашал в дорогие рестораны, угощал — так ведь любой, потратившийся на такие серьезные потуги, ждет в свою очередь заслуженной благодарности. Может, кто-то его побаивается? Но это зря, он же не монстр, не сексуальный маньяк и даже не извращенец! Скажем так: он деловой человек, у которого, как и у всех, есть слабости. И главная его слабость — женщины.

И все-таки Аля — так зовут нашу милую недотрогу — откровенно его боится. Он пугает ее загадочной, неподвластной ее уму смесью учености и профессионализма с распушенностью ресторанного забуддыги, которому ухватить за задницу проходящую мимо женщину так же легко, как сделать замечание соискателю-диссертанту на ученом совете.

Завидовала ли она тем девушкам, кому «посчастливилось» и кто теперь прочно сидел в лаборатории? Нет, она им не завидовала. Она вообще об этом не думала, потому что очень мало знала об этой стороне жизни, которая была от нее так же далека, как малая родина — сибирская глубинка, где у дедушки с бабушкой прошло ее замечательное детство...

Она выросла на природе, любя все живое и чистое, вдали от городской суеты и сопровождающих эту суету непонятных ей интриг и пороков. По соседству с их домом жили буряты, которые учили: «Срываю ягоду или гриб, всегда проси извинения за то, что берешь не свое». И она просила у бурятских духов прощения за то, что ухитрилась собрать сегодня так много разных грибов: светлых сухих груздей, оранжевых рыжиков, розовых волнушек и ярко-красных подосиновиков. Как вкусно, по-осеннему сыро и одновременно тепло пахли грибы, прелая трава, березовые листья и можжевельник! Как неожиданно, с глухим стуком падали под ноги тяжелые, надколупанные кедровкой синие кедровые шишки и, подпрыгивая, укатывались и прятались в густой траве: ишши, девонька, а не найдешь — шустрая белка нас живо приберет! Шелестел вокруг и перешептывался лес. Густые темные облака окутывали вершины Саян...

Здесь же — в большом городе, заселенном тучей людей, которых как муравьев в муравейнике, — все не так: не так сказал, не так посмотрел — и уже в следующую секунду положение изменилось, будто за одно неуловимое мгновение ты успел все испортить и ничего нельзя поправить. Никто не прощает ни случайно оброненного слова, ни неверного движения. Словно все находятся в тайном священном сговоре. Чистый и искренний человек настораживает, ему не доверяют. Если он будет продолжать вести себя и дальше в таком духе, то скоро станет в коллективе белой вороной. А белые вороны, как известно, долго не живут.

Фаворитки, по правде сказать, зная о намерениях завлаба в отношении Али, вели себя вполне достойно. Не стесняясь в выражениях и склоняя на все лады в курилке имя Губерта, они искренне сочувствовали девушке, советуя (каждая по-своему), как ей себя вести в той или иной

ситуации, чтобы не навлечь гнева шефа и в то же время не уступить. При этом они не забывали рассказывать о собственных похождениях, в них Губерт выглядел невинным младенцем по сравнению с их партнерами — молодыми и крепкими мужчинами, которые почему-то все как один в постели были суперменами!

Але приходилось каждый день выслушивать, как пылки и темпераментны их мачо, как экстравагантны и изобретательны, как девушки буквально воспламеняются в мучительно длинных и сладких коитусах и как потом взрываются, будто петарды, в огненных выплесках вулканов оргазма...

А наша Аля — страшно сказать! — до сих пор не вкусила сладкого любовного плода. В этом смысле она была самой несовременной девушкой, а лучше сказать — несвоевременной. Она тоже была живой и вполне адекватной, ей были приятны ухаживания молодых людей, многие из них нравились, с некоторыми она дружила, но по-настоящему не уступила ни одному по какому-то внутреннему, непостижимому для нее самой табу, каковое вовсе не радовало ее, а иной раз даже раздражало и опустошало, — и все равно она ничего не могла поделать с собой...

Вот и с Денисом они уже год как знакомы, только все их встречи заканчиваются одним и тем же: Аля жалобно просит ее отпустить и раздосадованный, однако искренний в своих чувствах парень нехотя выпускает ее из крепких рук на свободу. Как пойманную птицу.

Теперь о птицах. Ведь она тогда и опоздала из-за этой пернатой твари. И откуда та взялась, эта сумасшедшая ворона?

Аля шла по скверу. Аллея, вдоль которой выстроились важные вереницы могучих древних лип, вела прямо к институту. С полсотни шагов оставалось пройти, как вдруг стремительная черная тень перечеркнула аллею. От испуга Аля упала на колени, и это ее спасло: ворона по инерции пролетела над головой и, рассерженно каркнув, описала вираж, готовясь к повторному нападению, — но тут же резко взмыла вверх, потому что мужчина, находившийся неподалеку и с интересом наблюдавший любопытную сцену, уже нагнулся и шарил по земле в поисках подходящего камня. Успев крикнуть незнакомому спасителю «спасибо!», Аля на сверхзвуковой скорости пролетела оставшиеся метры и отдышалась только в вестибюле института.

Когда она с красными, ободранными коленками появилась в лаборатории, где сотрудники уже согбенно творили на благо родины, впрочем, не очень-то в последнее время ценившей их труды, все как по команде повернули головы в ее сторону. Понятно, крови никто не жаждал, но утром работать не хотелось и Алино появление вызвало всеобщее оживление: можно было отвлечься.

— Ну-с, и откуда же мы такие красивые? — безжалостно спросил Губерт, подойдя вплотную.

При этом он с нескрываемым удовольствием заглянул за расстегнутую блузку. Аля покраснела и стала торопливо застегивать непослушные пуговички.

— Вы опаздываете второй раз за месяц. У вас есть для этого какая-то серьезная причина?

— Нет, — тихо ответила Аля.

— Значит, вы опаздываете на работу без всякой причины?

— Да... то есть нет.

— Так да или нет?

Сотрудники, слушая их, начали постепенно наглеть. Кто-то встал и отправился в курилку, другой под шумок с головой залез в Интернет, недокрашенные дома девушки дружно красились.

— В чем дело? — оторвав наконец взгляд от Алиной блузки, рывкнул Губерт. — Перерыв, кажется, никто не объявлял!

Народ заволновался, со столов моментально исчезло все лишнее, выключился Интернет, а ушедший недавно курить мужчина в результате телепатического сеанса с завлабом вновь оказался на своем месте.

Губерт удовлетворенно хмыкнул. Повернувшись к Але, он приказал:

— Пишите объяснительную. Только постарайтесь придумать вескую причину вашего опоздания.

Она покорно опустила голову.

Когда завлаб скрылся в кабинете, фаворитки, недавно решившие взять над Алей шефство, дружно соскочили с мест. Обступив со всех сторон девушку, они наперебой загалдели. Одни предлагали не писать объяснительную, а пойти к Губерту на ковер и посыпать голову пеплом. Другие возражали: нет, так делать нельзя, это не есть «гуд» — Губерт такой ситуацией обязательно воспользуется. Пока судили и рядили, из кабинета вышел завлаб.

— Я передумал, — сказал он во всеуслышание. — Можете не писать объяснительную. После работы зайдете ко мне, я хочу дать вам особое задание. — И он опять исчез.

— Особое задание... — произнес чей-то ироничный голос. — Наверное, в космос пошлют.

— Ну да, — поддакнули ему. — Там мужики на международной станции уже полгода без женщин летают...

В лаборатории раздался дружный хохот.

— Да уймись вы, наконец! — налетели на хохмачей заступницы-фаворитки. — Девчонка и так не в себе, а вы тут еще масла в огонь подливаете. Чего опоздала-то? — развернулись они к Але.

Она сбивчиво начала рассказывать про сумасшедшую ворону. Но у мужской половины, кроме очередного приступа смеха, ее глупая история ничего не вызвала. Фаворитки же, сбегав в курилку и посоветовавшись, решили, что помочь Але они пока никак не могут, поэтому пусть выгребает сама: в конце концов, она не первая, не последняя.

После работы девушка вошла в кабинет Губерта. Незадолго до этого она выпила целую ложку валерьянки. Однако то ли валерьянка еще не успела подействовать, то ли от холодного взгляда начальника, каким он ей показался, едва она прикрыла за собой дверь, сердце под блузкой заколотилось, как у пойманной пичужки.

Губерт жестом указал ей на стул, на уголок которого она присела, за-
 мерев от страха. Неожиданно завлаб улыбнулся.

— Неужели я такой страшный? — спросил он. — Почему ты меня
 избегаешь?

Аля молча пожала плечами.

— Коллектив, как ты заметила, у нас хороший, дружный, — про-
 должал вкрадчиво излагать Губерт. — Только без дисциплины хорошего
 коллектива не будет. Почему? Да потому что люди все разные, у каждого
 свой характер, свои причуды. Может, что-то дома не так, личные отно-
 шения, ну и все такое... В общем, не хуже меня в этом разбираешься.
 К чему я веду? А к тому, что коллективом надо управлять, вести его за
 собой в одном, нужном нам всем направлении. Ты со мной согласна?

Аля кивнула.

— А управлять, как ты заметила, непросто. Дисциплина вдруг на-
 чинает хромать...

— Я не специально опоздала, — привстала Аля, — это случайно
 вышло.

— Да сядь ты, — махнул рукой Губерт, — я про тебя сейчас, что ли,
 говорю? Я так, в общем ракурсе высказываюсь. Со всеми что-нибудь да
 случается, хотя на самом деле ничего случайного нет. Да-да, можешь мне
 поверить: ничего случайного нет! Пока тебе этого, конечно, не понять, но
 станешь старше — поймешь, что я не пустое говорил.

Аля не заметила, как он оказался за ее спиной. Положив ей на плечи
 большие холеные руки, Губерт приглушенным голосом сказал:

— Тебе ведь двадцать девять, а ты до сих пор не замужем. Нет-нет,
 я в твою личную жизнь лезть не собираюсь — просто мне по должности
 положено знать все о моих сотрудниках. А что касается брачных уз, так
 я и сам на этих фронтах уже дважды терпел поражение, а третьего раза
 боюсь как смерти. Не дай бог еще раз ошибиться, я же потом на всех
 женщин как на злейших врагов смотреть буду!

Он снял ладони с Алиных плечей. Она незаметно перевела дух.
 Губерт уже сидел в кресле за столом.

«Такой огромный, — подумала про себя она, — а перемещается по
 кабинету как невидимка».

— Не буду скрывать, ты мне нравишься. Мне нравится и твоя
 скромность, и доброжелательность. В наших людях много негатива: хам-
 ства, склочности, зависти... а ты, я вижу, совсем не такая... Кстати, а чем
 ты сегодня вечером занята? Мы можем съездить в один уютный ресто-
 ранчик — поближе, так сказать, познакомиться.

«Вот оно, то самое, о чем меня предупреждали фаворитки».

— Нет, сегодня я не могу.

— Значит, завтра, — напирал Губерт.

— И завтра.

Она не видела, но почувствовала, как завлаб начал меняться в лице.

Раздался звонок. Губерт взял трубку. Через мгновение, прикрыв
 мембрану рукой, он шелестящим голосом прошептал: «Из министерства

звонят, иди, потом поговорим» — и кивком головы указал девушке на дверь.

Придя домой, Аля упала на кровать и расплакалась. Пожалеть ее было некому. Тетя Галя, мамина сестра, прописавшая ее в своей квартире, все лето безвылазно жила на даче. Изредка она звонила с тривиальными просьбами: полить вовремя цветы, уходя из дому гасить свет и всегда проверять газ. Мужа и детей у тети Гали не было. В прошлом году она написала завещание, в котором оставляла квартиру Але. Дом, где они жили, хоть и старый, послевоенный, но благодаря начальнику ЖКХ, жившему здесь же по соседству в брежневское время, до сих пор имел приличный вид и внутри, и снаружи, сохранив и крышу, и коммуникации почти в идеальном порядке. Старые люди, знавшие начальника при жизни (в их числе была и тетя Галя), неустанно вспоминали о нем как о человеке исключительной порядочности. И это при всем том, что начальников ЖКХ редко когда поминают добрым словом...

Поплакав, Аля успокоилась, начала заниматься домашними делами. О Губерте она забыла.

Утром следующего дня она взяла зонтик (так, на всякий случай) и решила изменить обычный маршрут. На сей раз пошла не через сквер, а через переулки с частными домами. Здесь Аля ходила редко, потому что этот путь был длиннее.

Она шагала, помахивая зонтиком, думая о всяком. Вокруг просыпались дворы, гремели двери и ставни, лениво лаяли собаки. Пахло прелой травой и переспевшими овощами. Проселочная дорога на окраине переходила в заросшую лебедой тропу. Аля пошла по тропе, раздвигая перед собой густую траву зонтиком, чтобы роса меньше мочила ноги. Слева от нее тянулся высокий ободранный забор, справа тропа резко обрывалась в широкую лощину, в которой, словно в джунглях, сплелись скрюченными ветками ракиты, акации и редкие кусты боярышника.

Саму ворону она разглядеть не успела — только заметила тень, скользнувшую ей под ноги. Стремглав она помчалась вдоль забора, совершая какие-то невысказанные зигзаги, будто под обстрелом. Зонт она все-таки раскрыла и теперь бежала, прикрываясь им, как щитом.

Спикировав с небес, птица яростно ударила в зонт, от этого девушку резко качнуло, и она услышала треск разрываемой материи. Скользя и оступаясь, Аля смогла добежать до места, где забор заканчивался: здесь проходил последний перед сквером узкий проулочек, откуда до института уже было рукой подать.

Ворона во время своего стремительного пике успела разодрать несчастный зонтик в клочья, а, когда Аля неслась по переулку, отполированный длинный клюв со злостью ударил несколько раз по железным спицам, которые, потеряв опору, беспомощно болтались вместе с остатками разноцветной ткани у нее над головой.

«Кар-р! Кар-р! Кар-р!» — в ненависти и отчаянии заорала безумная птица, когда Аля, захлопнув из последних сил массивную дверь, тяжело дыша и откашливаясь, затормозила в вестибюле института.

Колени у нее дрожали и подгибались, к горлу подкатывала тошнота, блузка прозрачным мокрым пятном прилипла к спине — весь ее странный и нелепый вид с изувеченным зонтиком в руке поверг бы в недоумение любого. Но, к счастью, в вестибюле в этот час никого не было: пять минут прошло, как прозвенел звонок, известивший о начале работы в проектном институте.

Аля прошмыгнула мимо охранника, он и глазом не моргнул — занят был тем, что удивленно-внимательно разглядывал картинки в газете «Спид-инфо». В туалете она привела себя в порядок, покрутила перед зеркалом скелетиком зонта и, тяжело вздохнув, выбросила его в корзину.

«Хватит, — твердо решила она, — ничего не буду рассказывать. Во-первых, это унижает, а во-вторых, скоро просто начнет всех раздражать». И с этой решительной мыслью направилась на свою голгофу.

Однако произошло нечто странное, мало сочетающееся с натурой и привычками завлаба: он не сделал опоздавшей сотруднице даже замечания. Фаворитки переглянулись. Мужская половина в перерыве срочно ушла в курилку, чтобы там обсудить невероятное событие. Пожалуй, только виновница случившегося сидела спокойно на рабочем месте и занималась делами, совершенно не замечая переполоха вокруг.

В середине дня позвонил Ден.

— Але, это Аля? — как обычно, сострил он.

— Ден, она опять на меня напала, — приложив ладонь к трубке, чтобы никто не услышал их разговора, шепотом поделилась Аля.

— Птичка-террористка? — догадался Ден. — Надеюсь, ты цела?

— Я прикрывалась зонтиком. Ты бы видел, что от него осталось...

— Да-а, — протянул Ден, — даже не знаю, что сказать тебе. Кажется, ты ей не нравишься, но почему?

— Думаешь, я знаю? Привязалась как полоумная...

— А может, вы с ней где-нибудь раньше встречались? Может, ты ее в детстве сыром дразнила?

— Тебе смешно? — грустно спросила Аля. — Она меня достала, жизнь отравила... а всем смешно. Выходит, пусть у тебя горе — а нам лишний раз дай порезвиться.

— Да брось ты, — примирительно сказал Ден. — Если хочешь, я ее поймаю.

— Как?

— Еще не знаю, надо подумать.

— Думай быстрее, а то у меня на нервной почве скоро тик начнется.

— Ладно, я постараюсь, — пообещал Ден.

Атаки вороны продолжались.

Даже после тщательного предварительного осмотра Алей двора, перед тем как выйти из дома, наглая птица появлялась непонятно откуда и с привычным противным «кар-р-р!» бросалась на девушку.

Аля, вооружившись детской лыжной палкой без колесика, фехтовала, а точнее, саблировала, свирепо рубя направо и налево воздух во-

круг увертывающейся от ударов вороны. «Вот же бешеная какая!» — с восторгом восклицали наблюдающие за этой странной парой дуэлянтов прохожие.

Первой отступала ворона. Злобно каркнув напоследок и заложив крутой вираж, она, как маленькое злое привидение, исчезала между деревьев. Аля опрометью мчалась на работу и, конечно же, раз за разом опаздывала на планерку.

Коллеги, то ли правда из сочувствия, то ли делая сочувственный вид, как это у нас нынче принято, подавали Але кто во что горазд глупейшие советы. Один остряк, например, предложил носить с собой пугало, другой — трещотку, третий, самый продвинутый, советовал приобрести газовый баллончик «Дракон», а еще лучше — электрошокер! Словом, все были готовы помочь Але, и только завлаб Губерт скептически следил за развивающейся драмой. Кажется, он нисколько не верил Але, подозревая, что она водит всех за нос, а опаздывает на работу (в этом-то он был совершенно уверен) только потому, что таки завела хорошего любовника.

И это Губерта злило. Как большинство умных и здоровых людей, он был циник, а следовательно, не верил в комплексы и страхи, считая их либо проявлением слабости, либо лукавством.

Завтра долгожданный выходной. Закончилась еще одна трудовая неделя. Народ, гремя сумками и пакетами, роем устремился к выходу. Фаворитки, пробегая мимо Али, которая никуда не спешила, ободряюще похлопали ее по плечу и даже чмокнули по разику на прощание.

Завлаб, уходивший последним, долгим пристальным взглядом запечатлел в памяти ладную фигурку, одиноко застывшую у окна. «Ломаешься? Ладно, поломайся — так ты еще слаще будешь!» Аля не смотрела в его сторону, однако же всеми своими клетками и тканями ясно чувствовала неотвратимость дурного.

— Не забудьте выключить свет и отдать ключи охране, — приказал завлаб и вышел вслед за остальными.

Лаборатория опустела.

...Аля, как снайпер, прощупывала каждое дерево на территории сквера, пытаясь обнаружить коварного неприятеля, но пока в прицел ничего подозрительного не попадало. То, что ворона на каком-то этапе своей вороньей жизни чокнулась, было ясно — с этим Аля уже почти примирилась и как неизбежное принимала агрессивность сумасшедшей птицы. А вот кого она не понимала — так это живущих рядом людей, которым ее, Алина, судьба была абсолютно безразлична.

В этом большом, многолюдном и бездушном городе на нее мог напасть кто угодно: насильник, подвыпивший хулиган, опустившийся бродяга, неудачник по жизни, решивший хоть на ком-нибудь отыграться, чтобы приглушить тоску, — словом, любой, для кого она представляла идеальную жертву; разницы в том, что на нее нападала глупая птица вместо никчемного человека, она никакой не видела, ибо в любом варианте окружающим было глубоко начхать на то, что с ней происходило.

И все-таки она ее разглядела.

Предвечернее солнце разделило сквер на две части: светлую и темную. Коварная ворона притаилась в тени, уцепившись за толстый сук усыхающей лиственницы. Проходящие по скверу люди ее мало занимали. Ее отвратительный, блестящий, как шарик от подшипника, глаз внимательно следил за парадной дверью. В какое-то мгновение птица подняла голову и вдруг вперилась в окно, из которого за ней наблюдала девушка. От неожиданности Аля отпрянула, спрятавшись за простенок, а когда осторожно, затаив дыхание (как будто кто-то мог ее услышать), выглянула вновь — ворона по-прежнему сидела на своем боевом посту, монументально застыв, будто каменное изваяние.

«Господи, да что же это такое! — возмутилась про себя Аля. — Сейчас возьму в туалете самую большую швабру, и пусть только попробует накинуться — я ей так задам! Я от нее перьев не оставлю!» Она стала ходить между рабочих столов, то сжимая, то разжимая пальцы рук, механически, как судья на ринге, отсчитывая секунды до того мига, когда окончательно воспрянет духом, чтобы вступить в бой!

И тут сук лиственницы опустел. Ворона пропала.

Ее исчезновение окончательно расстроило Алю. Она вдруг поняла, что проиграла и на этот раз: хитрая ворона сменила план, а значит, теперь может поджидать где ей вздумается.

Проклиная себя за малодушие, инфантилизм, неврастению и прочие недостатки, мешающие ей жить так, как живут нормальные люди, которые ничего не боятся, которые смелы и решительны и всегда знают, что и как надо делать, Аля набрала номер Дена:

— Приезжай.

— Не пойму, — сказала она, едва машина отъехала от института, — хоть убей, не пойму, почему она выбрала именно меня? Я даже в детстве птичьих гнезд не разоряла.

— Вообще-то, — глубокомысленно заметил Ден, — это феномен. Я где-то читал, что вороны никогда не нападают на людей. Может статья, что твой случай еще в Книгу Гиннеса попадет. Представляешь, что будет? Какой знаменитостью ты сразу станешь!

— Ден, ты хоть понимаешь, что сейчас сказал? — спросила холодно Аля.

Ден пожал плечами: мол, что я такого сказал?

— Феномен, значит, всем подавай... Ну, давай еще ученых, всяких там орнитологов, фенологов пригласим. Журналистов, конечно, куда без них! Давай расскажем всем, как одной несчастной лаборантке не дает прохода какая-то суперодержимая ворона. Как лаборантка скрывается от нее, не выходит из дома, опаздывает изо дня в день на работу, наживая неприятности, как на работе никто всерьез ей не верит, а все только и знают, что подшучивают или дают такие идиотские советы, что если им следовать, то тебе прямая дорога в психбольницу.

Ден притормозил. Повернувшись к девушке, он сказал:

— Извини, я не прав. Просто не подумал, что для тебя это так серьезно. Я эту чертову ворону, честное слово, изловлю. Вот увидишь!

— Да уж сделай милость. — Аля вытерла платочком повлажневшие глаза. — А то я начинаю думать: может, я и вправду в чем-то виновата?

— А что, если все дело в одежде или, скажем, в запахе? — подумал вслух Ден.

— По-твоему, я дурно пахну?

— Пахнешь ты замечательно... только, может, у этой вороны извращенный вкус?

— Спасибо, ты так мило выкрутился. Между прочим, сегодня утром, уходя на работу, я поменяла все: одежду, обувь. Духами тоже не пользовалась. Я, если ты заметил, даже от макияжа отказалась.

— Я заметил, — улыбнувшись, сказал Ден.

— Что, совсем мои дела плохи? — заглянув в зеркало и поправив волосы, спросила Аля. — Теперь я тебе не нравлюсь?

— Наоборот. Без макияжа ты еще милее, уютнее, домашнее.

— Словом, провинциалка конченная, — вздохнула Аля.

Они помолчали.

Когда машина остановилась возле Алиного дома, она, опустив ресницы, тихо произнесла:

— Ден, я хочу, чтобы ты сегодня остался у меня. — И, не видя, но зная, как изменилось лицо ее друга, быстро добавила: — Нет-нет, не из-за этого... Я сама так решила... сегодня.

С этими словами она выскочила из машины и скрылась в подъезде.

— Я за шампанским! — крикнул ей вдогонку Ден.

Проснувшись Аля рано утром.

Рядом с ней мирно спал ее первый мужчина. Длинные ресницы Дена вздрагивали во сне. Аля осторожно провела пальчиком по его щеке. Ден что-то невнятно пробормотал и повернулся к ней спиной.

Ей очень хотелось узнать, любит ли ее Ден сейчас, как любил этой ночью, и она тихонько его потрогала. Почувствовав, что у Дена и во сне начало расти желание, быстро убрала руку. «Значит, все в порядке, я его не разочаровала», — счастливо подумала Аля и с этой мыслью опять заснула. А когда вновь открыла глаза, Дена уже не было. Над местом, где он лежал, витал теплый и пряный запах его тела.

Аля вдруг занервничала. Она вспомнила, как многоопытные фаворитки говорили ей совершенно серьезно: «Мужик свое возьмет — и отскочит». — «Почему отскочит?» — «Ха, дуреха... да потому, что все они, козлы, полигамны. Понимаешь: по-ли-гам-ны! Ему тебя одной всегда будет мало. Ты ему даешь, даешь, а ему все мало, мало...»

Аля подпрыгнула и, как была голышом, прибежала на кухню. Кухня была пуста. Она заглянула в ванную — и там никого. «Отскочил!» — пронеслось у нее кометой в голове.

Но тотчас же она увидела приклеенную к входной двери скотчем четвертушку тетрадного листа, на которой красным фломастером было написано: «Не скучай. Вечером приеду. Целую. Ден».

Через неделю Ден (с позволения тети Гали) переехал к Але: у него собственной квартиры не было, он жил в ведомственной. И началась новая, полная неожиданных и интересных узнаваний жизнь.

Ненормальная ворона куда-то пропала. Аля теперь ходила на работу как и прежде: легко и беззаботно разглядывая прохожих, любуясь свежим летним утром, салатовой зеленью листвы и похожими на жабо белыми кружевными облаками. Больше она не опаздывала, и завлаб Губерт перестал делать ей замечания. Однако намерений своих он не забывал и ежедневно продолжал изучать тайное содержимое надетой на Алю одежды. Пока он не спешил: на крайний случай любая из фавориток у него под рукой, но время шло и уже хотелось отведать свежатинки.

— Не кажется ли вам, что до сих пор я был к вам чересчур благосклонен?

В том же кабинете, на том же самом стуле, точнее на его уголке, Аля, вызванная в конце рабочего дня грозным шефом, должна была дать ответ на четко поставленный вопрос.

— Я закрывал глаза на ваши опоздания, спускал, так сказать, на тормозах... А уволь я вас — куда бы вы направились? В нашем институте вряд ли бы вам предоставили место, а других — в городе нет. Жить на пособие — врагу не пожелаешь. Вы, кажется, с тетей живете? Ну и как бы вы дальше существовали — делили бы на двоих ее мизерную пенсию?.. Мрачная перспектива, не так ли? А ведь она не за горами была. Не знаю, что меня все время удерживало от решительных мер. Может быть, надежда на вашу благосклонность? Ведь, что ни говори, вы теперь мне обязаны. Нет-нет, ни к чему я вас не принуждаю, это не мой стиль. Я привык рассчитывать только на понимание... Могу я рассчитывать на ваше ко мне понимание?

— Да, — едва слышно, с чувством, что летит в пропасть, выдохнула Аля.

— Вот и чудненько, вот и славненько, вот и договорились. Ну иди работай. Я позвоню... И кстати, с сегодняшнего дня можешь считать себя старшим энэсом.

Прошел еще месяц. Губерт не звонил. «Может, все обойдется?» — с надеждой думала Аля.

Однажды вечером, когда она готовила на кухне ужин на двоих, вошел Ден с увесистой картонной коробкой в руках. Он водрузил ее на стол и позвал Алю. Она подошла, вытирая фартуком руки, с улыбкой наблюдая, как Ден торжественно вскрывает коробку.

— Сюрприз! — объявил Ден, ставя рядом с коробкой чучело птицы на лакированной деревянной подставке.

Да, это была она, та самая сумасшедшая ворона. Аля бы не спутала ее и с тысячей таких же ворон. Точно так же, как и при жизни, ее холодные желтые зрачки зло смотрели на Алю. Взгляд выражал полное презрение. Если бы ворона была живой и могла говорить, она бы, наверное,

сказала: «Ты не смогла победить меня в честном бою, поэтому отдала на поругание, одолев хитростью. Ты бесчестная и коварная, как все ваше двуногое бесчестное и коварное племя! Я ненавижу тебя!»

— Что с тобой? — спросил Ден. — Ты не рада? Это же твоя мучительница, или ты забыла?

— Зачем ты это сделал?

— Что значит — зачем? Ты же меня попросила поймать ее!

— Но я не просила делать из нее чучело.

— Хорошо, пусть так. Да, это моя инициатива, ну и что с того? Я же хотел как лучше: чтобы все твои страхи остались позади, чтобы, глядя на нее, мы весело вспоминали наше прошлое.

— Мне кажется, что ты сейчас убил наше прошлое.

— Да ты с ума сошла! — ахнул Ден.

Он в волнении прошелся по комнате.

— Нет, ты в самом деле ненормальная... Собственно, я это всегда подозревал... столько времени в девочках проходить!

— И это ты мне в вину ставишь? — с мыслью, что сейчас все рухнет, и если рухнет, то только по ее вине, спросила Аля.

— Нет, это я себе в актив записываю, — процедил сквозь зубы Ден, заталкивая чучело обратно в коробку.

— Уходи, — сказала Аля, желая лишь одного: чтобы Ден немедленно обратил произошедшее в шутку, а после прижал ее к себе и успокоил.

Однако Ден ничего такого не сделал. Молча, не сказав больше ни слова, с коробкой под мышкой он вышел, хлопнув дверью.

Аля подбежала к окну. В сумерках лица Дена она разглядеть не могла, и все же ей показалось, что кто-то из фиолетового вечернего дыма всматривается в ее окно. Она попробовала поднять руку, чтобы Ден увидел этот примиряющий жест, но рука вдруг сделалась такой чужой и непослушной, будто ее оторвали от тела и она лежала в кармане фартука сама по себе.

Послышалось урчание мотора. Сверкнув красными огнями, машина выринула со двора и умчалась в ночь...

Спустя минуту в подъезд неслышными шагами вошел Губерт.

Сергей РОДИН

ДНЕВНОЕ НАЧАЛО

* * *

я стоял у ограды, я видел облако
и каменный парус холма вдалеке,
неподвижный, дымкой подернутый,
весь в складках, поникший к земле,
и светлое облако вторым парусом
бледно-зеленый восход встречало,
темные сосны, растущие на холме,
из тумана плыли к причалу,
и ночь, умирая, курила звезду,
я двинулся прочь от старой ограды,
вниз, в осеннее море трав,
там чаща молчала,
окна фермы, где мне были рады,
исчезли, холодными стеблями став,
и ручей тихо-тихо журчал по дну,
и облако, холм обогнав,
растворилось в дневное начало,
и я запел неслышно ему

* * *

меж древ,
меж стволов мгла,
луч и еще один луч,
два янтарных луча,
меж камней,
там, где воды испить
зверь наклонится,

вслед за ветром кружась,
истончается в нить
багровая спица,
и в меня
так же стучится
сиреневый мрак,
воды глубина,
и хочется зверем немым быть,
и видеть лучи во тьме,
и остаться

* * *

холодная тьма, тело твое и луна,
восходящая над миром листвы и капель
с ветвей

скользящих тихо, тихо падающих вниз, до самого дна,
где воин переплывает реку и исчезает во тьме,
все быстрее

птица летит, глотая слезы тумана,
над каменным кряжем, над мертвым царством песка,
над морем

прибой к травам, стволам посреди лесной свадьбы
света и мглы, тишины и ручья вдалеке,
глубоким воем

и все, что имел, все — за край, в горизонт,
в светлеющий небосвод, за туманом, к звездам
отправлено

и только одно в плоти мира и мраке его,
только жажда моя к тебе
оставлена...

Владимир СМОЛЁВ

КУБАЙКИНО НАСЛЕДСТВО

Р а с с к а з

Недалеко от губернского города, всего-то в ста пятидесяти километрах, находится село Кубай. Невелико оно, дворов с триста будет, если и брошенные посчитать. Бесхозные дворы лишь с виду, а на самом деле все они хозяйские. Правда, хозяева живут где-то в городах. Эти кубайцы, спорить никто не будет, посмышленнее и посмелее — они и уехали в другие, лучшие места. А прочие сельчане, те, что не смогли принять новое, остались жить в Кубае — в надежде переждать здесь очередное освоение Сибири.

— Был мужик по имени Кубайка. Тятка моего тятки говорил... Да, жил первый Кубайка! А что? Место хорошее: река, тайга, город близко. А дорог не было, начальство и не знало, что Кубайке тут приволье, — излагал историю основания села крановщик Володька, неумный местный изобретатель.

Впрочем, и без него кубайцам свойственно думать, что все здесь обустроил этот Кубайка: расчистил поля, раскосил покосы, проложил проселки. Теперь живи, пользуйся Кубайкиными трудами да радуйся.

— Первыми появились охотники, а не Кубайка, — возражал Володьке трудовик Парамонов. — Четыре века освоение Сибири идет! Главное освоение произошло за последние восемьдесят лет, вот и пришел твой Кубайка восемьдесят лет назад в Кубай, и назвали его — Кубайка, а раньше, может быть, звали Федькой Петькиным.

— Ну ладно. А те триста лет че же не осваивали?

— Не хотели! Всем хватало всего — вот и не осваивали.

— Это точно: сейчас не хватает. Манжеты на кране старые, «веретенка» вытекла. Освоили Сибирь, а манжет новых нет. Раньше были? Как же хватало?

— Все равно раньше лучше было: люди боялись обманывать — вот и хватало.

Таким образом, за недоказуемостью пользы от дальнейшего освоения Сибири после Кубайки в умах у мужиков пошел разброд. Одни от всякого свежего веяния ждали новой беды, другие же, наоборот, в неис-

требимом рационализаторстве стремились приспособить какую ни на есть реформу, и все им виделось по-прежнему светлым.

Сам Кубай, следуя разделению жителей на рационализаторов и трудящихся, тоже раздвоился. В нем образовалось два центра — старый и новый. Внизу, у реки, сохранялась церковная площадь, больше напоминающая пустырь. В старой пятистенке, построенной еще до революции, находился сельсовет. Над шатровой крышей — государственный флаг. Старый Кубай не сдавался. Однако, по всему видно, он выдержал жестокий штурм. Посреди пустыря накренился столб с обрывками проводов; на подступах, как подбитые танки, брошены громадные части сельхозоборудования; слева от площади тосковал осиротевший палисадник; справа чернел обгоревший архивный сельсоветский сарай; напротив, через дорогу, остов порушенной старой школы.

Новый же центр Кубая с водокачкой и автобусной остановкой находился повыше, на въезде в село. Ясно, он не сам собою возник, а был прежде начерчен аккуратным городским архитектором. Видимо, на чертеже все было великолепно, особенно этот сквер с молодыми елочками. Теперь же, воплотившись в густой ельник, он оказался форменным недоразумением, так как широкая въездная дорога, упершись в него, вынуждена разделяться на проулки. С правой стороны сквера сгрудились проектные общественные здания. Крайнее из них — клуб. Его строили очень долго. Сменилось в стране несколько правителей, прежде чем открылся новый клуб. Сейчас он, без окон, одичало напоминал какое-то сооружение погоста.

Проект нового Кубая был так велик, что у страны не хватило сил его осуществить. И остался новый центр окраиной старого Кубая. Рядом с клубом-мавзолеем зарастала будильником двухэтажная контора. Она выгорела и смотрит пустыми окнами на нелепый сквер и на бестолковую изгородь в треть штaketины, что телятам не помеха. А уж гвоздей-то в забор вбито!

Контора-погорелица перебралась в деревянное здание МТС, что напротив через сквер. За длинным эмтэсовским баракком был устроен машинный двор, битком забитый негодной техникой. У железных ворот имелась сторожка. Истинное назначение ее, по-видимому, состояло в охране «зверинца», то есть небольшой площадки за высоким забором, обрамленным колючей проволокой. В «зверинце» сберегался кое-какой нужный сельхозинвентарь. Наиболее важные же машины механизаторы хранили у себя дома. Требовалась военная бдительность, ведь от наличия даже небольшой детальки трактора зависело благополучие всего Кубая.

Страда закончилась, но мужики каждый день продолжали приходить к воротам с голубыми на металлической сетке буквами: «Артель “Сибирь”». Они ждали сообщения как бы с фронта о положении дел: что там город, примет ли их хлеб, молоко и мясо или супостаты окончательно его захватили, подкупили мертвыми консервами и муляжами овощей? Однако узнавали, что Кубай в городе пока не закрепился, что надо еще продержаться, и готовились к злой осаде.

Так приблизился ноябрь. По утрам никаких движений на улицах уже не замечалось. Даже дым растекается над крышами не спеша, а Кубай в тревожном ожидании не шелохнется. Казалось, вокруг села затаилась вражеская сила. Только изредка мерзлую тишину нарушало воронье карканье да скрип несмазанных колес. Это кто-то из ранних кубайских домохозяев катил тележку с флягами под воду. Докатив тележку до места, обычно беспечно ее оставляли у водокачки и спешили к воротам, где мало-помалу собирались люди.

В одно такое предноябрьское утро собрались мужики перед воротами у конторы. Все они разных лет и в разных одеждах. Вот средний кубайский начальник. Он еще молод и не так давно вернулся из беспутных городских скитаний. Многие сельские ребята, отслужив в армии, пытались пристроиться к городу. Правда, уже через год, немало поработав на городской малый бизнес, возвращались они в Кубай износившись, изодравшись, изголодавшись. Так и этот вернулся, и его сразу же взяли на работу небольшим начальником. Теперь он стоял сам по себе в домокройной куртке из серой шинели, в штанах с яркими лампасами китайской фирмы «Адидас», на голову небрежно надета вязаная розовая детская шапочка с помпончиком, а на ногах стариковские резиновые не то боты, не то сапоги. В Кубае эти полусапоги-боты многие носят в грязь. Однако земля уже подмерзла, и всякий человек в резиновых обутках получил право на сочувствие к своим озябшим стопам.

Молодой начальник стоял и о чем-то думал, глядя на солидных мужиков в отстиранных ватниках. Не меньше важности им придавали и свисающие с плеч цепи бензопил. Выцветшие синие хэбэ мужики получили еще, будучи молодыми тружениками, в колхозе «Красный Кубай». Теперь они с достоинством обрядились в ту еще спецодежду, в кирзовые сапоги, подбитые с войлочной прокладкой машинным ремнем, стоят себе независимо и снисходительно поглядывают на выбеленные джинсы, на облезлую кожу, камуфляжные пятна одежд других кубайцев.

Тут пришел неопределенного возраста мужичок. Он остановился поодаль от всех и затравленно стал смотреть на рабочих. Одежда его явно выделялась выходным видом. Новая куртка из бурого кожзаменителя, новые штаны, опять же китайского шитья, начищенные черные туфли и, наконец, белоснежная рубашка — она особенно подчеркивала и выдавала его нерабочие намерения.

Молодой начальник заметил мужичка, хотел подойти, но передумал и обратился к этим, в ватниках и с цепями:

— Михалыч, вы сегодня пойдете на луцильник?

Михалычу стало неловко за робость начальника, и он тоже неуверенно сказал в ответ:

— Ну, наверное... Пойдем, наверное, на луцильник.

Начальник сразу вдохновился поддержкой матерого артельщика и уже по-сержантски scomандовал:

— Значит, так! Михалыч, давайте идите к Василенко и получайте у него бензин.

Отдав распоряжение самому Михальчу, остальным работникам молодой уже смело приказывал. Этих, в военных куртках, он отправил снять жатки. Работа с техникой для них была привычной, а куртки были покрыты таким плотным мазутным глянцем, что камуфляжные пятна остались заметными лишь со спины. Других мужиков — в джинсовых хипповых костюмах и облезлых кожанках — он отправил утеплять коровник.

Затем начальник подошел к мужичку и покровительственным тоном заговорил с ним:

- Ну, ты че не поехал? Автобус уже ушел.
- Меня директор отвезет. Мы договорились.
- Смотри там повнимательнее, чтобы в милицию не забрали.
- Не-е, не заберут. Я культурно поеду.
- Ну так бродяги привяжутся на вокзале, — продолжал начальник

выговаривать опасения.

— А че они привяжутся? — недовольно буркнул мужичок и отвернулся.

Он посмотрел поверх крыш и ленивой дымки за поля, за таежную хмарь, туда, где в Саянском Белогорье остался справедливый мир загодичных охотников.

— Так морда твоя как прошлогодняя картошка, да ты еще в белую рубаху нарядился, — бесцеремонно указывая пальцем, безжалостно разоблачал начальник противоречивый вид мужичка.

— А че я еще одену? — стал сердиться тот.

— Ну ладно-ладно, давай там зря не задерживайся, — наконец сжался кубайский сержант.

Тем временем из конторы вышел человек в представительной одежде, состоящей из коричневого костюма давно не первой носки, светлой рубашки, черного галстука. Стоило ему появиться, как артельщики сразу сосредоточили внимание на нем. Они, наверное, специально поджидали этого человека. Хотели что-то услышать важное.

— Всё-всё! Некогда мне, на сессию тороплюсь. Так! Все вопросы к Василенко! Всё-всё... К Василенко обращайтесь, я сказал!

Он заспешил к своей легковушке, но увидел мужичка.

— А, пришел. Так, скорее садись, поехали! — распорядился представительного вида человек.

Очевидно, это и был директор сельхозартели «Сибирь». Он спешил на сессию, однако обещание сдержал и вперед доставил мужичка на станцию, отстоящую за десять километров от райцентра. Легковушка, подпрыгивая на выбоинах и объезжая их, примчалась на привокзальную площадь в начале десятого утра. Пассажир покинул машину, и она тут же уехала.

Когда он купил билет в кассе и сходил в специальный магазин за четушкой, то до электрички оставалось времени около часа. Он опять оказался на площади и окинул ее взглядом. У забора из штaketника, побеленного еще при покойном правителе, кубаец присмотрел укромное

местечко под акацией. Правда, там воняло какой-то кислятиной. Он откупорил четушку и немного отпил из горлышка.

Потом стал внимательно изучать присутствующих. Ему еще помнились предупреждения начальника, и теперь требовалось подыскать нормальных попутчиков. А таковых как будто не было. На площади «гастролировали» молодые люди. Некоторые из них, пристроившись в кружок на корточках или стоя, пили «Арсенальное» и разговаривали. Другие курили и бродили бесцельно. На разбитых скамейках сидели какие-то бабы с клетчатými китайскими сумками. Бабы толстые, и сумки им под стать. Что могут везти в этих сумках бабы и что могло заставить их отправиться в путь, недоумевал мужичок. Больше всего его удивляло, что все эти люди зачем-то оставили работу и куда-то поехали. Глядя на них, он думал, что все-таки много у людей проблем. Ведь, если люди отправились в дорогу, значит, у них есть проблемы?

Наконец он увидел под тесовым навесом остановки двоих нормальных мужиков. Он уже пошел было к ним, но успел заметить, что на площадь осторожно въехал милицейский уазик. Тогда мужичок притаился под акацией. Из кабины выбрался толстый милиционер с красной шеей и направился к той парочке. О чем-то переговорив, он стал целенаправленно осматриваться. Конечно, милиционер засек кубайца. Смотрел пристально. Надо было срочно что-то предпринимать. Тогда кубаец вышел из укрытия и торопливо пошагал на перрон. Там на скамье сидели двое по виду культурных — молодой и седой.

— Мужики, это... можно я малехо посижу с вами?

Молодой ел пирожок с сосиской и кормил воробьев. Потревоженные кубайским мужичком, воробьи разлетелись. Молодой был недоволен вторжением. Он хотел отказать, но его опередил седой:

— Что, милиции боишься? Ладно, давай к нам.

— Ага, боюсь! Тут я дернул чуток... Еще, это, заберут в отделение, а мне надо в город. Теща там померла, — стал объясняться кубаец.

— С горя, значит, тяпнул, — принял объяснения седой.

— Та не-е, мне вчера надо было с бабой ехать. Она уехала, а меня директор не пустил.

— Покойники не ждут.

— Во-во, я тоже говорил ему, а он вчера меня за сеном послал. Коровы тоже без сена не могут.

— И что? Успел?

— Ага, привез. Директор тоже молодец. Как обещал, доставил меня сюды бесплатно. Ну, я, это... четушку взял, — хитро подмигнул кубайский. — Слышь, мужики, будете? — показывая украдкой горлышко из кармана, предложил он выпить культурным.

— Да с удовольствием, но в другой раз, — весело ответил седой.

А молодой спросил:

— У вас что, на все хозяйство один тракторист?

— Трое нас было, да один летом помер. Щас, значит, вдвоем остались. Вдвоем только работаем. С 9 мая не слазю. Ни выходных, ни

праздников тебе. Поверите, мужики, с 9 мая! От света до света! Как здесь не умрешь? Эх! Еще семь месяцев осталось! — с надеждой произнес кубайский мужичок и умолк, задумчиво глядя на удаляющиеся пути.

Воробьи снова вернулись: прыгали под ногами, чирикали, однако молодой уже съел свой пирожок. Он сунул руку в карман куртки, вывернул его и вытряхнул какие были там крошки. Воробьи радостно засуетились.

— Как же можно работать с 9 мая без выходных? Этого и трактор не выдержит, — заметил седой.

— И не выдерживает, и ломается. Но я подделаю — и дальше повез.

— Значит, рембаза у вас хорошая, — вставил молодой.

— Че? Какая рембаза? — возмутился тракторист. — Поле — наша рембаза, а крыша — небо!

— Ну, значит, запчасти есть, — не соглашался молодой.

— Че? Какие на хрен запчасти? — чуть ли не задыхаясь от возмущения, взорвался кубайский тракторист. — Вон гидронасос когда у меня полетел? В прошлом году! И че? Все теперь ломом делаю. Чурочки, ваги... Жилы рву, а директору еще и лучше, что у меня насос полетел: не надо «веретенку» покупать. Ниче, сын скоро с армии вернется. Он в Волгограде служит. Баба ему в письме написала, что у меня гидронасос сломался. Сын достанет в Волгограде насос, на тракторный завод пойдет и достанет. Ниче, вот уже скоро придет... Ему же и пригодится. Он в город и сам не хочет. Пишет, что по Кубаю скучает. Передам ему трактор... Эх! Еще семь месяцев осталось! Дотянуть бы. — Мужичок дрожащим от волнения пальцем потер под правым глазом.

Молчали. С востока приближался состав. По радио напомнили об осторожности. Ждали. Потом смотрели на проходящий товарняк. Тот железным ураганом пролетел на запад, и снова все стихло. Позднее осеннее солнце уже набирало силу и припекало в тиши. Запахло от тополей прелыми листьями, а от путей мазутом. Воробьи успокоились, расселись на кромку бордюра.

— Странный закон у нас в стране, — нарушил молчание седой. — Чем больше человек работает, тем ему хуже! Как будто воюем с кем, что ли?

— Конечно, война идет, — подтвердил кубаец.

— С кем это? — оживился молодой.

— С Америкой, вот с кем! Директор говорил, что с ихним долларом воюем. Они давно на Сибирь зарятся. Доллар свой сюда суют, обмануть, значит, хотят.

— Нет, не с Америкой. Это просто прикрытие наших противников, — возразил седой. — А идет действительная война с теми, кто за чужой счет хорошо пожить хочет. Для этого они повсюду сеют обман, хотят принудить к тому, чтобы мы тоже обманывали друг друга. А мы же единый народ! Нам нельзя обманывать, нельзя разрушать наш единый организм! Вот они и хотят изгнать тех, кто честно работает.

— А вот им! — показал на запад кукиш тракторист. — Мы все равно будем нормально работать, — заключил он и погрозил кому-то покаленным холодным железом пальцем.

Однако уже через секунду он сделал другой неожиданный вывод. Живо повернулся к собеседникам, сжал кулак и сказал твердо:

— Эх, мужики! Сибирь надо опять осваивать, но по-честному, без обману!

Его призыв как-то вдохновляюще подействовал на культурных мужиков. Седой потер шею, крикнул, хотел, наверное, возразить, а сказал вопреки себе:

— Да, брат, надо, надо осваивать! Нужно нам все заново осваивать без вранья! И бояться не американцев надо, а того, чтобы не обмануть бы кого. Утром пошел на работу и скажи заповедь: «А пусть мне будет день безгрешен». А вечером пришел домой, подумай и проси прощения мысленно у того, которого обманул.

Деревенскому эти речи показались подозрительными. Он, будто опомнившись, осведомился у собеседников:

— Извиняюсь, мужики, вы откуда будете?

— Я-то в армии служу, связист, — ответил молодой, — а он папа мой, в нашем техникуме работает.

— К-хе! Городские, значит, — заключил мужичок.

— А что? Городские тебе не нравятся? — спросил его седой.

— Да не-е, мужики, нормалек все, вы серьезные, тока ниче не знаете о жизни по-настоящему. У вас все понимание, значит, из разговоров...

— Почему не знаем? Мы вон тоже на похороны едем. И у меня, брат, теща умерла. Моя еще раньше уехала, а я его подождал, — указал седой кивком на молодого и продолжил рассказывать: — У моей тещи сын... Он проверяет электросчетчики. Знаешь, сколько он получает?

— Сколь?

— Пятнадцать тысяч! У нас декан с задержками девять получает. Он-то ученый, а тот электросчетчики смотрит. В городе тоже правды нет! А ты думаешь: в городе хорошо живут.

— А что, плохо? Вон твой шурин — он жа деревенский, а город его к себе... Потому что умный. А че жа, в городе умных не хватает? Вот и не хватает, что умные в деревне лучше родятся...

Тут мужичка перебило привокзальное радио:

— Электropоезд... прибывает...

Мужчины стали покидать насиженные места на скамье. Седой напоследок спросил:

— А ты сам почему в город не уехал?

— Так понимаете, мужики, у нас там первым жил мужик Кубайка. Он лес расчистил, землю засеял, там родились мои, и я там жа... Не могу, значит, его труды бросить. Да из-за чего бросить-то? Из-за этих плутов, из-за жуликов, что ли? Вот сын придет с армии... А мне бы еще семь месяцев дотянуть бы.

Зиму Кубай пережил благополучно. Артель «Сибирь» не распалась, трактористы всем привезли сено и дрова. Зимой кубайцу хорошо: корове сена дашь, печь натопишь — и смотри телевизор или просто лежи себе мечтай, как в городе. Только пустое это дело — умом мечтать. О чем бы зимой ни думалось, летом переиначится.

Однако что-то все-таки делается. К весне старую площадь в Кубае расчистили, сквер проредили и забор заменили. Из машинного двора много техники на металлолом продали. Купили директору другую легко-вушку, а трактористу новый гидронасос. К 1 мая насос стоял уже на тракторе, а на Троицу сын кубайского тракториста со службы вернулся. Как раз трактор для него и был готов!

И вновь засияли новыми всходами поля, нарядились в цветы луга и покосы, изумрудно засверкали опушки. Закуковала в лесу кукушка, закричала кедровка. По утрам и вечерам мычали коровы, и где-то на проселке бодро рычал трактор.

А от реки и до безбрежной дали обнимала это Кубайкино сокровище все та же красота, доставшаяся кубайцам от древних охотников.

Виктор РОЖКОВ

НАСЛЕДНИКИ КИПРИАНА

П о в е с т ь *

Глава 3

Наконец пришел день, когда после утомительного, изматывающего душу пути по непроходимым чащобам, трясинам, среди болотных кочек Дионисий с Викентием увидели с пригорка Марфину обитель и в предвкушении скорого и по-настоящему благодатного отдыха заспешили к бревенчатому взвозу, ведущему к массивным воротам.

Уже через несколько минут разочарование, да еще какое, встретило их: не было ни ворот, ни массивной бревенчатой ограды, ни зоркого пригляда монахинь-привратниц. Вокруг безлюдье, обрывки одежды, половичков, битая посуда — полный разгром.

Впечатление это еще более усилилось, когда они прошли по кельям монахинь, по трапезной, по коридорам, ведущим в монастырскую домовую церковь.

Только ее, видимо, убоившись расплаты за содеянное, и не тронули погромщики, в остальных же помещениях обители, и особенно в келье игуменьи, они натешились вовсю: сорвали обивку стен, все до одной половицы, до основания разломали печь...

— Видишь? — указывая на это, хмуро проговорил Дионисий. — Каждую щель обшарили, каждую тряпочку, каждый кирпичик, все искали тайник с бумагами, а он и не тут вовсе...

Несмотря на быстро подступившие сумерки, теперь уже Дионисий вел Викентия по лесу, да по такой чащобе, столь уверенно и смело, что тот только диву давался.

Неожиданно будто из-под земли выросла хижина, аккуратная, обмазанная полосами глины с вкрапленными россыпями слюдяных блесков. Внутри чисто выбеленный потолок был густо увешан пучками высушенных трав и корней.

Быстро развели печку, сгношили куда как незатейливый, как сказал Векша, ужин из седла молодого оленя с диким чесноком. А Дионисий и вовсе затеял «лесное угощение» — напоил охотничьим баловством, на-

* Продолжение. Начало см. «Сибирские огни», 2017, № 7.

питком, которого ранее Векше пробовать не доводилось. Был он чувствительно ароматен, удивлял вкусом; обволакивающая терпкость его была и медовой, и кислотато-приторной и не то чтобы пьянила, а лишь слегка кружила голову.

— Который раз пытаю тебя, отче... — начал было Викентий, но Дионисий перебил его:

— Знаю... Опять станешь вопрошать, какова дале нашей жизни дорожка будет? А ответ тот же: матушку Марфу, мать твою, попервой выручай, потом все остальное протчее.

— За память твою о родителях моих поклон тебе, отче, земной — трижды. Одначе матушка Марфа, думаю, ни в каких погибелях вражьих не сгинет — все пройдет, все вынесет: кремень ее сердце, гранит ее естество, спаси и сохрани ее Господи!..

— Мать твою, Марфа, достойнейшая из достойных будет. Но уж больно в страшны руки попала, — им любая наипуганейша пытка за малу шутку идет, эти уж постараются — где мечом, где топором, где железом пылым* — своего добиться.

— Да што ж тако ныне в миру деется! — едва не сорвался на крик Векша. — Туги, да испуги, да лжи потуги вокруг обступают. Что скрывать, что голову клонить, хотя бы и матушке моей, — каки таки тайны у ей быть могут?

— Сыне, сыне... сути дела не ведая, не берись речи вести, тем паче о родительнице своей.

Что мог сказать на это Викентий? Он лишь виновато склонил голову и, увидев, что огонь в печке почти угас, бросил на багряные угли охапку сушняка. Вспыхнули золотистыми огоньками россыпи пихтовых иголок, пламя осветило скорбно-задумчивое лицо Дионисия. Они потом долго молчали, а когда, помолвившись, устроились на ночлег, Дионисий, как бы желая достойно закончить этот разговор, понизив голос, заметил:

— Отец твой князь Андрей думу имел, о которой не раз и не два молвил мне, и была дума та как лебедь белая в небе теплом, налитом, весеннем, мелькнула, пропала, а след долго-долго таял в памяти да в душах людских. А было еще и тако вот, молвил князь Андрей, дескать, негоже нам, людям русским, руки сложивши пребывать, особливо во времена нынешни.

Речь веду о сем, вдосталь наглядевшись да испытав тяготы безмерны на плечах, и в душе своей хотел бы правде истинной да вере святой нашей послужить прилежно в дни остатни. Но сие творить надобно не у трона царска, не по городам и весям, где людишки многи за обычай взяли славить Бога лишь воздыханиями пустопорожними. Жаждет душа моя подвигов духовных, истинных где подале, в местах полуночных и иных незнаемых. Там было и всегда есть место приложения сил человеку русскому настояще!

* Пыхлый — раскаленный.

Примерно через неделю после того, как Марфе с Аглаей при помощи монахов Акинфия и Саввы удалось столь удачно вызволиться из рук московских посланцев, на их пути показалась таежная Марфинская обитель, вернее то, что ныне от нее осталось после недавнего разора. Марфа понимала, сколь опасно для нее и ее спутников такое посещение. Но было у нее здесь несколько неотложных дел, да к тому же, откровенно говоря, хотелось поклониться в последний раз месту, где она провела не только немало горьких, нестерпимо тяжелых минут, но где ее посещали и по-настоящему добрые, светлые мысли, особенно во время молитвы.

В молениях этих Марфа никогда не была эгоистичной, не сетовала на то, что ей, выросшей в роскоши и житейском изобилии, приходится жить сейчас столь скудно, тяжело, а то и голодно. Она желала лишь одного: добра и счастья столь горячо и нежно любимому сыну и чтобы счастье это и добро он не нес только в себе, а безоглядно и щедро дарил окружающим его людям.

Уж на что бывает хмурым небо в этих краях, но в это утро хмурость превзошла все мыслимые пределы: угольно-черные, со зловеющим фиолетовым оттенком облака опустились к земле так низко, что, казалось, у них не хватит силы перевалить через стену елей на ближнем взгорке и они останутся здесь навечно, сея вокруг вязкую, ощутимо тяжкую стылость. Но именно из этой туманной стылости и вышли, появились неожиданно на разрушенном подворье обители Викентий с Дионисием, и здесь же тогда раздался отчаянный в своей радости и любви крик побледневшей и едва устоявшей на ногах Марфы.

Когда минули минуты первых волнений, вопросов — сумбурных и порой бестолковых, когда каждый хотел рассказать другому что-то, как ему казалось, самое важное, Марфа первая взяла себя в руки, уже холодно и бесстрастно, как она говорила обычно, велела:

— Поспешаем в церкву, ибо забываем мы, што радость, даже самую малую, надобно прежде всего к Богу нести, а уж потом к людям!..

Все направились в церковь обители, а Дионисий, придерживав Марфу за локоть, сказал негромко:

— Мать Марфа, моления надобно бы творить кратко: чую, московски посланцы, злобой умываючись, по следу нашему идут. Да и воевода здешний, их соприятель, не преминет в обители сей вот-вот побывать...

— Отец Дионисий! Неужто все так неладно будет?

В голосе Марфы послышалось столько отчаяния и боли, что он, глубоко тронутый этим, сказал:

— Добра самой малости нам тут не ждать. Благословясь, в путь дальний ноне же тронемся.

— Куды ж это, господи, аль места закрытны ведомы тебе?

— Укрыть нас ноне может только морюшко одно, аль забыла, мы ведь не раз с тобой об этом беседу вели.

— Значитса, к Печерским устьям?

— Только туды, иного ничего верного не вижу.

— Кстати, у меня и человек один надежный с тех мест был недавно, как раз перед тем, как нас посланцы московски ухватили. — Марфа широко перекрестилась и согласно склонила голову.

Дионисий, поклонившись в ответ, добавил после недолгого раздумья:

— Еще на время краткое задержись, мать Марфа. А ну, — повернулся он к Викентию, — представь-ка пред родительски очи ту благодать, что в холстине заплечной носишь...

Викентий тут же снял с плеча дорожную суму, вытащил аккуратно завернутую в чистое полотенце икону, найденную ими в разрушенной часовне на берегу озера.

Тут же повторилось то, что произошло, когда ее впервые увидели Дионисий и Викентий. Верно, никто не вскрикнул, не обмолвился восторженными словами, но молчание, тут же воцарившееся в монастырской церкви, было красноречивее всяких словесных излияний.

Лишь через несколько минут заметно взволнованная Марфа, и так и эдак приглядываясь к иконе, проговорила приглушенно, даже сдавленно чуть:

— Господи всемилостивый! Неужто я очами в ошибку вошла? Да нет, быть того не должно! Зрила я уже образ святой сей, зрила!.. А было сие во главном храме Соловецком, где мне с супругом моим богоданным князем Андреем на богомолье побывать довелось. К образу сему народ шел непрерывно и днем, и в ночное время. Как оповестили нас бывшие тут же монахи, образ сей значения особого, именуется «Святым знамением дорожным», прислан в монастырь самим патриархом византийским и предназначен для паломников, уходящих в самые дальние пределы Югры, для подвигов духовных и становления веры православной. Ума не приложу, как образ сей ценности превеликой в дебрях здешних оказался, ведь он где-то на путях морских должен быть, на кораблике, на щегле крестовой впереди, истой святостью своей дорогу к славе Христовой осеняя!.. И еще помнить надобно, что ноне на создание образа, подобного этому, ни мастеров, ни красок не найдешь, пожалуй, утеряна да времечком поизничтожена суть его...

— Возблагодарим Всевышнего за находку такую — дар судьбы бесценный! — малое время спустя проникновенно проговорил Дионисий и, помолчав немного, уже по-обыденному негромко произнес: — Помолимся, в путь дальний отправляючись.

Марфа тут же первой опустила на колени, за ней опустили все остальные, и благодное приглушенное пение поплыло под низким сводом монастырской церкви.

Издавна на Руси бытовало присловье, что добро к добру тянется, а зло к другому злу спешит. Почти по этому присловью получилось у московских служивых людей стольника Коробьина и дворянина Авксентьева, когда они, обуянные злом и жаждой мщенья, встретились на лесной просеке.

И хотя встреча эта началась неудачно, когда в сумерках, не разобравшись, кто и куда идет, открыли пальбу и уложили двух стрельцов и охотника, но Авксентьев и Коробьин встрече этой были крайне рады.

Потери, обиды, сетования на такие многообещающие, но несбывшиеся планы-намерения и страстное желание любой ценой догнать, по-своему расправиться со столь ненавистными обидчиками — все это объединяло, давало хоть малую надежду на благополучный исход их рискованного дела.

...Пили, говорили, спорили до хрипоты и до хватания друг друга за грудки и едва что не до драки и все ж решили, поровну поделив людей, тут же направиться в погоню неотступную за Дионисием и Марфой, а также отправить двух гонцов к воеводе в Пермь, дабы известить его обо всем случившемся.

Но планам этим также не суждено было осуществиться. Поутру, когда Коробьин с Авксентьевым стали прощаться, перед тем как уйти в разные стороны, впереди меж деревьями замелькали люди в непривычных глазу серовато-белых одеждах. Их становилось все больше и больше, и вот они уже плотным кольцом окружили московских посланцев и их людей.

— Вогулы пришлые немирны... — хрипло, но достаточно громко, чтобы услышали другие, произнес один из охотников Авксентьева. — Усмирили их недавно, утишили-то в делах, а они вот оно вдругорядь колготятся!

Вогулы почти не стояли на месте: суетились, выкрикивали что-то по-своему, перебегали от куста к кусту, и кольцо их заметно сужалось. Авксентьев, решив опередить возможные неприятные события, собравшись с духом, вышел вперед в сопровождении двух стрельцов, державших наизготовку заряженные пищали.

— Эй вы, там! Кто по-русски хоть малость речет, выходи, поговорим!

Авксентьев повторил это раз и другой, стараясь, чтоб голос его звучал как можно смелей и солидней, хотя внутри у него буквально все це-пенело от страха. Наконец перед ним предстал сухонький, невзрачный по виду старик вогул, поглядывавший как-то по-особому хитро.

— Ты пошто кричишь столь шибко, — почти правильно выговаривая русские слова, спросил он. — Лес не любит, когда шумят так вот...

— Лес? — недоуменно переспросил Авксентьев. — При чем тут лес? Вы пошто дорогу преступили нам?

— А-а! — почти радостно, как мальчишка, выкрикнул старый вогул. — Вижу, боишься, ох, боишься ты, большой русский воевода.

— Я не воевода, а государев человек из Москвы. Еще раз пытаю тебя, пошто вы...

— Нет, боишься, боишься! — перебил Авксентьева, по-прежнему неизвестно чему радуясь, старик.

И тут же лицо его утратило игривое выражение, брови густые, как два клочка слежавшейся соломы, сошлись к переносью.

— Правильно боишься, — уже строго, даже важно проговорил он, — но ты не бойся, мы недавно бунтовали маленько, теперь, тоже маленько, подождем. Пропустим вас, но только Векшу нам отдайте...

— Какого еще Векшу? — сердито осведомился Авксентьев и, повернувшись, спросил стоявшего неподалеку Коробьина: — Степан Иванович, каков Векша им еще потребен?

— Охотник здешний, известный злодей из злодеев — я ж говорил тебе, это он у меня Дионисия из рук вырвал...

— Слышал? — сказал Авксентьев старику. — Нет у нас Викеши того, провалиться бы ему сквозь землю, чернodelьцу!..

— А ты посмотри, посмотри, — настаивал старик, — тот Векша уже не ваш, его наши охотники в жертву хотят отдать великому богу Нуми-Торуму, и таких богов гневить нельзя, нельзя!.. — Старик произнес последние слова почти с подвыванием и даже закатывал при этом глаза.

— Да тьфу ты, будь неладна, — в сердцах воскликнул Коробьин. — Ну иди смотри, ищи сам, вот они, все наши люди, говорю в раз остатний: нет Викеши с нами, нет!

Старик кивнул, вроде соглашаясь, но все ж подошел еще ближе, долго и пытливо разглядывал каждого русского, стоявшего сейчас на поляне. Закончив осмотр, он подошел к Авксентьеву все с той же насмешливой детской улыбкой, хотя плохо скрытая недоброжелательность явственно звучала в его голосе.

— И вправду, нет Векши, — сказал он, — но ты, думаю, был бы лучше его: такой большой, жирный. Ай, какая хорошая жертва для нашего бога! Может, крикнуть воинам, вон их все больше и больше набегают сюда! — Старик указал на плотную толпу злобно улюлюкающих вогулов...

Авксентьева при этих словах передернуло, разноцветные круги от испуга замельтешили в его глазах. Старик же, рассмеявшись уже в голос, пошел к нетерпеливо поджидающим его вогулам.

И двух месяцев не прошло после этой столь памятной для него встречи, когда Авксентьев, уже вновь настроившийся на спокойное московское житье, был вызван к одному из набольших бояр Семену Беклемишеву.

Вот уж не думал не гадал он, московский думный дворянин Гордей Акимович Авксентьев, досыта нахватавшийся тягот и горестей безмерных в недавнем походе в земли пермские, что ему опять выпадет такая муторная, еще более страховидная напасть — аж в Югру саму тащить, будь она трижды тридцать раз неладна!

Постарел он аль умельство в обращении с набольшими людьми потерял, но только никак не смог отговориться от злокозненного упыря того, Беклемишева-боярина. Тот на отговорки Авксентьева тако зыркнул глазищами-то, прости господи, едва что не насквозь прожигая.

— Ты, Гордей, не юли тута, нашкодивши — голову в песок не прячь. Аль забыл про соузника свово — стольника Коробьина, царствие ему небесное?..

При этих словах Авксентьев не то что похолодел, а считай, что сердце у него льдом взялось. «Ишь, кого вспомнил, ишь!.. — билась в голове тревожная мысль. — Сами же повадили, под топор подвели человека не-

винна, а ноне и меня, штоб припугнуть, его союзником кличет. Ах, хитрован-зверователь, како размахнулся...»

Конечно, думая так, Авксентьев больше бодрился, а сам уж знал: не то что в Югру, а и в тридешатое царство пойдет, лишь бы не слышать, не видеть злодея сего, хоть и был он в горлатной шапке и боярской шубе...

— Ах как тогда в лесах пермских опростоволосился я! — едва что не казнил сам себя Авксентьев. — Упустил ту злокозненну Марфу. Не будь сего, рази надобно было бы вновь тащиться имать ее, да еще куды, куды?..

Боярин Беклемишев, видя, что Авксентьев сник и слова не вымолвит боле, чтоб отказаться там или как, сменил гнев на милость.

— Ну вот, вижу, понял ты суть дела сего — так оно и ладненько будет, Гордей Акимыч, — уже снисходительно улыбаясь, проговорил он. — Дадим тебе для бережения и исполнения дел надлежащих десятков стрельцов с сотником, а покуль ты со стрельцами теми до Печерских устьев доберешься, верные наши людишки в устьях тех нужнй делу спрос-расспрос поведут. Ведомо, что будто бы в Югру саму намерилась сокрыться та злокозненна Марфа-игуменья и вся ее свита преподлая с ней. На земле, на море, в тундрах и лесах хладных, хоть в преисподней ты мне ту Марфу с приспешниками достань-расстарайся. Грамоты подорожны у вас будут с верху самого, любой воевода, даже самый норовистый, перед ними голову склонит и услужить вам рад будет. Во всем же прочем — сам думай, да смотри не зевай! Ну, а за царем да за нами служба не пропадет...

Через несколько дней непогожим дождливым утром вместе с назначенными ему в путь стрельцами покидал Авксентьев Москву. На душе было муторно, горько, сердце щемило от предчувствия неведомых тягот и опасностей, поджидающих его на тундровых, а то, глядишь, и на морских дорогах. Авксентьев, чтобы не думать об этом, все чаще и чаще закрывал глаза, пока и вовсе не задремал под мерные покачивания крытой повозки.

Жадность и корысть московских бояр хорошо были известны думному дворянину Авксентьеву. Уж кто-кто, а он-то знал, как порой и для важного государева дела с них и копейки лишней не вытянешь, а тут так вот развернулись... Ну, не все, не все, конечно, а эти вот двое, Семен Беклемишев и Петр Боголюбский — главные злодеи его жизни, как их теперь именовал про себя Авксентьев.

— Ох, видно и прижало их это дельце с Дионисием и княгиней Манефой! Прижало, приструнило, заставило, пусть и на время, про жадность свою забыть...

Авксентьев сразу понял это, видя, как встречают его на ямщицких станах в селениях да редких крепостных городишках. Стоило ему представить грамоту, подписанную боярином Петром Боголюбским, тут же щедро одаривали винами с водкой, закусью наипервейшей, ловили на лету каждое слово, чтобы тут же исполнить любой приказ иль пожелание. Особо не торопились, но и зевать — время тянуть, как полагал Авксентьев, им не к лицу было.

Так незаметно, по лесам, по тундровым увалам, а потом и по самой большой тундре добрались и к Печерским устьям — так в то время именовали земли в месте слияния печорских вод с морскими.

Кроме гиблых для корабельщиков бесчисленных галечных россыпей и ожерелий каменистых островов, называемых «кошками», было здесь и немало глубоководных протоков с крепкими берегами, удобными для стоянки и постройки судов. Именно здесь, на потаенных плотбищах, из сплавленных по Печоре сосен и елей мастерили умельцы знаменитые северные кочи — небольшие, приспособленные для плавания в морях среди льдов одномачтовые парусники. На тех кочах ходили и поморы — охотники за морским зверем, и приискатели новых земель, а нередко и ватаги вольных людей, неподвластных ни царю, ни воеводам.

Те пытались навести здесь свои порядки: посылали стрельцов «зорить вольны плотбища» и ковать в железа мастеров-корабельщиков, соорудивших кочи для дел разбойных разбойным же людям. Но спустя какое-то время все возвращалось, как говорится, на круги своя, ибо, изничтоженные в одном месте, плотбища вскоре возникали в другом, а народ здешний жил по-прежнему присловьем: «Хочешь добрый коч иметь, научись мошной звенеть». И, наперед государевых и воеводских приказов, вылетали в моря хладны легкокрылые птицы-кочи безначальных вольных людей.

Были у тех плотбищ и поселки малые, встречались и селения покрупней, и даже стояла крепостица с двумя деревянными башнями и с бревенчатыми наклонными стенами. Было здесь несколько улиц кривобоких домишек, ряды рыбацких малых и больших шалашей, купеческие лабазы и даже кабак, выделявшийся непривычной для здешних мест просторностью и добротностью постройки. Именно в этом селении с крепостицей и принял местный воевода московских посланцев, чей приезд напугал его до чрезвычайности, ибо он впервые за долгую службу удостоился лицезрения столь важных грамот, предъявленных ему Авксентьевым.

Устроил воевода Гордея Акимовича в лучшем домике поселка, рядом же разместили стрельцов и прибывшего с ними казачьего сотника Клима Егорова. Кряжистый, седоусый здоровяк помор, неизвестно какими путями очутившийся на стрелецкой службе в Москве, с первых дней знакомства с Авксентьевым пришелся тому по душе. Обычно Авксентьев плохо сходил с людьми, был заносчив и груб, но тут круто изменил своим обычаем, звал его почти всегда Климушкой, а в пьяном виде величал то ли в шутку, то ли всерьез «господином сотником»!

Минула неделя, другая, но обещанные боярином Беклемишевым тайные знатоки Печерских устьев все не давали о себе знать, и это начинало беспокоить Авксентьева. «А ну как по-змеиному проскользнула где-то Марфа злокозненна со товарищи? Куды тогда кинуться, с кем совет о деле столь важном и тайном держать? Может, с сотником нашим Климом словцом об этом перекинуться — ведь умен, умен гораздо, не по месту, не по чину, но ведь нельзя, нельзя в таком деле открываться кому!.. Вот незадача греховна прямо-таки».

На душе Авксентьева было столь пусто и тоскливо, что он едва не застонал.

— Эх-х-х, судьба-судьбинушка! Пойду в кабак напьюсь!.. — совсем по-пьяному воскликнул Авксентьев, хотя не пил уже несколько дней.

Он быстро оделся, заглянул по пути в соседнюю избу, где располагались приехавшие с ним стрельцы и сотник Клим. Он подозвал его и уже за воротами сказал:

— Отправимся-ко Климушко в поход невеликий, побеседуем душевно, в кабак наведаемся, винца-зеленца изопьем малость.

Егоров к таким походам привык, лишь согласно склонил голову, и уже через несколько минут они шагали вдоль берега протоки, плотно уставленного баркасами, расшивами, ладьями и кочами, то есть всем тем неказистым на вид, «топором изготовленным» парусным поморским флотом, суда которого знали на Мурмане, на Груманте, в русских и иноземных морях.

Была и еще одна причина, по которой Авксентьев позвал с собой стрелецкого сотника. Последнее время он стал замечать, что вокруг него крутится какой-то темный народ: нищие, юродивые, пьяные мореходцы и охотники.

Вот и на этот раз, будто поджидая Авксентьева, из-за угла выскочили две цыганки, молодые, повадкой разбойные, уцепили за рукав, затараторили, перебивая друг друга:

— А погадаем, погадаем, красавец боярин!.. Кинь монетку-то, кинь, всю правду-матушку, всю как есть скажем: што было, што есть, што будет тебе на пути морском...

— Постой, — удивился и даже нахмурился Авксентьев, — а откуда тебе ведомо, што я в море намерился?

— А по картам, по картам выходит, красавец ты наш писаный, — еще быстрее затараторили цыганки, а та из них, что постарше, едва что не в душу влезая синими глазищами, склонилась к Авксентьеву и шепнула, жарко дыша:

— А боишься судьбы-то, боярин...

Авксентьева от этих слов покорило.

— Я те не боярин, и боязни во мне не бывало! На, — сунул он ей в руку деньги, — говори, што там по картам выходит?

— А не примешь в обиду?

— Нет, молви как есть...

Цыганка взмахнула рукой, и колода цветастых карт рассыпалась как по волшебству, заструилась у ней меж пальцев. Тут же одна, другая, третья карта упали к ногам Авксентьева, и цыганка, указывая на них пальцем, повела ворожбу:

— А лихо дело выпало, красавчик, ой лихо! Супротив совести и чести твоей. — Она рассыпала еще с десяток карт. — Вот оно: злокозненные люди тебя посылают добрых людей изничтожить, но ты сам первый при том голову сложишь... Беги, беги зла того... Эта, эта и эта карта говорят, што верны слова гаданья сего...

Мало сказать, что его удивили — его потрясли слова цыганки. «По-сылают добрых людей изничтожить...» Что это? Волшебство, другое какое лихо? Нельзя же предположить, что эта местная цыганка могла слышать слова боярина Петра Боголюбского, сказанные ему, Гордею Авксентьеву, в Москве один на один?

Авксентьев посмотрел на сотника, равнодушно глядевшего на гадание, подумал: «А может, все же ему рассказать об этом? Мужик он дельный, языком зря не мелет...» Но тут же испугался этой мысли. «Нет-нет, ни в коем разе нельзя творить тако...» Авксентьев не придумал ничего лучше, как бросить еще одну монетку к ногам цыганки, и тут же, заторопившись, направился с Климом Егоровым к кабаку.

Но, видно, погулять ему вволю было не дано. По дороге произошла еще одна встреча. Теперь на пути встал не то полоумный, не то юродивый какой-то, в старой монашеской рясе, замахал руками на Авксентьева, запричитал:

— Не сотвори зла ближнему своему, особливо ежели он рясы иноческой удостоен! Кто на такого человека руку подымет, тот ославлен и проклят будет и ныне и во веки веков!.. Идущий в море со делом злым сам тем злом захлебнется — бойтесь, бойтесь такого походу!

На этот раз Авксентьев не на шутку испугался, тем более что и сотник Егоров тоже поддался страху и многозначительно вымолвил:

— Неладное чую, Гордей Акимович! Цыганка эта, юродивый вот теперь про одно и то же как заведенные твердят — пугают, будто кто научил их нам путь перекрыть.

— А что тут скажешь, может, и так, может, и так... — задумчиво повторил Авксентьев и тут же решил уже твердо, что в деле таком одному биться — лоб расшибешь попусту.

«Все ж скажу ему, скажу», — наконец насмелился он, в сотый раз, наверное, настороженно приглядываясь к Климу.

Понятно, что он не стал раскрывать все карты до конца, не назвал московских вдохновителей этого похода, больше жалился на судьбу, втравившую его в столь опасное дело, когда надобно вон что: искать, хватать монахов неких...

— Грех сие, конечно, но ведь служба есть служба, государева особливо: умри, но сделай! Так, что ли? — спросил он у Клима.

Тот спокойно согласился, хотя можно было заметить, что ему не по душе расплывчатые, путаные объяснения Авксентьева о сути их дела.

Авксентьев закончил разговор свой так:

— Не сладилось у нас ноне гулянье, Климушко. По чарке винца дома разопьем, да попрошу тебя побеспокоиться: вижу, что в местах сих ты свой человек, может, узнаешь что, спросишь кого, каки таки слухи-разговоры о походе нашем идут, кто в дельце сем интерес наибольший имеет... Глядишь, и выудим весточку малу, но дорогонькую для нас, а там, дай господи, и лица неки, что в затайке ноне, приоткроются...

— Не лежит у меня сердце к делам таковым: сыск-розыск — сие отвратно мне, но раз по службе потребно выходит, сделаю как надобно, постараюсь...

Он, и верно, постарался... И хотя прямых виновников «сей истории хитрой», как говорил Авксентьев, обнаружить не удалось, все же выяснилось, что приезжие из Москвы, с грамотами большими и с деньгам тож немалыми, нанимали разный черный подлый люд, чтоб они всячески злословили, хаяли да любу напраслину несли на сына дворянска Гордея Авксентьева, будто бы удумавшего неких монахов-паломников со свету свести...

«Ай Манефа-Марфа, ай княгинюшка-игуменьюшка!.. — не только злаясь отчаянно, но и восхищаясь по-своему, воскликнул про себя Авксентьев. — Ее разум, ее рука здесь и ничто другое!.. Недаром же московскито бояришки тако бояться ее. Не сумлеваясь молвить можно, што у ей в Москве до сих пор верны люди в верхах высоких сидят... Таскаться нам тут боле нечего, а то, глядишь, по наущению Марфы той приспешники ее еще како непотребство сотворят... Уходить надобно, уходить, а там уже как Бог даст!..»

А тут еще «судьбинушка», как сказал Авксентьев, сжалилась над ними, подослала-таки долгожданного вестника.

В один из вечеров, когда Авксентьев с Климом Егоровым коротали время у камелька, попивая только что привезенное местными купцами заморское вино, в дверях, постучав осторожно, появился рыжий до яркой красноты молодой монах в заношенном до крайности подряснике и стоптанных рыбацких сапогах. Поводя пронзительно разбойными глазами, повел речь так, как будто он не раз бывал в этом доме и хорошо знает сидящих у камелька людей.

— Велено поведать вам вот что, други мои, приятели сердешны. Что по слову известной вам особы творил, то мой грех — отмолю! А дело, вас касаемое, ноне вот тако выгладит: злокозненная женка — Марфа, коей не монашенску рясу, а вериги носить, расстаралась тут в устьях поперед вас. Коч ей сгоношили лучшим манером по первому разряду, не кораблик — загляденье. Заплатила цену за то не торгуясь и, как говорили здешни люди, боле того! Понятно, что такожды и снарядили и оснастили кораблик тот в дальнюю дорогу... Знаю, спросите вы: куды? Сие дословно поведать не могу, слышал стороной, что известной в архангельских и здешних печерских краях кормщик Гриня Кулемгин зрил тот коч будто бы у Шараповых кошек губы Байдарацкой. Выходит, путь Марфа со товарищи держит к Мангазейскому морю, а может, и в Мангазею саму.

После ухода рыжего монаха Авксентьев, помедлив малость, сказал, вздыхая тяжело:

— А ведь придется, однако, и нам в моря эти трижды неладные пускаться и, страхи отринув, молебен служить о здравии и удаче средь хлябей морских.

Через двое суток коч Авксентьева со стрельцами, охотниками и мореходцами, оставив позади Печерские устья, взял курс вдоль берега к Мангазейскому морю, вручив судьбу свою ветрам и волнам, что пока еще сдержанно и миролюбиво встречали новоявленных путников, стелили им, что называется, легку дорожку по легкой же покуда морской водице.

Глава 4

Уж ты море наше, морюшко холодно,
Краса твоя — истинно приглядна.
Бунтованье и гнев твой нам свычен,
И держим мы его за обычай.*

Песня вместе с легким попутным ветром и едва заметными полосами ночного тумана плыла и таяла приглушенными отзвуками среди волн. Акинфий, удобно расположившись у кормила, пел неторопоко, полузакрыв глаза, и слова этой песни можно было принять за какую-то бесконечную беседу его с морем, наверное, очень нужную и морю, и Акинфию.

А у бережка ты нас, море, не держи,
С легким сердцем дале отпусти,
А за то тебе сыновий наш поклон
С давних пор до нынешних времен.

Марфа долго прислушивалась к пению Акинфия, потом негромко спросила сидящего рядом Савву:

— Почто это он в распевы вольны пустился, аль монашеского духовного пения ему мало?

— Прости, матушка, ежели поперек слово молвить буду, — кланяясь, ответил Савва, — но тут духовно пение не к месту есть. Акинфий среди нас самый морской человек — кормщик наипервейший среди корабельщиков и на островах Соловецких, и далече окрест. Он сейчас не только пел, а и обычай старознатцев морских дорог исполнял. Тут место памятно, в Югру саму ворота, — ветры здесь зело буйствуют: волну волной бьют, песок песком да еще роют, выворачивают его, шаром шарят, посеми и названо сие место Шаром Югорским... Вот и пропел песню памятную мореходскую Акинфий, соблюл обычай, значит, и дорога нам должна быть поглаже да полегче.

Марфа в ответ лишь покивала согласно и вновь устремила взгляд в серовато-прозрачную, с перламутровым отливом, воду, что, будто отталкиваясь от бугристых, с распадками, берегов пролива, разливалась до горизонта таким привольем, что при взгляде на него становилось больно глазам.

Поморский коч — доброе суденышко: кормилу послушен, на встречной волне устойчив, не дышит в стороны, как конь норавливый. А уж ежели под парусом идет да ветер попутный, то тут уж любо-дорого посмотреть: лебедь степенный черно-белый, да и только.

Акинфий, которому морской ход издавна был за обычай, кормщиком на коче считался. Устрой** здесь вела Марфа, но главным советчиком единодушно признавали Дионисия.

* Старинная поморская песня.

** Устрой — порядок.

Не было случая, чтобы он сказал что-нибудь зря или не к месту, хотя на разговоры был весьма скуп. Важным было и то, что Дионисий, как оказалось, бывал на здешних путях и хаживал аж до самой Мангазеи.

Узнав об этом, Викентий, выбрав как-то минуту, спросил:

— Отче, пошто ты в даль таку удумал аль дела позвали?

— Дела делами, а не мене их людей повидать надобно, кои, по наветам в опалу попав, дни влачат здесь в изгнании горьком.

— Значится, в краях мангазейских и сей день у тебя люди близки найдутся?

— Там оно видно будет, — коротко заключил разговор Дионисий.

Один, второй, третий, десятый день — тут немудрено и со счета сбиться — перед глазами одна и та же картина: слева море сизо-серое, будто изморозью подернутое, размахнулось невесть до каких пределов; справа — тундра, так же велика и бескрайна, и цвету серого немало, только что пополам с ржаво-зелеными и коричнево-голубоватыми травяными полосами-разводами. И что на море, что в тундре, ни вдогонку, ни навстречу — ни кораблика, ни человека, будто и осталось на земле людей-то — вот они одни, что на коче сем поморском спешат неведомо куда.

Еще два аль три дня тако вот прошли и вдруг встреча — да такая, что лучше бы ее и вовсе не было. Берег, вдоль которого всё шли, — невысок, травянист, местами едва над водой виден, — вдруг захохлился, распадки пошли да мысы ступенчатые, нелепые громоздкостью своей. И однажды в полдень из-за такого вот мыса вырвались три казачьих струга, а в них народ, по всему видать — разбойный: свистят, улюлюкают, из пицалей даже раз-другой пальнули...

Дионисий, приглядевшись, тут же сказал:

— Гилевщики* — вольный мангазейский люд, таки ни царю, ни воеводам не подвластны, едино Богу...

— Из слов твоих выходит, что нам остается лишь молиться да прощаться друг с другом? — подчеркнуто холодно осведомилась Марфа. — И оборониться супротив сих злодеев нам нечем?

Слова эти, по-видимому, не понравились Дионисию, и он, чуть хмурясь, ответил:

— Оборона у нас всегда едина: молитва к Господу — на него упование, и тебе, мать Марфа, сие не менее моего ведомо...

Отделившись от других мореходцев, обступивших в эту минуту Марфу, Дионисий прошел на нос коча, спокойно глядя на приближающихся гилевщиков.

Ежели по одежде судить, то народ здесь собрался едва что не со всего света: мелькали московские стрелецкие кафтаны, турецкие** кольчуги с серебряными полумесяцами на груди, охотничье полукафтанье, куртки из грубо выделанных шкур животных, дорогие заморские одеяния, подпоясанные кушаками из невиданных цветастых материй, на которых рядом

* От гиль — бунт, свара.

** Турские — турецкие.

с пятнами смолы и сажи сверкали самоцветы, бывало что и цены несказанной.

А уж про оружие гилевщиков говорить — тут и слова не всегда найдутся: пиццали заморские большие и малые, сабли, синевато поблескивающие бесценной дамасской сталью, восточные ятаганы и знаменитые обоюдоострые кипрские кинжалы. За годы существования Мангазеи каких только купцов и людей воинского дела не перебывало на ее путях, и почти каждый из них продавал, менял, а то и терял оружие, служившее в то время наряду с соболями главной разменной монетой. Чем ближе подходили струги, тем меньше было слышно криков на них, а когда поравнялись бортами — не то что крики, но и разговоры на стругах смолкли.

Конечно же, вольные мангазейские люди еще издали разглядели укрепленный на верхушке мачты тускло поблескивающий под неярким солнцем серебряный крест. А когда на коче сбросили парус и на той же мачте обнаружилась еще и икона Николая Чудотворца, или, как говорили тогда поморы, Николы Морского, то все гилевщики обнажили головы, помолились, помолчали достойно.

С большого передового струга на борт коча перебрался молодой еще, рослый, аккуратный фигурой мужик в кольчуге с орлом на груди и в шлеме с серебряными насечками.

Внимательно оглядев всех, кто был на палубе, он задержал взгляд на Дионисии, снял шлем, уважительно поклонился:

— Вижу, ты годами постарше всех, отче, ответствуй, откель вы и куды путь держите?

— Грамоту зрить будешь монастыря Соловецка аль на слово поверишь?

— Грамотам, даже монастырским, у меня не больно-то веры есть. Бывало, мы тута боярских, даже царских выглядчиков лавливали, что грамотами прикрывались, дела свои черны творили...

— Аль я похож на такого? — спросил Дионисий, и глаза его потемнели от гнева.

Любому бы не по себе стало от этого взгляда, но мужик в кольчуге и лицом не дрогнул, как ни в чем не бывало сказал:

— Мы многих не жалуем, однако паломникам, которы по обету путь ко храмам мангазейским держат, у нас всегда и честь им, и место перво!..

— А может, заглянешь все же в заборницу к нам? — почти дерзко спросил Дионисий, все еще не отошедший от обиды.

И вновь ничего не отразилось в лице мужика, хотя, если приглядеться, можно было бы заметить в его глазах мелькнувшую усмешку.

— Бог с тобой, отче. Каки таки богатства у паломников есть, шествуйте дале, молитте Бога за нас грешных! — Он еще раз помолился на икону, укрепленную на мачте, и, уже взявшись за борт коча, готовясь покинуть его, проговорил негромко, обращаясь к Дионисию: — А труден, отче, подвиг молитвенный, особенно тому, кто с привычками давними да со спесью боярской никак расстаться не может...

От слов этих Дионисий аж вперед подался и сердце его забилося, застучало ощутимо гулко. «Кто он, кто он есть, гилевщик сей? Откуль ему ведомо про боярство мое? Ишь, сколь хитро да к месту напомнил о сем!» И уже не мысля о том, что подумают о нем остальные, Дионисий впился руками в борт, стараясь еще раз, теперь уже более внимательно взглянуть в этого странного гилевщика. Но ветер относил струг все дальше и дальше, и вскоре тот совсем скрылся за мысом.

От внимания Марфы не укрылось то, что произошло между ними, подойдя, она спросила:

— Што он молвил тебе, отче, аль обидел чем?

— Нет-нет, мать Марфа, тут иное: вроде бы знавал я этого человека, знавал, а вот где и когда — не помню!

— Гилевщик — и тебе ведом? Быть такого не может!..

— Да не гилевщиком я его встречал, а иным человеком, но я вспомню, вспомню, дай бог памяти!.. — Некоторое время он стоял полузакрыв глаза, шепча что-то невнятно, потом, словно очнувшись, огляделся и уже бодро крикнул: — Акинфушка, пошто стоим? С богом, далее поспешаем...

Акинфий, Викентий и Савва тут же взялись за канаты, парус зашелестел, пошел вверх, наполняясь ветром, и коч, чуть осевший на корму, тут же устремился вперед, рассекая пологие, в пенных кружевах волны.

Днем, пусть и скупое на тепло, блекло-желтое солнце хоть как-то светило, веселило, грело душу. К ночи же, когда притуманило тяжелой хмарью и без того безотраднo-унылое небо, из тундры потянуло таким пронизывающим ветром, что все невольно поежились, а Викентий уверенно сказал:

— К морозу явно ветерок сей! А мороз нам, покуль до места не доберемся, ни к чему...

— Совсем ты взрослый стал, вона сколь о делах судишь зрело, сыне мой... — с непонятной ей самой печалью проговорила Марфа и, не удержавшись, ласково провела пальцами по щеке Викентия.

Почему-то этот жест Марфы смутил не только Викентия, но и Аглаю. От мысли, которая пришла ей тут же в голову, она еще больше покраснела, отвернулась, неловко шагая, перешла к другому борту коча...

Ах, если бы она могла вот так же коснуться, провести рукой по лицу Викентия, грех ведь это, наверное, грех, Господи, пошто же сердце тягостным стало, пошто душа вдруг томлением столь неведомым взялась? Тут же кто-то, как бы против ее воли, стал нашептывать ей заветное, долго и тщательно оберегаемое в глубинах души.

Краткие, все больше на ходу, встречи, когда ей удавалось перекинуться двумя-тремя словами с Викентием... Всегда он был дружелюбен, собеседника никогда не перебивал, на просьбу любую откликнулся охотно, старался услужить чем мог. Когда Марфа не слышала, звал Аглаю то ли в шутку, то ли всерьез: Аглаюшка-свет. Звучали эти слова так сердечно, что Аглая, обижавшаяся вначале, сама не зная почему, за это на Викентия, потом привыкла и даже — спаси, Господи, за грех малый! — стала

ждать с нетерпением тех минут, когда она вновь услышит из его уст эти слова. От этого Аглая нередко терялась, чувствуя себя виноватой, подолгу и горячо молилась, а когда смятенная душа ее на время обретала покой, повторяла, как добрый наговор:

— Не буду, не буду вспоминать его и укреплюсь в том молитвой надежащей — так оно верней верного будет!

Но вот проходило несколько минут без него, без дум о нем, и вновь его образ заполнял, казалось, целый свет. И вновь Аглая томилась душой и жаждала с ним разговора, считая, что только один Викентий сможет понять ее и найти те слова, которые не только успокоят душу, но и поддержат в стремлениях и желаниях.

Со стороны могло показаться, что желания эти ни в кой мере не свойственны Аглае, особенно после длительных, порой многочасовых бесед ее с игуменьей Марфой, когда та исподволь, ненавязчиво, с тонкой душевной проникновенностью говорила ей о пути, который Аглая должна выбрать для себя раз и навсегда, и путь этот только один — служение Богу в обличье послушницы, а после и монахини. «Лучшего для тебя, Аглаюшка, не может да и не должно быть в жизни твоей», — не раз повторяла Марфа.

Надо сказать, что и в бытность их в Печерских устьях Викентий не то чтобы избегал Аглаи, но как-то получалось, что он будто сторонился ее, и тогда Аглая посчитала, что настало время для решительного разговора.

Как-то поздно вечером, когда Викентий возвращался в землянку, где они жили с Дионисием, путь ему заступила вышедшая из-за кустов Аглая.

Задумавшись, он даже вздрогнул, столь неожиданно появилась она, и удивленно воскликнул:

— Аглаюшка-свет, господь с тобой, тако выпугаешь, чего доброго, меня перед дорогой дальней...

— То-то из пугливых ты, — сердито ответила Аглая и тут же, как бы подхватив его слова, продолжила: — Вот о дороге дальней и хочу с тобой потолковать, знаю, куда тебя да Акинфия с Саввой мать Марфа благословила, на стезю паломническую наставила... Возьмите и меня с собой, на ладьях я с дядюшкой хаживала, рыбу и зверя знаю, как бить, како брать, из пищали сколь ловка — тебе ведомо... Зовут меня пути-дороги, чудится, что ветер шальной в ушах высвистывает аж с моря дальнего.

Все это Аглая высказала единым духом, да так, что Викентий опешил даже.

— Постой, постой, тебя же матушка моя в послушницы ладит.

— То-то и оно, я ей не раз молвила, что Господу по-разному служить можно, а она при всей своей умности не понимает сего, вернее, понять не хочет, скажи хоть ты ей, помоги, богом прошу!..

— Не девичье дело в походе таком быти, труд там да опаска велика на каждом шагу будут.

— Ужель ты думаешь, что уступлю в чем тебе? Не на такую попал!..

Глаза Аглаи не то что блеснули при словах этих, а, широко открытые, вспыхнули совсем не по-девичьи неистребимым буйством, и Викентий, никак не представляя, что она может быть такой, пораженный отступил, едва не споткнувшись.

— Постой, постой! — растерянно проговорил он было.

Но она, по-прежнему переполненная какой-то непонятной ему страстью, воскликнула:

— Ну, будешь говорить с матушкой аль нет?

— Господи, сколь неотступна ты! Ну, ладно, ладно, поговорю, надежна в этом будь...

Он поклонился Аглае торопливо, неловко зашепшил и скрылся за кустами.

Разговор этот, только совсем в других тонах, был продолжен уже между Марфой и Аглаей, и надо отдать справедливость последней, провела она его на удивление умело и вполне к месту...

— Помню, матушка, с благодарностью великой, како учила ты, что путь у нас в жизни один: верой и правдой Богу служить, да там, где потруднее будет, где и вовсе свет клином сошелся.

— Речение сие к чему? — настороженно перебила ее Марфа.

— А к тому, — взволнованно вдруг выговорила Аглая, — что благословенья смиренно прошу у тебя, матушка, на паломничество православно дальнее и прошу веры истинной моим словам: покуль сила в душе будет — крест святой из рук не выпущу.

— Куды? С паломниками в путя неведомы, в края незнаемы? Да ты в своем уме ли, Аглаюшка? Девичье ли дело сие, что там ни говори? — Выкрикнув это, Марфа побледнела даже, обычно приятное лицо ее как-то странно вытянулось, глаза гневно сверкнули. — Аль место свое забыла?

— Того не забуду отродясь, но и ты, матушка, во внимание прими, како меня с малолетства неотступно учил дядюшка мой, воин и мореходец знатной. Потому и зовут меня дороги, и все время чудится, что ветер шальной в ушах высвистывает аж с морей незнанных!

Все это Аглая высказала так, что Марфа не то что растерялась, а опешила прямо. Несколько минут она оставалась неподвижной, устремив взгляд в одну точку, и лишь едва заметно шевелила губами, и, волнуясь без меры, никак не могла подыскать слов для молитвы. Наконец, едва слышно прошептал: «Спаси ее Бог», обидчиво поджав губы, благословила Аглаю.

Слава богу, что вышло все по-доброму, по задумке Аглаиной — чего желать боле? Вот он, коч, что, туго выгнув парус, легко кивает встречной волне. Вот Викентий, Савва, Акинфий, она, Аглая, и матушка Марфа с отцом Дионисием.

Акинфий на море ну совсем иной человек, чем на суше был. Там все молчал более, шума и разговоров сторонился, а тут, едва борт переступил, разулыбался и с шуткой эдакой начал:

— Я как есть кормщик известной в местах морских здешних, всем царям водяным друг-приятель и сродственник, посему они даже малой опалы и неприязни на меня не держат.

Веселость и нрав приветливый не мешали Акинфию в делах мореходских быть строгим, а, если требовалось, то и придирчивым до мелочей.

— Постигайте, братцы, покуль на берегу да в начале морского пути, азы корабельной премудрости. Лучше я вам по десятку раз все разобъясню да покажу, чем потом, средь хлябей текучих, суетиться начнете без толку и пользы.

...Легкими, серебристо-сизоватыми прерывистыми линиями проступал впереди горизонт, вставали друг над другом громады бело-серых облаков, а еще выше их распахнулась бледная синева неба, столь же великая и бескрайняя, как и водная гладь Мангазейского моря.

Глава 5

Коч хотя и мерою мал, и в осадке не столь грузен, а потрудиться досталось всем, веслами помахали изрядно. Когда, выбрав место стоянки, к берегу подошли, то, едва оторвав руки от весел, повалились на песок.

— Ничего, — ободряюще проговорил Дионисий, — далее легче будет: течение немного поутихнет...

Жгли костры, варили кашу, отдыхали где придется, а тут вновь как снег на голову событие нежданное — тройка стругов пестро раскрашенных из-за мыса показалась.

— Господи! — воскликнула первой их заметившая Аглая. — Неужто гилевщики вновь?

— Нет, — сказал, приглядевшись, Дионисий, — то служилые люди, казаки мангазейские...

Струги быстро приближались, и Дионисий, тоже быстро, продолжил:

— Разговоры с ними я поведу, а вы помалкивайте да слушайте больше и не забудьте, како я учил вас ранее: мы, мол, от соловецких пределов в путь паломнический направились, а о пребывании нашем в местах пермских словечка едина не молвить. Сия ложь во спасение и приложение делу добромu. Грех сей на себя беру и отмаливать его такожды мне...

— А пошто тако вот творить, отче? — недоуменно спросила Аглая. — Грехи меж собой делить, я такого не видала, не слыхивала.

— Не слыхивала... — грустно усмехнулся Дионисий. — А потому, дочь моя, что ежели правду о себе говорить зачнем, то все мы на Москву в железах побредем...

Мангазейские сторожевые казаки, что манерами своими похуже гилевщиков оказались, ни одного доброго слова почти не произнесли: все злые, дерганые какие-то, надменны да грубы, считай, без меры. Даже увидав крест и икону на мачте, в разговоре ни в чем не смягчились. Не перекрестившись достойно, а отмахнувшись скорее для вида, тут же спрос жестокий учинили:

— Кажите дорожну, кажите опасну грамоту*... А пошто одним кочем в дорогу пустились? В Мангазейский град тако вот по одному не хаживал никто доньне.

Главный расспросчик, сотник Иван Тырлеев, здоровый, громоздкий детина, продолжал наседать на Дионисия:

— Како же вы с соловецких краев да в край югорской, вами незнаемый, сами пришли? Это откель же у вас таки кормишки искусны? Уж не гилевщики ли к вам в помощь напросились?

Чем больше кипятился мангазейский сотник, тем непроницаемей становилось лицо Дионисия. Грамоты, охранная и дорожная, доставленные ему из Москвы его тайными друзьями, видно, вполне удовлетворили сотника, но тот, по издавна укоренившемуся обычаю, выбивал себе посул**, выбивал нагло, беспардонно, и это возмутило Дионисия. Еще с давних времен был он по натуре редким бессребреником, но тут...

— Аль неведомо тебе, — сказал он, холодно-спокойно поглядывая в глаза сотника, — што по указу царску люди монастырски, паломники и ины, Богу служащи, ни подушный налог, ни мыто не платят?

— Так оно, это... — сразу сник, замялся сотник, — я ведь хотел...

— Да-да, — согласно подхватил Дионисий, — ты хотел вместе с нами за путь добрый да за удачу твою воинску помолиться, не так ли?

— Истинно так! — облегченно воскликнул сотник, как бы ненароком смахивая со лба капли пота и уже не зная, как ему поскорее избавиться от этого монаха, который, сразу видно, не из простых, ох не из простых!.. Кто его знает, каку одежду он до рясы монашеской носил, кем был раньше...

— Благослови, отче! — неожиданно громко воскликнул сотник и, изобразив на лице смирение, совсем уже неожиданно для окружающих и для себя тоже упал на колени.

«...Вот они: и наглость, и глупость, и смирение не к месту — все на виду», — с грустью подумал Дионисий, однако виду не подал, благословил сотника, лишь вздохнул тяжело при этом.

На четвертый день пути, когда подошли к округлому повороту прибрежной протоки, обозначенному с одной стороны ступенчатыми зарослями низкорослых кустарников, а с другой угловатым глинистым берегом, переходящим в кручу с непроглядно-плотной стеной леса, Дионисий велел:

— Покуль здесь пристанище наше будет, вон видите, за камнями вроде малая речка впадает, то старица есть, Гостевой ее кличут. Еще в стары времена, когда Мангазея начиналась только, здесь гости торговые завсегда стоянку имели.

— А пошто? — спросил Викентий. — Шли б напрямую до города, и вся недолга...

— Гости торговые — што наши, што иноземны — народ издавна с хитрецей, — отвечал Дионисий, — вот и нам таковыми надобно быть ноне, хоть и не по душе сие... Я и еще кто со мной в городе побываем, по-

* *Опасная грамота* — т. е. охранная.

** *Посул* — взятка.

глядим, послушаем, што к чему, может, дай бог, и знакомцев повстречаем. А вы уж тут покуль сторожко поживите, нас поджидаячи.

Действительно, более удобного места для стоянки коча, чем Гостевая старица, вряд ли можно было сыскать. Примерно через версту от берега Таза старица распадалась на несколько рукавов. В один из них, узкий, но довольно глубокий, к тому же сплошь поросший по берегам непролазной стеной ельника, и пристроили коч. Рядом, на песчаном приплеске, из набросанных вокруг больших валунов устроили очаг с хитрым дымоходом: дым из него не поднимался вверх, а стелился по воде и над кустами.

— Ну, — сказал удовлетворенный этим Дионисий, — только дым и мог вас выдать, а так тропинок-путей к вам нет. Ну, сыне мой, — обратился он к Акинфию, — на тебя и на Савву оставляю мати Марфу с Аглаей. Мы ж с рабом Божьим Викентием во град Мангазейский побредем. Молитесь за нас, а мы же вас в молитвах поминать будем.

Дионисий и Викентий, закинув за плечи тощие котомки с сухарями, низко поклонились и уже через минуту-другую, немного помелькав меж деревьями, исчезли в синевато-зеленой глубине леса.

В столь желанный им город, о котором они столько думали и говорили, Дионисий с Викентием добрались без особого труда. Стояли редкие для этого времени погожие дни, непривычно ласково пригревало солнце, дышалось и думалось легко. Не то что отлетели, а как-то незаметно, сами собой испарились тяготы и заботы. И даже река Таз, предельно скромная здесь, с приглушенными красками и с малозаметными очертаниями берегов-плесов, казалась сейчас волшебной дорогой в неизведанную страну покоя и счастья.

Наверное, еще долго пребывал бы Дионисий в таком благостном расположении, но вот впереди, за мелколесьем, проступили, а потом и более четко прорисовались контуры построек мангазейского посада, и все прежние беспокойства, связанные с этим тревожно-сказочным городом, вновь подступили к Дионисию, да и к Викентию, судя по его настороженному лицу.

«Велика соболина вотчина», «златокипящий град государев», «место привольно, куды как богатством довольно» — этими и другими многими прозвищами украшалась в то время Мангазея, вызывающая удивление и зависть не только у русских, но и у иноземцев, хотя бы раз побывавших здесь. Ежегодно в Мангазею, сначала морским путем, а после его запрета — речным, приходили караваны кочей с хлебным, винным, воинским и прочим запасом, так как от этого запаса полностью зависело существование Мангазеи.

Приходили с караванами кочей годовальщики — стрельцы и казаки, «обязанные службой» сроком на год, а также охотники, монахи, искатели новых земель и мест богатых, разный бродячий люд, среди которого было немало бежавших из Московского государства разбойных людей, а также «выглядчиков» — иноземцев, одетых, как правило, в русское платье и хо-

рошо знающих русский язык. Вокруг самого города, вечно беспокойного, бунтующего, полного свар, а то и малых войн, постоянно роились ватаги вольных охотников, гилевщиков, разного иноплеменного люда, населяющего дальние и ближние пределы Мангазеи.

Многим до сего времени не вполне ясно, чем же привлекал к себе этот город, стоявший в таком отдалении и от Москвы, и от известных тогда торговых путей, что страшно было подумать, и почему с таким упорством, порой с опасностью для жизни стремились сюда люди?

Мангазея была в то время первой в мире полновластной «соболиной владычицей» и по количеству поступающих в ее хранилища соболей, и по их качеству. Мангазейские соболя исключительно высоко ценились на торговых биржах мира и составляли одно из главных богатств Российского государства, этими соболями украшали свои парадные мантии многие венценосные особы мира.

Годы, в течение которых разворачиваются описываемые нами события, были годами расцвета Мангазеи, хотя сама она, несколько раз горевшая и воссозданная вновь, просуществовала немногим более семидесяти лет. За эти годы соболей повыбили — извели не только в близлежащих лесах, но и далеко окрест. Перестали вскоре поступать они, как было, и с Оби, Иртыша, Енисея, Лены. Торговые связи и пути нарушились, потеряли свое значение.

После последнего пожара, уничтожившего почти весь город, его не стали восстанавливать, так как жителей здесь уже не было, не считая десятка-другого стариков-инвалидов и случайных бродячих людей, которые не желали или не могли по тем или иным причинам возвратиться на Русь. Так мелькнул, затерялся, затем и вовсе пропал со страниц великой человеческой истории след города-призрака, города-сказки, златокипящей государевой вотчины — Мангазеи.

Но пока Мангазея еще в самом расцвете, и в этом в полной мере убедились Дионисий и впервые попавший сюда Викентий. Как продолжение сна или сказки, услышанной в детстве, на высоком берегу Таза, размежеванном полосами низкорослых кустарников и глинистыми распадками, предстал перед ними город...

На фоне подступающего по крутоярию густого леса выглядел он странно, необычно, во многом замысловато. Удивляло скопище домов, хижин и продыmlенных шалашей посада вдоль бревенчатой дороги, ведущей к крепости. Удивляла и сама крепость — вычурностью очертаний ворот, обшитых медным листом, сторожевыми башнями с флюгерами-змеями, переходами, крышами воеводских хором, сплошь изукрашенными рельефной, далеко заметной резьбой.

По всему городу местные и заезжие мастера-резчики потрудились на славу, соревнуясь друг с другом в затейливости. Фасады многих домов, коньки крыш, ставни, наличники окон и двери красотой своей словно хотели приглушить, а может, и пересилить угрюмую неприглядность Севера, чтобы было здесь легче жить людям.

В Мангазейскую крепость вошли через широко распахнутые в дневное время ворота Ратилловской башни. Викентий, давно не бывавший на таком многолюдье, дивился:

— Глянь, отче, откуль тут народу так богато?

Их обгоняли и шли навстречу стрельцы, казаки, люди морского дела в куртках из грубо выделанной кожи и пропитанных ворванью сапогах, монахи, монашки, тундровые и лесные охотники, брели нищие, пугливо озираясь, пробирались вдоль обочины бревенчатой дороги самоеды и иной иноплеменный люд. У деревянных крепостных стен в малых и больших лавках шумели, зазывая прохожих, горластые купцы, рядом на гнилой соломе валялись пьяные и бродяги.

— Шумна да бестолкова Мангазея, завсегда здесь так вот, — недовольно проговорил Дионисий и тут же чуть придержал за рукав Викентия.

— Чего ты, отче? — не понял тот.

— Глянь-кось вон туды, — указал Дионисий в сторону от дороги, где у штабеля отесанных бревен стояли и оживленно спорили о чем-то трое молодых мужиков в суконных колпаках и поддевках. — Не узнаешь? — продолжал Дионисий. — Ну, вон тот крайний слева, аккуратный такой видом, у тебя ж глаз меткой, охотничий, должен узнать...

— Пстой, — приглядевшись, удивленно воскликнул Викентий, — да это ж гилевщик старшой, што нас едва не прихватил в море, а тут вроде плотником аль лесорубом прикинулся... Дела!

Мужик, о котором шла речь, как видно, тоже узнал Дионисия, тут же подошел, снял колпак, с подобающей случаю уважительной улыбкой поклонился:

— Доброго здравия, отче, вот и свиделись вновь.

Дионисий ответно поклонился, а про себя едва что не воскликнул с досадой: «Господи! Да кто ж он такой есть? Гилевщик?.. Тогда он в кольчуге да в шлеме был, ноне в мужицкой одеже, но стать и добротная пригожесть и там, и здесь наружу просятся. Лицо заветренное, потемневшее, его не скроешь и за солидной бородой». И в пронизательности ему не откажешь: посмотрел подчеркнуто зоркими глазами и будто отгадал смятенность Дионисия.

— Пусть молодец твой, отче, в сторонке обождет нас, — сказал он и, когда Викентий отошел, продолжил, понизив голос, как и тогда на коче: — По приметам, коли не узнают человека, то сие к богатству, а оно мне ноне, как и тебе, боярин Дмитрий Дмитриевич, не к лицу да и не к месту...

— Святый боже! — едва удержав крик в груди, хрипло проговорил Дионисий. — Узнал, узнал, как же — сын воеводы Бориса Авдеича Воротынского, Игнатий... Потомок давнего дворянского корня, воин честной, известной, немало ратовавший за Русь — и вдруг гилевщик! Не могу уразуметь сего!..

— Што ж разуметь тут? Одни у нас враги с тобой, которы тебя в опалу черну да унижение бросили, которы мово родителя да и его

тож, — кивнул он на стоявшего в стороне Викентия, — смерти позорной предали. Так им ли и им подобным служить мне ноне? Уж лучше гилевщиком вольным быть.

— Суди тебя Бог, а я тебе не судья, — только и сказал Дионисий и поклонился уже смиренно, низко, как и подобает монаху.

Игнатий, поглядев с сожалением на Дионисия, хоть и нехотя, тоже поклонился и так закончил разговор:

— Дел твоих в Мангазее, отче, я не ведаю, но опасить хочу. До первого случая грамоты твои: в большом государевом розыске и ты, и княгиня Марфа, и сын ее Викентий. Грамоту об этом я самолично зрил в здешнем воеводском приказе: люди добрые помогли в том. Мыслью тако, что уходить вам надобно из пределов мангазейских. Ежели надумаете, то спросите на посаде Милентия-кузнеца, он там каждому ведом. Передашь поклон от раба Божия Игнатия, и тот кузнец меня същжет...

Игнатий только подошел к своим товарищам, ожидавшим его у штабеля бревен, как из пролома в крепостной стене выскочили пятеро шустрых, крепких городских стражников и с криками: «Вот он, держи, хватай!» — ринулись на Игнатия. Они пытались заломить ему руки, бросить на землю, связать, но он отчаянно сопротивлялся, кричал что-то своим товарищам, не видя, что они в самом начале свары бросили его и скрылись в торговых рядах у крепостной стены.

Игнатий отчаянным ударом успел все же уложить одного из своих противников, но остальные четверо с удвоенной энергией яростно набросились на него. Казалось, судьба Игнатия была решена, но тут случилось непредвиденное.

Сорвавшись с места, как будто его изо всех сил толкнули в спину, на выручку бросился Викентий. Последнее время под строгим приглядом матушки родимой Марфы совсем загрузил, сник Викентий, а тут вдруг такой случай: есть где, как говаривал Савва, и косточки размять, и за человека доброго пойти в заступу. Все бурлило, пело в душе Викентия, и даже зло его было запретно-веселым: «Четверо на одного, ах, злыдни!..»

Старший из стражников, уже сумевший накинуть петлю на плечи Игнатия, был опрокинут и отброшен одним сокрушительным ударом; другой схватился было за пищаль, болтавшуюся на берендейке* за плечами, но и его постигла та же участь: ткнулся в землю да еще юзом проехался по траве. Третий, выхвативший было из-за пояса широкий нож, и замахнуться не успел: Викентий схватил его за руку, присел чуть и тут же перекинул через плечо, будто куль какой с мукой или солью.

Четвертый стражник, видя своих столь ловко поверженных на землю товарищей, метнулся вправо, влево и припустил едва что не вскачь по бревенчатой дороге под оглушительный гогот, улюлюканье и свист многочисленных свидетелей необычайной свары. «Ай молодец! Ай умелец! Каково распорядился со злыднями воеводскими! — слышалось вокруг. — Не перевелись еще в Мангазее добры да прямы люди!»

* Берендейка — кожаный наплечный ремень.

Игнатий, сумевший к этому времени ослабить, а затем и сбросить с плеч веревочную петлю, не чинясь, дружески обнял Викентия.

— Должник, должник я твой отныне, сын княжий!.. Одначе ж поспешим... — Он презрительно посмотрел на все еще копошившихся на траве стражников. — Сии еще когда в разум войдут, а вот тот, что сбег, разом с подмогой вернется. Пошли...

Когда они вместе с Дионисием, провожаемые криками и добрыми пожеланиями толпы, скрылись в проулке меж двумя лабазами, Викентий, низко поклонившись Дионисию, попросил:

— Винюсь перед тобой за содеянное, отче, но ты уж сделай милость, не доводи о сем матушке...

Игнатий при этих словах усмехнулся, но ничего не сказал.

Дионисий же, как всегда, был краток:

— Грех — он грех и есть! Молиться надобно, и простится тебе.

Викентий тут же облегченно вздохнул, а Игнатий по-прежнему с улыбкой продолжил:

— Ах, отче, отче, сколь приучены мы каяться излишне да грехам нашим счет вести. Иль не понял ты, што не гилевщик Игнашка им нужен, а сын врага государева, думного дворянина Воротынского? Ежели бы не Викентий, то быть бы мне ныне на дыбе в пытошной избе, а днями и в петле. А ведь тебе, как никому, ведомо, што за мной вины нет, како ж опосля такого о грехах толковать?..

Дионисий хмуро промолчал и лишь потом, как бы собравшись с мыслями, заметил:

— Не спор меж нами нужон ноне, а совета твоего жду, Игнатий Борисыч: куды податься нам в час сей, како дела свои в Мангазее свершить благополучно?

— За мной следуй, отче. И ты тоже, друже Викентий, — сказал Игнатий. — Я вас кокуль в месте надежном да верном пристрою, а там совет держать будем... Говорю, должник я ваш, все сделаю по добру, по совести!

Глава 6

«...И какое же удивительное и переменчивое здесь небо, боже мой, боже! — с непонятной ей самой щемящей грустью думала Марфа. — Здесь, в этом столь хладном и диком краю, где, казалось бы, и свету конец, и вдруг чудо такое...»

Удобно устроившись у большого, выщербленного волнами камня, Марфа устремила взгляд вверх, где небо, пока еще занавесившись однотонными унылыми серыми полотнищами, готовилось показать еще одно чародейство. Но вот стих ветер, и вдруг у самой кромки горизонта болезненно-бледное предзакатное солнце оплавало своими лучами тревожно волнующиеся полосы подступающих иссиня-черных туч. И тут же эти полосы ударили дальними громовыми взрывами, засияли, спутали чудесную живопись неба, зачеркнув все и вся, и тут же окраска его стала стремительно меняться: все тот же серый цвет наполнился новым необычным

содержанием, раскрыл свои тайные кладовые. И побежали, перегоняя друг друга, по сторонам и ввысь уже перламутровые отсветы, то гладкие, как полированная сталь, то дымчато-призрачные с таинственными блестящими-искрами, как вода утренних, полусонных еще озер при первых лучах солнца.

И уже забылось, что это небо только что было на редкость унылым, однотонным, вызывало скуку, а то и раздражение. И уже не поток, а целый океан сказочного, невиданного доселе света щедро изливался сверху, неся в душу столь желанный покой и избавление от тягот, тревог и жизненных неурядиц, долгое время не оставляющих Марфу. Теплея душой, она еще раз взглянула на небо и впервые за последнее время облегченно закрыла глаза.

Ах, недолг миг пусть и самого малого человеческого счастья, и вот уже вскоре над ухом Марфы прозвучало негромко, бережно:

— Матушка, матушка, ай дрема тебя прихватила?

Марфа, едва что не застонав, медленно открыла глаза и увидела склонившегося к ней Акинфия.

— Неладное творится, матушка. Какие-то люди близь старицы бродят — не ровен час и к нам доберутся...

— Что за люди, ты сам зрил их?

— Не... вот он зрил, — указал Акинфий на стоящего рядом Савву. — Вроде бы охотники видом, а там кто ж его знает...

— Что удумал?

— Вы тут с Саввой побудьте срок малый, а я схожу гляну — что и как...

— Иди с богом! Бережно чтоб.

— Само собой...

За старицей — лес молодой, ни буреломов, ни завалов сушняка да гнилья, как в лесах старых. Идти было легко. Однако эта легкость могла быть использована и теми, кто бродил сейчас неподалеку. Тут смотреть да смотреть надобно, не успеешь обезопаситься, и вот оно, нос к носу столкнешься с лесными бродягами. Самое интересное, что именно так оно и получилось...

Акинфий только миновал щетинистую поросль молодых елей, как вот они — двое навстречу... Вроде бы, и верно, охотники, но уж больно оружны: пищали на берендейках иноземного дела, за поясами по два ножа, у одного — еще и аркан волосяной, азиатский. Оба молоды, веселы видом, но почему-то эта веселость не понравилась Акинфию.

— Ба!.. — воскликнул один из них. — Инок честной! Каку таку опасность ты ищешь в чащобе сей? Исповедовать тут вроде бы некого...

— Бреду вот, заблудившись, — нашелся Акинфий, — сбился с дороги...

— С какой дороги? — сразу насторожился второй охотник. — Тут в округе дорог никаких не бывало, медведям да иному зверью они ни к чему, молви-ко, куды путь твой?

— В Мангазею-град, куды ж еще...

— В Мангазею? — Охотник вновь, теперь уже неприязненно, оглядел Акинфия и не предложил — приказал: — С нами пойдешь! Вот со-творим тут дельце некое и во град возвратимся, там спросят, что ты есть за старатель Божий...

— Да я уж лучше один, куды мне за вами успеть... — пытался отговориться Акинфий, но на него прикрикнули уже злобно, и он замолчал.

Времени на раздумья оставалось у Акинфия всего ничего. Охотники это или нет?.. Но, видно, места здешние они знали, шли почти след в след по тому пути, каким вышел сюда Акинфий. «Тута их придержать аль там, у воды, вместе с Саввой, — размышлял он, — но тогда их полонить, вязать придется, вот незадача вышла. Пусто б ему быть!»

Шедший первым охотник вдруг остановился, внимательно оглядел траву впереди и резко повернулся к Акинфию:

— Эва что выходит-то, инок честной, так это ж твои следы, твои, ты сюды от старицы шел, а ну говори правду, а то по-иному спросим. Не пытан ты, видно, еще, не бит толком...

«Ну ты жидковат супротив меня, — думал свое Акинфий, — да и второго тож приберу, пожалуй, откуль же грех сей на мою голову?..»

Вот уж подивились Марфа с Саввой, когда через малое время пред ними предстал Акинфий с двумя пищалями и двумя широкими поясами со всем охотничьим припасом и ножами в деревянных ножнах.

— Боже милостивый, откуль сие? — перекрестилась Марфа.

— А по твоему совету-учению, матушка, — поклонился ей Акинфий, — шел бережно, посему и первым углядел двух злодеев, видом охотников, а на деле — выглядчиков воеводских, вот и пришлось утишить их, повязать маленько. Ты уж прости за грех сей.

— Бог простит, — ответила недовольно Марфа. — И куды ж нам теперь с выглядчиками?

— Упрятать куды их, мы найдем, а вот как бы по их следам другие не пришли, нелегко дело тогда нам будет...

Марфа на это лишь досадливо махнула рукой.

Только на третий день возвратились из Мангазеи Дионисий и Викентий. Возвратились не одни, с ними трое не то рыбаков, не то мореходцев в кожаных с мехом душегреях и высоких броднях, оружны достаточно, и котомки с припасом за плечами. Сразу привлек внимание Марфы и четвертый из прибывших. Он шел позади всех и поэтому на приплеске у коча появился последним.

Дионисий тут же подвел его к Марфе, поприветствовав ее, спросил прямо:

— Ведом тебе, матушка, молодец сей?

Марфа пытливо оглядела прибывшего... Средних годов, статен, ловок, видно... Постой, да это ж тот гилевщик, что недавно был на коче у них...

Дионисий, перехватив ее взгляд, понял, что она узнала стоявшего перед ней человека и, не медля, тут же представил его:

— Это дворянский сын Игнатий Воротынской. Ноне судьбу нашу, матушка, да и головы в его руки вручить надобно. Я верю ему, и ты поверь...

— А пошто сие? — пытливо осведомилась Марфа.

— Ноне по разумению своему считаю, что он един человек в местах здешних, который нас обезопасить может да путь дале указать.

— Добро, коли так, — согласилась Марфа. — Молви, добрый человек...

Игнатий, уважительно склонив голову, сказал:

— Матушка, все говоры-разговоры о том, как на деле нам быть, потом... Сейчас же скоренько в дорогу! Сии молодцы, — указал он на трех своих товарищей, — на коче вашем к морю поспешат по своим мореходским делам. Я же вас тропой тайной вокруг Мангазеи обведу, и с Божьей помощью вновь к реке Тазу выйдем, где молодцы мои вам пару стругов добрых с припасами затаили.

— А дале как мыслишь о пути нашем? — стараясь не показывать интереса к разговору, спросила Марфа.

— Вроде бы, по словам людей, уже побывавших здесь, единый путь с безопасем видится вверх по Тазу, поднимаючись к скитам вольного монастырского склада — народ там по-настоящему добрый, судьбами злыми пытанный — без отговоров примут...

— Ну, а коли далее пойдем, там и смотреть по сторонам, и молиться ох как надобно!..

— Это пошто так вот? — спросил, пытливо взглядываясь в глаза Марфы, Игнатий.

— А потому, — недовольствуя вроде, ответила Марфа, — что там лежит начало всему колдовскому зеленчатому краю, Югрой именуемому, и будто камни те, издревле заговоренные, от тепла глубин земных произрастают, как живые будто... Подойдем, даст бог, посмотрим, — уже властно произнесла она и, сложив руки и прикрыв глаза, стала творить молитву.

Когда общими усилиями вывели коч из старицы и стали прощаться, Марфа забеспокоилась:

— А как же те, ну, которых Акинфий утишил? Так и бросим связанных в лесу?

— Помилуй, матушка, — усмехнулся Игнатий, — аль мы нехристи, злодеи? Мы тронемся в путь-дорогу и тех, что в лесу связаны, с собой прихватим. А посла их на другом берегу Таза высадим. Доберутся живы до воеводы свово, он их за службу таку встретит...

Легкий смех раскатился над поляной, и Марфа, подумав, что, наверное, это к добру, широко благословила всех в дорогу.

...Две с лишним недели поднимались вверх по Тазу, приглядывались, места выбирали, запоминали на всякий случай: а вдруг придется еще бы-

вать здесь, местность уж больно удобная и для стоянки, и оборонения от лихоимства людского, в лесном царстве чего, поди, не бывает...

Надо сказать, что опасения были вполне уместны. Во времена, о которых идет речь, здесь укоренилось, казалось, навечно да еще на многие сотни верст в любую сторону подлинно лесное царство. Что же касаемо реки Таз, то в низовьях и в середине течения она мало чем отличалась от своих таежных и тундровых сестер.

Но ближе к истокам облик ее, будто по волшебству какому, начинал меняться. Редкие здесь островки сказочно могучих широколапых сосен вплотную подступали к прибрежным холмам, густо поросшим не менее стародавними гигантскими елями. Начиная с этих мест и до горизонта громоздились уступы продолговатых каменных глыб, расцвеченных всеми существующими оттенками зеленого цвета, от радужного разнообразия которых покалывало в глазах.

— Дивны дела Твои, Господи, — проникновенно воскликнул Дионисий, окидывая взглядом возникшую перед ним картину. — И это здесь, вблизи холодной и гиблой стылости тундренных полей! Тебе что же, и ранее приходилось бывать в местностях этих? — спросил он Игнатия.

— Приходилось, да еще как, — ответил тот, — когда воины — обегатели здешних мест выбивали нас отсель. Не любят и не терпят тут пришельцев. Сие изобилье — зелень каменну почитают как бы за святое место в их идольской вере...

— Да, — задумчиво произнес Дионисий, — свято не свято местечко, а еще где такого и не сыщешь, думаю, единственно дивно оно в обличье своем на весь свет...

— Ну почему же, — спокойно, но с убежденностью в голосе возразил Игнатий. — Ему подобное я зрил на берегу белогорском, тамо, где Иртыш с Обью сбегаются. Капище там гнездилося Бабы златой. Бились Ермаковы воины, завладеть намереваясь главным златым идолищем югорцев, ан не осилили тех. Утащили они идолище на Казын-реку, и что дивно, зелен камень-то исчез вскорости, ушел в землю, как вода, растаял бесследно...

— Совсем небывальщину речешь, — нахмурившись, проговорил Дионисий, — выдумки, рассказы все это людские!..

— Нет, — покачал головой Игнатий, — я на берегу белогорском сам бывал, и многие люди местны мне о событии с камнем зеленчатым рекли, то истина есть! А еще не в обиду тебе, отче, человеку, столь грамоты разной и учености постигшему, напомнить о некогда бывавшем у нас имперском после — бароне Сигизмунде фон Герберштейне. Так вот, сей барон после своих путешествий по землям русским напечатал во граде Вене «Записки о московитских делах», где упоминается и капище Бабы златой на берегу белогорском, и все дела и события, к сему прилежащие, в том числе и предивный камень зеленчатый.

Дионисий внимательно оглядел Игнатия раз и другой и, задержав взгляд на его лице, с легкой грустью произнес:

— Так оно, наверно, и должно быть в жизни нашей: молодым, удалым да разумом светлым всегда надобно поперед людей идти. Молодец, сын Игнатий! Всегда дерзай и в делах, и в учениях разных, ибо сие средь людей всегда в жизни к месту будет...

Игнатий в благодарность за поучение низко поклонился, а Дионисий, еще раз окинув взглядом окружающую местность, уже другим, более приличествующим месту голосом произнес:

— Сюды бы, в основу сей зелени каменной, часовенку православному срубить да поставить, вот, чаю, боголепие бы чистое сотворилось!

— Боголепие русскому православному человеку всегда к месту, — непривычно серьезным голосом произнес Игнатий. — А вот дадут ли нам боголепие здесь утвердить, потом еще крепко помыслить надо бы.

— Еще препоны какие тебе видятся? — насторожилась Марфа.

— Суди сама, матушка, — с явным неудовольствием ответил Игнатий, — я не зря ноне уже напоминал о том, что край сей зеленчатый — место заветно для молебствий разных идольских людишек тутошних, но и они края сего сторонятся. Страх тут постоянно прижился, ну а уж чужим людям, вольным охотникам да разному безначальному люду лучше сюды и не соваться — прибьют на первом шаге не задумываясь...

Непривычно молчаливый в последнее время, Викентий неожиданно вступил в разговор:

— Была бы воля моя, я бы не стал сейчас о страхах да препонах разные речи опасные вести. Сколь боязненны мы все стали, маломужество нас попростигло. Таку дорогу одолели — и на попятный? Верю в бескрайнюю щедрость Господню, како и в то, что и впредь не оставит Он нас щедростью этой... Веди дале нас, друже Игнатий. Надобно, так и защитимся, и отобьемся, и утвердимся окрест, како там ни молви, а стоим-то мы на земле русской!..

Ах, как посмотрела на сына своего в этот момент Марфа! Будто ветер какой заветный, таившийся до времени средь волн не столь уж и далекого отсюда моря, повеял чудодейственной силой своей перед уже начинавшей блекнуть лицом Марфой, и вновь засветилось что-то неизбывной, проникновенной приятностью в ее глазах, и несколько крупных, алмазной чистоты, радостных слез скатились по щекам...

Некоторое время все молчали, стараясь не глядеть друг на друга, а самое главное, не сказать чего-нибудь лишнего, что хоть в малой мере могло бы нарушить это молчание, пока наконец засуетившийся не к месту Игнатий не проговорил, отводя глаза:

— Давайте-ка вам покажу еще одно здешнее местечко, тоже дивных удивлений достойное. Садитесь-ка в струг...

Устроившись в струге, они стали подниматься вверх по ручью, и примерно через полчаса перед ними открылась гладь большого округлого озера с лесистыми островками посередине.

— Правь-ка вон к тому месту, — указал Игнатий Савве, сидевшему в кормовых гребях.

Что издали, что вблизи остров с его островерхими синевато-серебристыми елями казался игрушечным, нарочно придуманным для увеселения глаз. Впечатление это усиливало и то, что вода вокруг острова была необычной для лесных озер окраски: густая прозелень смешивалась здесь с коричнево-золотистыми наплывами — полосами, возникающими из глубины каждый раз, когда ветер посылал сюда покатые волны в девственно-белопенных кружевах. Молодого леса на острове было мало, все более замшелые матерые деревья, особенно вокруг поляны с каменными россыпями, мерцающими под солнцем зеленоватыми призрачными отблесками. Поляна образовывала как бы своеобразный подступ к вздымающемуся уступами холму, в центре которого виднелась площадка, плотно окруженная все теми же удивительными на вид зеленовато-сизыми камнями.

— Вот вам и лес рядом, и место для обители, лучше коего, пожалуй, в краях здешних и не сыскать, — утвердительно проговорил Игнатий, широко разводя руки.

— Спасибо, сыне, за заботу твою, — по-монашески смиренно поклонилась Марфа и, повернувшись к остальным, добавила: — Ждать, искать боле нечего. Думаю, здесь и обоснуемся. Помнится мне, что старинные монашеские люди в таком разе так к месту молвили: «Топор да лопата да молитва на каждого брата». Сие дело — основа, и обитель, глядишь, готова.

Неожиданно тепло и по-своему весело прозвучавшая старинная монастырская присказка Марфы всем пришлась по душе. И даже Дионисий, не ожидавший ничего подобного от всегда суровой, сдержанной игуменьи, едва заметно улыбнулся.

— Раз твое слово тако, матушка, — сказал Игнатий, — то дозволю и мне, грешному, в основу дела сего лепту принести. — Он снял с пальца массивный золотой перстень с изумрудом и протянул Марфе. — Не сумлевайся, это перстень батюшки покойного, царствие ему небесное. Едина вещь, коя от него и осталась... Пусть в фундамент обители твоей хоть малым кирпичиком и моя лепта ляжет...

Мог бы Игнатий читать мысли людские, поразился бы тому, какими они были сейчас у Марфы... Сердце не то чтобы отяжелело или заныло, а наполнилось столь благодатным теплом, что Марфа, при всем ее умении держать себя в руках, будто потеряла дар речи, не зная, что сказать, чем отблагодарить Игнатия за столь весомое и искреннее его воздаяние.

Теперь никто просто не мог остаться в стороне от этого. Аглая положила в руку Марфы две сережки-капли с изумрудами — единственную память о ее девической жизни до иночества. Викентий снял с шеи крест с частицей соловецких мощей, оправленный в серебро. Акинфий с Саввой виновато развели руками, а Дионисий подал Марфе миниатюрный молитвенник византийской работы, на обложке которого заметно выделялся крест, сплетенный из золотых и платиновых полосок-проволочек.

— А я... мне... что ж... — неожиданно сдавленно воскликнула Марфа. — На свою родную обитель присовокупить нечего... ни капли малой... Вот как дожилась бывшая княгинюшка-то!..

— Греховное молвишь, мать Марфа, — строго прервал ее Дионисий. — Наша служба Господу еще впереди, доведется — послужим Ему како подобает. А со всем этим, — он указал на приношения, которые Марфа все еще держала в руках, — думаю, надобно поступить так. Друже, — сказал он Игнатию, — в Мангазее все тебе ведомо, потрудись еще разок: знаешь, поди, кому, какому гостю торговому можно сие в обмен или как там пустить, чтоб для обители потребное на первый раз у нас было.

— С тобой, отче, хорошо сие дело творить, — сказал Игнатий и, повернувшись к Марфе, почтительно спросил: — А ты, мать Марфа, благословишь нас на думы и их исполнение?

— С богом, — едва слышно произнесла Марфа. Она никак не могла отойти от волнения, хотя понимала, что ей есть что сказать им на дорогу. — С богом, — уже более уверенно произнесла она. — Творите как Бог вам на душу положит...

Назавтра, когда Дионисий подошел проститься с ней, она сказала, задумчиво глядя ему в глаза:

— Отче, вот и настало время, о коем мы говорили не единожды. Думаю, основу творим замыслам нашим. Обоснуемся малость, обитель поднимется. Души грешные сюда для молений честных придут и отправятся через время какое-то далее. С ними Викентию и Акинфию с Саввой в глубину земель хладных слово Божье нести. А что касася удали их да молодечества бесшабашного, то сие уйдет. Дело, коему посвятят они себя, и души помыслы их совсем другими сотворят.

— Благо тебе за слова сии, мать Марфа.

— И тебе благо, счастья и удачи на пути.

Подошел Игнатий. Марфа благословила их и долго смотрела вслед, шепча молитву. Какие-то большекрылые сизо-белые птицы плыли высоко в небе, а вслед за ними тянулась сизо-белая же слоистая гряда облаков, стремящаяся во что бы то ни стало настичь птичью стаю. Глядя на это неуловимо легкое, непонятное до конца человеку небесное скольжение, Марфа почувствовала, что все существо ее тоже наполняется легкостью, зовущей в небо. И она, осознавая, что это не к лицу ей и даже грешно, все же позавидовала птицам, горестно вздыхая.

(Продолжение следует.)

Петр МУРАТОВ

КНИГА КАК ПУТЬ В БИЗНЕС

Записки «интеллекта»-предпринимателя

Может быть, кто-то скажет, что в 54 года садиться за мемуары — рановато. Но окиньте взглядом прошедшие три десятилетия — сколько за них сменилось исторических эпох?

Четверть века назад в нашей стране бизнес как социальное явление был внове. Тогда в стране стартовал процесс массовой «селекции» в предпринимательской среде, ведь подались в бизнес миллионы. Характерный типаж предпринимателя девяностых сейчас уже в диковинку.

Большую часть жизни я был уверен, что «занимаются бизнесом» только в «нехороших» капиталистических странах. Как и все советские люди, я не сомневался: жизнь, распланированная на многие годы вперед, — это великое социальное благо, главное достижение социализма. Школа — вуз — НИИ — научная карьера — тема — диссертация — степень... Однако их величествам Истории и Судьбе было угодно столкнуть меня в мутное море рыночной стихии. Произошло это на изломе эпох, в начале «лихих девяностых». Признаюсь, даже став предпринимателем, долго не мог честно ответить себе: бизнес — это «плохо» или «хорошо»?

На момент прихода в нашу страну Рынка я еще полноценно трудился в науке, связывая с ней, родимой, свое будущее. Тогда Рынком грезили, его идеализировали, считая панацеей от всех бед в экономике. Но вот пришел черед рыночных реформ, увертюрой которых стала «шоковая терапия», и иллюзии быстро испарились. Рынок широко улыбнулся, и все сразу увидели его зубки. Как говорится, за что боролись...

Однако я еще не до конца понимал, что, по Булгакову, Аннушка уже разлила масло на рельсах истории и судьба моего ВНИИ молекулярной биологии НПО «Вектор» предрешена. Задержки зарплаты, ставшие хроническими, воспринимались философски. Мною было проведено испытание новой вакцины против гепатита В, шла обработка его результатов. Все ожидали: вот-вот все наладится. А как же иначе?! Ведь мы, наивные горячие сторонники молодой российской демократии, совсем недавно перевернули страницу «мрачного тоталитарного прошлого». И впереди — только светлое будущее с неминуемым торжеством саморегулирующегося рынка и демократических ценностей! Сама Америка аплодировала нам!

Но время шло, а ситуация и не думала улучшаться.

Уехать — или остаться...

Идею торговать книгами нам с Женей подбросил сотрудник нашего института Валера Гуторов, разоткровенничавшись однажды за кружкой пива. Его родители жили в селе неподалеку от Новосибирска. Перед тем как навестить родителей, он прикупал книжек на оптовой ярмарке и, наценив вдвое, перепродавал их в правлении колхоза. Чуть позже Валера договорился с односельчанкой — и теперь уже она торговала его книжками за долю малую. А вскоре произошло знаменательное событие: его доход от книготорговли превысил институтскую зарплату.

Мысль показалась нам интересной. Женя тоже был сотрудником «Вектора», специалистом по конструированию моноклональных антител. Мы с ним поехали на ярмарку — она занимала здание Дома культуры им. Чкалова и примыкавшую к нему площадь. С начала девяностых годов авиационная (и не только) промышленность в нашей стране стала заваливаться набок. Руководство завода им. Чкалова решило сдавать на выходные в аренду книготорговцам свои площади. Видимо, грела душу мысль, что «книга — источник знаний». Со временем оптовая книжная ярмарка на ДК Чкалова стала именоваться просто — «Чекалда».

Купленные книги уместились в чемоданчике. Брали, руководствуясь интуицией, и на первый раз она нас почти не подвела. Торговый дебют состоялся в деревне Новопичугово Ордынского района: мы сочли знаковым тот факт, что она стояла рядом с местом окончательного разгрома войск сибирского хана Кучума. Однако поторговали так себе, ни шатко ни валко. В институте на тот день взяли по отгулу. И пошло-поехало. Изъездили округу, торговали сами со столиков на рынках. В Новосибирске не светились.

Тем временем в нашем многострадальном институте начался «великий исход»: научный люд повалил за границу, в основном в Штаты. Самым первым, еще в начале 1991 года, отбыл начальник моей лаборатории. Исполняющим обязанности начлаба стал мой одноклассник Игорь Дмитриев. На оформление отгулов мы с Женей и вовсе махнули рукой — просто не выходили на работу, и все. В институте наше отсутствие замечали. Однако Игорь имел то же «звание», что и я, а потому субординация была весьма условной. Небольшой откат и вовсе снял все вопросы по поводу моего отсутствия. Кое-кто в отделе недоволен бухтел, но я не принимал близко к сердцу. Научные темы финансировались все хуже и хуже, ближайшие перспективы НИИ окутывались туманом, основная забота большинства — как можно быстрее свалить за рубеж. Каждый выживал как мог. На дворе стоял 1992-й — первый год «шоковой терапии».

Возникла проблема — нераспроданный товар, или в просторечии «висяк», который стал скапливаться в угрожающих количествах. Куда его девать? Ответ напрашивался один: распродать на Чекалде, ибо там раскупалось все. Попутно можно было попробовать перепродать только что купленное тут же, на ярмарке. А что? Интересная идея, хотя и спекуляция в чистом виде.

Но я все мучился изнурительными «интеллигентскими» комплексами: ведь меня, кандидата наук, могли увидеть сотрудники нашего института в ампула, столь презираемом ученым людом. Мы с Женей не афишировали род своей новой деятельности, торговали далеко от города, хотя некоторые о чем-то догадывались. А тут никуда не денешься: вот он — торгош, барыга! Ученый называется! Тьфу!

Забегая чуть вперед: однажды на ярмарке на меня нарвался один наш сотрудник. Минут пять он с презрительной улыбочкой наблюдал, как я торгую, а потом горестно изрек: «О-хо-хо, и это — кандидат наук!» Признаюсь, я смущенно замялся. Выручила моя супруга, торговавшая рядом. Чувствуя мое смятение, она быстро с ним разобралась: «Так, молодой человек, что берем? Ничего? Тогда чего пялимся? Быстренько проходим мимо, не задерживаемся!» Впоследствии, оказываясь в подобной ситуации, я мгновенно надевал бравую хамоватую ухмылочку: да, а вы разве не знали? А вот так, такие мы, значит, шустры! Иногда даже пытался немного позлить праведников, высокопарно изрекая: «Стране миллион честных предпринимателей нужнее миллиона статистов от науки!» Ведь еще совсем недавно советская идеология гордилась тем, что треть всех научных сотрудников мира пребывала в стране «победившего пролетариата», не уступая рабочему классу по численности. Впрочем, на бесспорности своего утверждения относительно «нужности» не настаиваю, да и тогда использовал его лишь в качестве «полемической дубины».

Правда, перед одним из научных руководителей моей диссертации — Сергеем Викторовичем Нетёсовым, в то время замдиректора института по науке, ныне профессором, членом-корреспондентом РАН, мне все же как-то неловко до сих пор. Защитился я, когда уже успел впрячься в книготорговлю. После защиты, как полагается, состоялся банкет. Нетёсов произносил первый тост в честь новоиспеченного кандидата наук. Тост хороший, в том духе, что в эти трудные для российской науки времена, когда многие уезжают за рубеж, вот такие, как уважаемый виновник торжества, — ее надежда и опора... и тэдэ и тэпэ.

Господи, как грустно и неловко было это слушать! Ведь я знал, что завтра — суббота и надо ехать на Чекалду. Завершив огромный этап работы, я и расслабиться-то толком не мог, ибо с раннего утра уже должен быть в боевой форме. Дальнейшая работа в институте не определена, Дмитриев навострил лыжи в Штаты, лаборатория исчезает — свет в конце тоннеля даже не забрезжил. Какое тут «служение российской науке»? А Нетёсов в завершение тоста сделал паузу и, перед тем как опрокинуть рюмку, с такой теплотой глянул на меня...

И уже на следующий после защиты день, в ответ на дежурный вопрос «как дела?» одного книжника, я, зевнув, буднично ответил:

— Да вот, диссертацию вчера защитил.

— А-а, ну поздравляю!

Тем временем «исход науки» продолжался. Отъезжали целыми семьями вместе со своими умненькими детишками. Мы с Женей как-то насчитали более пятидесяти слиявших за бугор семей, которых лично знали. В том числе — большинство сотрудников моей лаборатории. Признаюсь, я тоже мучительно решал: ехать — не ехать, ехать — не ехать... Умом понимал — вроде бы надо, но сердце решительно сопротивлялось.

Помню, как все мы, оставшиеся, с волнением ожидали приезда первых отпусников-эмигрантов — ну как там? Как, как, как? Приехали — один, другой, третий... Физиономии почти у всех округлились, а в высокомерных взглядах читался один вопрос: «Ну че, вы всё еще здесь?» Нет, многие из них вели себя вполне тактично, но кое-кто просто захлебывался в восторге от заморских «чудес». Иногда этот поросячий восторг выглядел настолько неестественным, что закрадывалось сомнение: а не самоутверждаются ли ребята за мой счет?

Казалось, все свое высокомерие и снобизм слинявшие, за неимением другой аудитории, решили излить на нас, своих вчерашних коллег, оставшихся на родине. И чем менее успешны они были «там», тем больше, по закону компенсации, пытались отыграться на нас здесь. Одна особа договорилась до почти расистского утверждения: «Все в институте делятся на две группы — тех, кто еще не уехал, и тех, кто не сможет уехать никогда!» Вторая группа, по ее логике, состояла сплошь из представителей «низшей расы». Подобные слова жалили очень больно, ведь крыть в ответ нам тогда было нечем. Абсолютно нечем... А когда я пытался что-то выкатать про любовь к Родине, кое-кто из представителей «высшей расы» смеялся мне в глаза.

Первыми из нашего института уехали «маячки» — ученые в полном смысле слова. Я подумал, что, наверное, это оправданно, ведь их квалификация дорогого стоила, ее необходимо было сохранить. Потом пошел второй эшелон — те, кто послабее. Цепная реакция, массовый психоз, полагал я. Но когда поехал третий эшелон, захотелось крикнуть: мол, вы-то какие, к черту, ученые? Хотя многие из «третьих» вполне могли бы попробовать реализовать свои способности и дома — в других сферах: предприимчивых, оборотистых ребят среди них хватало.

Тему отъезда для меня на веки вечные закрыл — за что я ему крайне признателен — в 1996 году мой бывший начальник лаборатории, тот самый, что уехал первым. Он был существенно старше меня, на порядок более авторитетен как ученый и, проживая за океаном к моменту нашего с ним разговора уже несколько лет, преуспел там, пожалуй, больше всех из знакомых мне «пилигримов». Выпендриваться передо мной ему было незачем, поэтому я, немного страшась ответа, откровенно спросил:

— Скажи честно: надо уезжать?

Шеф отвернулся и минуту смотрел в форточку — я терпеливо ждал.

— Знаешь, если ты здесь не бедствуешь и относительно комфортно себя ощущаешь, я бы не советовал. Запомни: что бы ни пели тут наши, почти все они там — старшие лаборанты, а никакие не ученые. Я почти всех держу в поле зрения. И на различных конференциях и симпозиумах регулярно вижу лишь нескольких из них.

А последняя его фраза и вовсе поставила жирную точку в этом вопросе:

— Первое время, и довольно долго, было предельно тяжело, хоть удавись...

М-да... И добро бы все они, «новообращенные», там, за бугром, были счастливы. Ну, не бедствуют, конечно, получая свою ренту с богатства страны, не ими созданного, трудятся в меру сил на ненавистного американского «дядю». Как пел когда-то Окуджава: «И горек мне мой сладкий, мой эмигрантский хлеб...»

Помню, сидели как-то у меня дома с одним из моих бывших коллег, приехавшим из Штатов в отпуск. Пили водочку под соленые грузди и помидорчики, пели под гитару каэспэшные* песни. Спрашиваю: «Знаешь, чем отличается исполнение этих песен здесь и там?» И сам же отвечаю: «Здесь я их пою, а там бы скулил». «Бывший» ничего не ответил, только глубоко вздохнул.

Я, конечно, не имею права осуждать всех уехавших, да и альтернатива их отъезду, которую сам же столь красочно описываю, точно не мед. Зато сегод-

* КСП — клубы самодеятельной песни, массовое явление 60—80-х годов прошлого столетия; объединяли не только авторов-исполнителей, но и просто любителей самодеятельной, бардовской песни.

ня могу достаточно объективно сравнивать два огромных сообщества людей: бизнеса и науки. Быстро соображающих, мастерски комбинирующих, прекрасно стратегически и тактически мыслящих игроков среди бизнесменов больше, ведь в бизнесе, особенно крупном, без этого не выжить. Но общий интеллектуальный уровень у научных работников значительно выше. Впрочем, не берусь угадать, сборная какого из этих сообществ победит, к примеру, в двустороннем шахматном турнире. В бизнесе полно бывших тружеников науки, но вот способность «чистого» бизнесмена стать ученым крайне сомнительна. И не дай бог, чтоб вновь настали времена, даже столь уникальные и неповторимые, когда кандидаты наук рядами и колоннами шли бы в торгаши.

Чкаловская ярмарка

К началу лихого десятилетия плановый выпуск печатной продукции потерял смысл. Система распределения товара через базы книготоргов и государственные книжные магазины умирала из-за отсутствия у них оборотных капиталов — главного компонента рынка. А большинство современных издательств как раз и возникло в начале девяностых вместе с началом приватизации предприятий, в том числе — государственных и ведомственных издательств. Их новые названия звучали несколько необычно: «Эксмо», «Росмэн», «Рипол», «Дрофа», «Вагриус», «Ниола», «Мнемозина», «Оникс». Однако маховик рынка в книгоиздательском и, как следствие, в книготорговом бизнесе раскрутился очень быстро. Свои доходы новоиспеченные хозяева издательств пускали на развитие и техническое переоснащение отрасли. И поскольку читают по-русски главным образом в России, их капиталы в основном здесь и работали, а не вывозились за рубеж. Результаты работы рынка стали зримы очень быстро: возник широчайший ассортимент полиграфической продукции, извечный совковый дефицит канул в Лету. И если сперва качество книг хромало, то буквально через год-два книгу стало приятно взять в руки.

Довольно скоро Чекалда превратилась в фундамент книготоргового рынка не только Новосибирска и региона, но и соседних областей Казахстана. Работать она начинала субботними вечерами и заканчивала в воскресенье к обеду. Оптовики закупались вечером и ночью, с утра подходили розничные покупатели, привлеченные низкими оптовыми ценами. Руководил Чекалдой Сергей Олегович, или просто Олегович — бывший главный инженер НИИ, проектировавшего предприятия авиапрома. В торговлю он подался по той же причине, что и мы с Женей: кушать хотелось.

Сперва мы на Чекалде только закупались, потом почти десять лет торговали сами. Со временем заимели статус официальных дилеров издательства «Эксмо», которое сообщало о нас, ТОО «Буян», на предпоследних страничках своих книг в разделе «Наши представители». Особенно ценна была такая информация в книгах некогда очень популярной серии «Черная кошка» — детективы Леонова, Марининой, Абдуллаева, Корецкого, Поляковой и других. Словом, вспоминаю тот период, улыбнувшись мысли, что мы успели побыть у колыбели современного книжного бизнеса России.

Чекалда быстро обросла инфраструктурой: поесть, выпить-закусить, нанять грузчиков, транспорт проблем не составляло. В центре ярмарочной площади стояли оптовики на грузовиках, вокруг них и в здании ДК — торговцы со столиков, по периферии — «блошинные ряды». Как мухи на мед слетелись книголюбы

(не путать с нами, книготорговцами!). К книголюбам подтянулись букинисты, меломаны, фалеристы и нумизматы. Чем только тут не торговали! Рамками для картин, котятками и щенками, шнурками и стельками, варежками, амулетами, свистульками, аудио- и видеокассетами, порнографией и прочим. Детишки приходили меняться вкладышами и наклейками, гадали цыганки, с многозначительным видом закатывали глаза «ясновидящие». Ходили зазывалы: «палатки, столики складные, стулья» или «ремонт швейных машин». Активно завлекали к себе сайентологи и кришнаиты, свидетели Иеговы и члены Белого братства. Иногда я, полистав их чтиво, задавал хрестоматийный вопрос: «Почем опиум для народа?» Поэтому утверждения об абсолютной истинности именно их верования получал несколько раздраженные. Монотонный гул этого разномастного торжища разнообразил бравый дедок, тянувший меха матерого баяна и певший мимо нот. Иногда заносило каких-то волосатых гитаристов.

Ближе к выборам подгребали команды кандидатов в «слуги народа» для проведения агитации. Помню, рядом с нашей машиной встал как-то со своей ва-тагой желчный, злобный элдэпээровец, вооруженный мощным матюгальником. Господи, как же они нас достали! До сих пор в ушах стоят его преисполненные пафоса вопли: «Все скупила южная мафия! Парни, если хотите своих невест целыми, голосуйте за ЛДПР!»

Приезжали за данью, неспешно вываливаясь из джипов, угрюмые, коротко стриженные мордатые братки. Один из них, Вова — с пробитой головой и «неправильным взглядом на жизнь» (страдал косоглазием) — вызывал животный ужас у одной нашей продавщицы. Олегович нанимал кое-кого из них следить за порядком. Впрочем, братва вела себя вполне прилично.

А вот шаставшая по Чекалде криминальная нечисть — щипачи, карманники, наркоманы — сильно напрягала. Приходилось постоянно быть начеку, что непросто после бессонной ночи. У продавцов нередко воровали деньги, книги, документы. Правда, украденные документы часто возвращали через шашлычников за вознаграждение.

Как-то раз нам указали на одного интеллигентного с виду мужика с портфелем, который только что украл у нас книгу. Я — за ним, крепко взял за локоть, тот как-то сразу обмяк. Вдруг слышу звонкое Женино «где вор?!»: он сразу понял, в кого я вцепился. И с ходу смачно заехал в табло «интеллигенту»! Попал удачно — тот отлетел на два метра, но портфель удержал. «Дай сюда!» А народ с интересом уже кружком собрался. «Чтоб я тебя здесь больше не видел!» — зловеще прохрипел Женья. «Винючник торжества» спешно ретировался, больше мы его на ярмарке не замечали. Свой товар мы сразу узнали, да и хозяев почти всех остальных книг быстро вычислили — не первый день работали рядом — и вернули им украденное.

Цеховая солидарность у книжников процветала. Не раз я, как регбист, кидался на бегущего воришку, слышав громкое «держите его!», или с криком «стоять!» нырял с кузова машины в толпу. Но все же сколько книг ушло незаметно! Однако Олегович просил не устраивать самосуд: с пойманным ворьем «работали» братки — это было намного эффективней.

Однажды на нашу продавщицу Клаву наехал наглый щипач. Работал он не очень чисто, на ярмарке его знали. И вот он решил пожить у нашей точки. Клава, заметив воруягу (он стоял за спинами людей и якобы внимательно слушал), прервала общение с покупателями и нарочито громко произнесла: «А вы, молодой человек, отойдите отсюда, пожалуйста!» Дождавшись, пока она

останется одна, тот злобно процедил: «Я тебе, овца, все зубы пересчитаю!» Это было неслыханно: если ты щипач, то не светись и тихо испарись, а не угрожай! Клава испугалась и пару ярмарок пропустила. Пожаловались Олеговичу. «Смотрящие» попросили его показать. Щипач, как назло, тоже пропал. Но когда Клава, отойдя от испуга, появилась вновь, нарисовался и он собственной персоной. Братки его взяли, завели в подсобку и грамотно обработали в корпус. Кстати, обнаружили при нем нож. В завершение воспитательной процедуры, заставив извиниться перед Клавой, предупредили: «Если ты (нехорошее слово) еще раз тут появишься...» Что ж, щипач все понял правильно, больше мы его не видели.

С развитием компьютеров на Чекалде появились торговцы новым товаром: CD, DVD, программное обеспечение, спецлитература. В целом интеллектуальный уровень продавцов и покупателей на ярмарке был выше, чем на Гусинке — городской барахолке. Соседка-шашлычница с удовольствием отмечала: я, мол, по будням на Гусинке, а здесь просто отдыхаю: «будьте добры», «пожалуйста»...

Но главным врагом уличного торговца был мороз! Я обнаружил интересную реакцию организма: мерзнешь только первый час. Потом, накатив для согрева, чувствуешь какой-то внутренний перецелк: пышет от тебя, как от печки, даже варежки снимаешь. А если спорилась работа, шел покупатель, то охватывал веселый кураж — успевай только денежки пересчитывать да льдинки с усом отгрызать. К концу ярмарки — нетрезвый гогот продавцов во всю глотку, задорный женский визг между грузовиков. Лица торгашей — как цвета российского флага: либо белые, либо синие, либо красные. И только к вечеру остро чувствуешь, как же ты сильно перемерз. Однако не припомню, чтоб из-за регулярных переохлаждений мы болели чаще обычного. На войне как на войне: полностью задействованы все ресурсы организма. Мы ведь тоже «шли в бой» за выживание своих семей. Как и те добрые полстраны, что, побросав свои погибающие НИИ и оборонку, трясли тряпьем да тягали баулы на бесчисленных толчках и барахолках. Вот такая, понимаешь, загогулина, как говаривал первый, не всегда трезвый президент России.

Но где-то с 1997 года начался постепенный закат Чекалды. Менялась психология экономически активного населения страны: российский капитализм как бы вырос, а после августовского дефолта 1998 года окончательно расстался с детством. Повсюду стали строиться торговые центры, страну наводнили сети. Появились крупные игроки и в книготорговле, такие как, например, новосибирская «Топ-книга» — некогда крупнейший российский книжный ритейлер, основательно подрезавший крылья Чекалде. Изменился и покупатель, которого уже намного меньше тянуло на барахолки и толкучки: обрыдли навязчивые манеры торговцев, грязница-пылища, киоски с орущей до иступления попсой, дымящие мангалы да цыгане с карманниками.

Снижение количества рынков и барахолок приводило к сокращению кормовой базы рэкета — знаменитой братвы девяностых, с ее своеобразной субкультурой, растиражированной и воспетой в те годы. Ничего не поделаешь, это закон природы: количество хищников не может превышать количество жертв. Сколько пацанов перестреляло друг друга на «стрелках» и «разборках», сколько уснуло вечным сном под памятниками с высеченными на них почти детскими годами жизни! Сколько потенциальных отважных офицеров и прекрасных спортсменов потеряла наша страна! Да и просто отцов, ибо большинство из них,

жертв своего короткого недоброго времени, банально не успело обзавестись потомством...

Чекалда превратилась в обычную барахолку, зияя дырами незанятых мест, что представить раньше было невозможно. Иногда я заглядываю туда, прохожусь по рядам, встречаю кое-кого из бывших оптовиков, но общаться с ними «за бизнес» уже неинтересно. И только мороз все так же трещит длинными зимними месяцами да летом пыль столбом.

Кузбасс

За время нашего «книгоношества» по области мы с Женей стали настоящими профи. Рты у нас не закрывались, наработались определенные шаблоны в общении с покупателями — в зависимости от их возраста и пола. А под хорошее настроение устраивали настоящее представление, народ к нам тянуло как магнитом — улыбки, смех. Глубинка! Сейчас это вспоминается даже с некоторой долей ностальгии: хороший у нас народ! Обзавелись постоянными покупателями, которые не скрывали: мол, ждем вас, чтоб поболтать да новинки купить. К чему мы, собственно, и стремились. Возили товар на Жениных «жигулях» с прицепом.

Тогда был дефицит бензина, на заправках выстраивались огромные хвосты, кто-то постоянно пытался прорваться без очереди. Да и самих заправок было очень мало, а за городом в уборочную страду нас нередко отгоняли: «С частными номерами не обслуживаем!» Приходилось упрашивать, переплачивать, ведь для нас движение — жизнь, в прямом смысле слова. Это сейчас заправки на каждом углу, предлагают скидки, и лобовик протрут, и колеса подкачают бесплатно, и заправят сами, даже из машины не надо выходить. Но тогда!..

Однако дальнейшее развитие этой нехитрой коммерции уперлось в наши физические возможности, поэтому вопрос поиска «торгпредов» на местах вышел на первое место. Некоторым постоянным покупателям предлагали торговать самим. Мы берем на себя заботу об ассортименте и доставке товара. Доля — 20 % с выручки. Люди неопределенно улыбались, пожимали плечами, кто-то даже поначалу соглашался, но потом отказывался.

К тому же притомляла местная шпана — рэкетеры. Начав торговать на новом месте, мы сразу же их угадывали: ага, похоже, вон те «шакалы» сейчас начнут ходить вокруг да около, а потом, улучив момент, озвучат предложение о «сотрудничестве». При покупателях «базар» не клеился, видимо, стеснялись односельчан. Но один деятель в Мошкове лишнего в голову брать не стал и, поздоровавшись с нами, запросто представился: «Начальник местного землетрясения». Даже понравился столь творческий подход к делу. Калибр наезжавших мы научились определять безошибочно, некоторых сразу отсылали подальше. Справедливости ради отмечу, что кое-где рэкета не было (но и торговли тоже). Со временем «тариф» за один визит стал постоянным — от 500 до 1000 рублей. Кое с кем даже скорешились, «терли базары» за жизнь. И хотя местечковые рэкетеры старались выглядеть дружелюбно, мы логично полагали, что местным торговцам в отношениях с ними будет проще.

Вскоре нам удалось найти первого «постпреда» — Ольгу из Евсина Искитимского района, мать троих детей. Правда, денег на закуп книг со скидкой 20 % от наших цен у нее не оказалось. Она пригласила нас домой, показала

документы. Что ж, мы поверили и отпустили товар на реализацию, решив, что оказанное ей доверие ко многому обяжет.

Чуть позже компанию Ольге составил Паша из киоска на привокзальной площади Черепанова. Его искренне удивила бойкость книжной торговли, и он решил попробовать торговать новым товаром. Однако дать ему на реализацию мы не согласились: киоск определенно указывал на наличие оборотных средств. К тому же Паша, бывший боксер, почему-то решил, что будет казаться убедительней, если станет косить под братка: ботал по фене, через каждые два слова вставлял мат. Так или иначе, взял он товара на приличную сумму с той же скидкой 20 процентов.

Торговал Паша весьма своеобразно, я как-то был свидетелем его диалога с покупателем.

— Эй, мужик! Иди сюда!

— Че?

— Че-че! Книжку покупай, е-ма!

Но деятельность развел бурную. Вскоре, кроме книг, Паша уже ничем больше не торговал, постоянно увеличивая оборот. Мы были очень довольны друг другом.

А однажды в Коченеве произошло историческое событие, круто изменившее всю специфику нашего бизнеса. Мы зашли в местный книжный магазин и предложили остатки нераспроданных за день книг, почти не сомневаясь, что нас пошлют подальше. И вдруг ушам своим не поверили! «Да пожалуйста! У нас давно толком книг нет: ребята одни нам из города возили, а потом куда-то делись, не знаем, чем и торговать!» — обрадовалась директриса магазина.

Стало даже немного дурно: неужели наткнулись на золотую жилу? Ведь если такое мы слышим в Коченеве — в одном из самых близких к Новосибирску райцентрах, что же тогда творится дальше?! А мы-то, недотепы, все каких-то колхозников к делу привлечь пытаемся!

Срочно понеслись по книжным магазинам райцентров области — и почти всюду одна и та же песня: везите, везите, везите! Что ж, «прощайте, деревни, прощайте, поля!» Правда, существовало одно принципиальное «но»: своих оборотных средств у книжных магазинов не было, поэтому возможна была только сдача книг на реализацию. Впрочем, к тому времени мы на Чекалде успели занять хорошую репутацию и многие оптовики давали товар с отсрочкой платежа.

Книготорги в райцентрах в большинстве своем входили в систему районных потребительских обществ, сокращенно — райпо. Райпо, отрывка социализма, оказалось на удивление живучей системой. Несмотря на убогий ассортимент магазинов, начальники райпо выглядели шикарно, рассекая на джипах.

Как сейчас перед глазами бухгалтерия райпо в Болотном: в небольшом помещении сидело около тридцати женщин разных возрастов, плечи у всех были покрыты серыми шерстяными шальями. Счетоводки, не поднимая голов, остервенело стучали засаленными костяшками на допотопных деревянных счетах, тыча пальцами в вороха каких-то платежей и накладных. Несмотря на то что у каждой на столе лежали калькуляторы производства ленинградской «Электроники», они упорно предпочитали счета. На вопрос, почему так, получили ответ: «А мы калькуляторам не верим!»

Очень скоро «жигулей» с прицепом хватать перестало. Всего за полгода мы увеличили объем развозимого товара с чемоданчика до грузовика. Причем в свободное от работы в институте время! Давно ли мы, неуверенно сжимая в

руках скромные зарплаты научных сотрудников, пытались не ошибиться в правильном выборе ассортимента.²

Приняли на работу первого наемного рабочего — Жениного лаборанта Мишу. Вечерами он разбирал привозы и набирал заказы магазинов в гараже, приспособленном под книгохранилище. И хоть я в шутку часто цитировал классика: «У лентяя Мишки жили-были книжки...», работником он оказался очень прилежным и трудолюбивым.

Вскоре и вовсе купили свой грузовик ГАЗ, чтоб экономить на найме авто. Решили водить сами, поэтому отучились на категорию «С». Конечно же, «газель» или «японец»-грузовичок подошли бы лучше, но первых еще не выпускали, а вторых пока не ввозили.

Наша деятельность была всесезонной и всепогодной. В жизни не забуду заводку грузовика в тридцатиградусный мороз. Тосолом мы не пользовались, ездили на воде. Сливали на ночь радиатор, тщательно продув ртом резиновые патрубки, аккумулятор уносили домой в тепло. Ранним утром начиналось оживление грузовика. Женя забирался под движок с паяльной лампой — отогревать масло в картере, а я проливал радиатор горячей водой, носясь с ведрами. Однажды горячую воду отключили, пришлось кипятильником греть ее в ведрах. И не было для нас звуков слаще набравшего обороты движка — ура, запустили! Но и с раскопегаренным двигателем машина иногда не сразу могла двинуться с места: застывал задний мост. Разок нам ночью прокололи два ската, поэтому в то утро получение «удовольствия» разнообразилось сменой колес. На долгие годы я, некогда страстный лыжник, люто возненавидел зимы, а деревянные лыжи с загнутыми носками вообще видеть не мог.

Позже, окрепнув финансово, мы наняли водителя на свой «газон». Купили новый гараж — специально под книгохранилище да взяли еще одного складского работника — старшего брата Миши Васю. Таким образом, у нас трудились уже три наемных работника, все неофициально.

Однако дальнейшее развитие бизнеса требовало достижения новых горизонтов. Как ни крути, будучи чистыми посредниками между ярмаркой и магазинами, мы являлись лишним звеном в цепи производитель — конечный покупатель. Однажды случайно встретили на Чекалде матерщинника Пашу, а вскоре и директрису коченевского книжного магазина. Что ж, вполне логично. Понятно было, что наши клиенты, особенно те, кто поближе к Новосибирску, рано или поздно доберутся до ярмарки. Бизнес есть бизнес, устранение лишних посредников — один из основных его законов.

Какие направления обеспечили бы нам дальнейшее развитие? Во-первых, следовало выйти напрямую на московские издательства, чтоб, получая товар по издательским ценам, увеличить рентабельность бизнеса. Во-вторых, начать развитие собственной розницы. Это сделало бы нас независимыми от Оль и Паш. И, наконец, в-третьих: развивать оптовую торговлю имело смысл в компактной, богатой, промышленно развитой Кемеровской области. Соседний регион изобиловал большими городами — это вам не новосибирские райцентры, по сути, большие деревни. Расстояния между городами Кузбасса были сравнительно небольшими, они, связанные отличными дорогами, буквально следовали один за другим — не в пример огромной по площади Новосибирской области. Саму же столицу Сибири и ее ближние окрестности к тому времени плотно оккупировала честолюбивая, амбициозная «Топ-книга», тягаться на равных с которой у нас бы не получилось.

Еще до регулярных вояжей в Кузбасс знающие люди стали пугать нас страшным дорожным рэкетом. Но в целом обошлось. Так, пара мелких наездов. Тормознули как-то на трассе, подставив иномарку:

— Что везем?

— Книжки!

— Чего-чего?! — не поверили братки с большой дороги. И попросили открыть будку.

Убедившись воочию, они даже немного расстроились и как-то неуверенно изрекли:

— Мужики, но соточку все равно дать надо...

Слово «книжки» (именно «книжки», а не «книги») умиротворяюще действовало не только на братву. На сотрудников ГАИ, которые напрягали еще больше, тоже. У меня со временем выработался фирменный стиль общения с ними. Говорил, поправляя очки, учтиво, несуетливо, никогда не переходил на «ты», никаких там «слышь, командир». Не брезговал фразами типа «не извольте беспокоиться» или «если вас не затруднит». Словом, действовал на гаишников успокаивающе. Характер груза их тоже не возбуждал — максимум дашь почитать детективчик, чтоб скрасить дежурство. Рядом с правами я всегда держал свою институтскую визитку, проводя на вопрос: «Ученый, что ли?»

— Да, приходится подрабатывать. Везу детские книжки кузбасским ребятишкам!

Впоследствии транспорт для поездок в Кузбасс мы стали нанимать. Один шофер, с которым довелось немало поездить, отработал своеобразную форму ответа на вопрос «что везете?». Махнув рукой, он презрительно выдыхал: «А-а-а, кни-и-иш-шки...» Глаз гаишника тоже сразу гас, часто даже кузов не проверяли.

Однако других братки щемили на дорогах активно. Особенно опасным был участок трассы, проходивший через слившиеся друг с другом города Киселевск и Прокопьевск. Светофоров масса, скорость не разовьешь. В середине девяностых на этом участке «работала» команда Шрама. Кто такой Шрам — узнать не удалось, по слухам, его уже нет в живых. Рассказывали, что денно и ночью в обоих направлениях рыскали два джипа с братвой, высматривавшей свою добычу. Позже, с пуском прекрасной автострады, обходившей города стороной, стало полегче. Несущуюся фуру попробуй останови легковушкой! Я разок «с чувством глубокого удовлетворения» созерцал на обочине джип с боковой вмятиной от тарана фурой. Почесывая бритые репы, братки в кожаных растерянно ходили вокруг. Получите свое!

На небольшом участке подъема, проходящем через частный сектор города Ленинска-Кузнецкого, за мостом через Иню, работали настоящие фокусники. Они совершенно незаметно залезали на ходу в кузов и выбрасывали все что могли. Даже, говорят, холодильники. К нам залезли аж два раза. После первой кражи (выбросили несколько пачек книг) я потребовал у водителя, чтоб он чем-нибудь обшил свой тентованный кузов. А лучше заменил бы его надежной будкой. В противном случае пригрозил больше его не нанимать. Однако к следующей поездке он ничего не сделал. Залезли опять — пришлось при расчете сумму ущерба удержать.

Когда он наконец обшил кузов толстой фанерой и вставил замок, мы решили посмотреть, как же все-таки «работают» люди. Специально ехали еле-еле, пялились в оба, каждый в свое зеркало, почти наверняка предполагая, в каком

месте могут прицепиться. Никого не заметили. Ага, злорадствуем, что, облом? И только остановившись на заправке за городом, мы с изумлением обнаружили, что они не только цеплялись, но и сумели откинуть задний борт кузова, внутрь все же не попав! Как это у них получилось, непонятно.

Но было и много светлых моментов в моих многолетних поездках в Кузбасс. Трассы в Кузбассе очень хорошие, это тут же чувствовалось при пересечении границы с Новосибирской областью.

Буготакские сопки постепенно переходили в величественный, покрытый вековой тайгой Салаирский кряж, который тянется параллельно трассе почти до самого Ленинска-Кузнецкого. Потом Салаир поворачивает на юг, лишь угадываясь вдалеке синей дымкой, и уступает место широченной долине, окаймленной с востока красавицей Томью. Сразу за ней, чуть восточней, начинают громоздиться хребты Кузнецкого Алатау, и чем дальше на юг, тем выше тянут они к небу таежные скалы. Город Междуреченск, раскинувшийся в неширокой долине, служил конечной точкой нашего маршрута. Нечасто встретишь город чище и благоустроенней.

Как-то весной Томь, вдоль которой бежит трасса, вышла из берегов, затопив дорогу. Причем мы успели проскочить в Междуреченск. А как обратно? На выезде из города на посту ГАИ нас задержали. Проторчав несколько часов, мы уже стали мысленно готовиться к ночевке: конца наводнению не было видно. Но вдруг всех начали пропускать в другом направлении, на картах не обозначенном. Оказалось, это проезд через охраняемую территорию угольного разреза с противоположной от трассы стороны горного хребта. Широченные дороги накатаны БелАЗами-углевозами, но проехать можно. М-да... Такого грандиозного зрелища творения рук человеческих я не забуду никогда! Можете себе представить громадный, поросший тайгой горный хребет, разрезанный вдоль, как ножом, пополам? На рукотворных террасах, расположенных уступами вдоль хребта, громадные экскаваторы, срывающие угольные горы, казались малюсенькими игрушечками. А стодвадцатитонные БелАЗы, рядом с колесами которых становилось страшновато, вообще едва заметны. Я притормозил около снятого у дороги ковша экскаватора и зашел внутрь: небольшой дом, ставь крышу, и можно жить.

Поездка в Междуреченск была двухдневной, с ночевкой в Осинниках у книготорговца Алексея — радушного, гостеприимного мужчины, которому в знак благодарности мы отдавали книги по себестоимости. Полноценный отдых водителя очень важен, поэтому дружба с Лешей была настоящей удачей. Вскоре мы уже так привыкли к регулярным визитам, что даже скучали друг по другу. Его супруга Татьяна готовила отличный стол к нашему приезду, а Алексей угощал прекрасным самодельным коньячным напитком. Наши визиты стали маленькими праздниками, расцвечивавшими скучную череду нелегких будней.

Выезжали мы в ночь, чтобы к открытию книготорга в Междуреченске (начинали как бы с конца) уже быть на месте. Ночная поездка имела как свои плюсы (свободная дорога, притупленное внимание со стороны законных и незаконных «кураторов» трассы), так и минусы (темно, особенно зимой, и спать охота). Два раза наши водилы засыпали за рулем, и мы заваливались в кювет набок. Когда мы переворачивались, многие останавливались, предлагали помощь: трасса есть трасса.

Дальние поездки имеют свою привлекательность. Остается за горизонтом шумный, суетливый, лукавый город, и перед тобой только трасса, небо и зелень

(или белизна). Расстояния огромные, перегоны длинные — созерцай себе, думай, философствуй. И есть, наверное, высокий смысл в желании дальнбойщиков украшать свои машины двуглавыми орлами и российскими триколорами: они видят и ощущают свою бескрайнюю Родину. Бывало, отъедешь немного в сторону от трассы — и кажется, что цивилизация за сотни километров. Когда позволяло время и погода, мы то грибочки поищем, то искупнемся в быстрых холодных реках или озерах.

Трасса обживалась буквально на глазах. Вставали радующие глаз часовенки, церквушки, придорожные кафе, заправки, обустраивались симпатичные места для отдыха в красивых уголках, у источников.

Мы на полную катушку раскрутили выполнение третьего пункта нашего бизнес-плана. По мере наработки постоянной клиентской базы в Кузбассе товар отправляли с экспедиторами, я лишь совершал нечастые инспекционные вояжи. Цены на книги, как и почти на все, были выше, чем в Новосибирской области. Товар уезжал грузовиками, а возвратов ненавистных «висяков» почти не было. Благодаря Кузбассу мы уверенно встали на ноги.

Но... со временем щупальца ненасытной «Топ-книги» дотянулись и до Кузбасса — в Кемерове и Новокузнецке и вовсе возникли ее филиалы. Конечно, вцепившись зубами, можно было застыть в нашем тогдашнем положении середняков «второй лиги». Однако, оценив ситуацию и перспективу, мы с Женей приняли непростое решение — поменять сферу деятельности, но это, как говорится, уже совсем другая история.

Владимир СЕДЫХ

КОММУНИЗМ В ДЕБРЯХ СИБИРСКОЙ ТАЙГИ

В 1962 году я работал топографом в одной из партий, задействованных в проведении гравиметрической съемки на севере Томской области. Я должен был со своим топографическим отрядом на определенной территории провести прорубку и промер профилей с определением их координат и высотных отметок.

В моем распоряжении был быстроходный гусеничный вездеход АТЛ (артиллерийский тягач легкий), которым управлял знаменитый Василий Примак, известный среди геофизиков своим отчаянным характером. Он был механик-водитель от Бога. Его вездеход был всегда так хорошо отлажен, что ни одна легковая машина своей ухоженностью не могла сравниться с ним. Но беда была в том, что он ездил в поле почти всегда подшофе. Как-то, изрядно поддатый, он зимой ночью вышиб из деревянного столба электрической линии бревно длиной метра три и ушел, не заметив, что оставил деревню и ферму без энергии. В наказание его обязали столб поставить самому и оплатить расходы на запуск электричества. Другой раз он рано утром, правда во время метели, но также нетрезвый, наехал на капот трактора ДТ, ехавшего навстречу. Но все подобные случаи как-то сходили ему с рук, и обычно районные ГАИ надолго его не задерживали. Все деревенские самогонщицы были его, и он благодаря им умел ладить со всеми и уходить от серьезных наказаний. Но все-таки предпочитал работать с гравиком или топографом, умеющим водить АТЛ. Ну, а если тот не умел, он обязательно обучал его управлять машиной. После чего, почти не просыхая, ездил пассажиром на правом сиденье и всю дорогу распевал белорусские песни.

Однако знаменит он был не своей удалью, а тем, как ухаживал за вездеходом. На одиннадцатый день работы, где бы ни пребывал отряд, Вася в рот не брал ни капли спиртного, ставил вездеход и начальнику, в частности мне, говорил: «Все, освобождай мое место, что хочешь делай со своими бичами, гуляй, я никуда не поеду, я сегодня работаю». Это было железно, и никто с ним не спорил. Как бы хорошо ни ходила машина, он ее разбирал, смазывал, подкручивал, паял. Завершив работу к концу дня, закрывал ее и, похлопав по капоту, говорил: «Давай, работай с начальником, а я пока отдохну!» — и опять на десять дней загуливал, слезно прося меня останавливаться на полчаса в той или иной деревне, чтобы навестить своих подруг-самогонщиц.

Со мной кроме водителя работали четыре рабочих-бича, приглашенных из лесоустроительной экспедиции. Они выполняли всю таежную работу по прорубке и промеру профилей.

В тот полевой зимний сезон моему отряду предстояло в течение одного месяца работать вблизи одной таежной деревни на берегу большой обской старицы. Я решил на это время поквартировать в ней. Для этого надо было найти избу, где хозяева могли бы принять нас на постой. В ноябре и декабре мы работали далеко в лесах, и нам просто надоело кантоваться в палатках. На этот раз, пользуясь представившейся возможностью, в январе захотелось пожить хотя бы с месяц в теплой избе, и если повезет, то раз в неделю, как все нормальные люди в Сибири, попариться в бане. Мужики поддержали эту — на общий взгляд, несбыточную — идею, и мы отправились знакомиться с деревней и искать избу, где согласились бы принять на квартиру шесть человек.

Въезжаем в деревню, лязгая гусеницами нашего вездехода. По обе стороны единственной улицы видим пятистенные дома, мастерски срубленные из сосны. У каждого — невысокая глухая ограда с добротными воротами, за которыми видны ладные надворные постройки. Мы даже растерялись: глядя на такой порядок, подумали, что вряд ли кто нас примет на постой. Но все-таки любопытство узнать, кто живет в этой деревне, и еще более сильное желание пожить в теплой избе взяли верх.

Не останавливаясь, мы решили доехать до конца улицы. Сначала никого не было. Потом повстречался воз сена на санях с сидящим наверху человеком, погоняющим лошадь, потом опять никого, потом бегущая навстречу девочка лет десяти с ученической сумкой, и вот наконец-то догоняем мужика лет пятидесяти. Остановились, поздоровались и спросили — не знает ли он кого-нибудь, кто может принять шесть человек на постой примерно на месяц. Он откровенно ответил, что вряд ли какой хозяин пустит нас в дом. В каждом доме живет большая семья и там просто негде разместиться. Потом подумал, показал на самую крайнюю избу: «Там живет женщина с сыном, и она, пожалуй, вас пустит, пока ее сын на охоте в тайге». Поблагодарив, мы поехали вперед. Пока мы двигались, я невольно подумал о странном выговоре встречного: мужик-то вроде русский, а говорит с каким-то непонятным для меня акцентом.

Ну, вот эта изба. Обычные ворота, в них калитка. Захожу во двор и на крыльце вижу хозяйку. Далеко не молодая женщина, похожая на хантыйку. Обращаюсь к ней с нашей просьбой. Она не задумываясь отвечает согласием. Говорит по-русски чисто. Пригласила зайти: «Проходите и размещайтесь».

Высокое крыльцо. В первой комнате русская печка с плитой, два окна, между окнами стол. Напротив печки стояла громадная деревянная лохань диаметром около полутора метров и более метра высотой, накрытая всякой теплой рухлядью. Она источала запах кислого теста. Вася Примак спросил: «Бабуля, а что это за сооружение такое, из которого идет очень знакомый запах?» — «А, так это я готовлю еду для поросят соседа. Закладываю в этот чан капустные и свекольные листья и всякую витаминную съедобную траву с добавкой муки и делаю из всего этого массу, похожую на силос, которую поросята с охотой лопают», — ответила хозяйка. Все переглянулись, впервые услышав о такой еде для поросят. Но изобретательность крестьян известна. Стали располагаться во второй комнате на полу. Рядом в чулане находилась отдельная койка, но я отказался от нее. Общим голосованием отдали ее Васе. Ему надо каждый день рано утром и перед сном прогревать вездеход. Пусть занимается своим делом, не мешая нам спать.

С утра, позавтракав, мы все отправились в тайгу на объекты, удаленные от деревни всего километров на десять, и приступили к своей обычной работе. Мне

надо было задать теодолитом направление профилей и определить по солнцу координаты начала их закладки, рабочим предстояло провести прорубку профилей и сделать их промер, а Васе — следовать за нами, протаптывая дорогу вдоль профиля, и подвозить заготовленные пикеты. Эта скучная привычная работа заняла целый день, и уже потемну мы вернулись домой. В избе топились печка, было светло от лампы, а наша хозяйка готовила ужин. Я договорился с ней, что буду платить за постой и приготовление пищи утром и вечером. Тепло и готовая еда, которую в палатках надо было бы еще приготовить, нас несказанно обрадовали. Наша работа в тайге теперь будет ежедневным праздником! В магазине ничего не было для веселья Васи, и он еще не открыл в деревне самогонщиц. К нашему удовольствию, он возил нас на работу совершенно трезвый, печальный и без песен, управляя вездеходом самолично. Шли дни, ничем не омрачаясь.

Прошла неделя, и мы стали посматривать на избушку во дворе, похожую на баню. Пора бы уже вроде и затопить, но хозяйка об этом ничего не говорила. Прошло еще четыре дня, и Вася утром мне напомнил, что надо ему, как всегда на одиннадцатый день работы, встать на ремонт. Но поскольку мы жили не в палатках и не рядом с работой, я сказал Васе отвезти нас в тайгу и, вернувшись, делать свой ремонт. Доставив нас в тайгу, Вася отправился обратно, а я при этом велел ему передать хозяйке мою просьбу затопить баню, чтобы вечером мы наконец-то смогли смыть накопившуюся грязь и постираться. Правда, мы заметили, что баня почему-то все время была закрыта на замок, но особого значения этому не придали. Мало ли какой у хозяйки порядок? Хозяйственные постройки, дровяник, стайка для коровы, помещение для хранения продуктов и всякой домашней утвари были добротные, и на некоторых тоже висели замки. Особенно нас удивили полы, постеленные во всех помещениях, и даже часть двора была закрыта полом. Это было для меня несколько странно: вроде хозяйка похожа на хантыйку, а порядок во дворе и в доме как у немцев. И звали ее по-немецки — Линда. Также была для меня странной и ее речь, некий акцент, похожий на акцент мужика, которого мы встретили по дороге. Это было любопытно, но не настолько, чтобы расспрашивать.

Коли с днем профилактики вездехода и банным днем определились, надо было вернуться пораньше до ужина и помыться. Слышим, Вася часа в четыре едет за нами — даже еще раньше, чем мы ожидали. Вездеход подошел, из кабины выскакивает улыбающийся Вася, подбегает к нам и выпаливает: «Мужики, так это оказалась не баня, а спиртзавод!»

Оказывается, Вася, закончив часам к двум свою работу, пошел к хозяйке, чтоб просить разрешения открыть баню. В доме застал такую картину: хозяйка и какой-то мужик лет пятидесяти достают половниками жидкое месиво из деревянной лохани и разливают во фляги. Вася понял: в этой лохани был не силос пороссятам, а хорошо выстоянная брага. Хозяйка попросила Васю помочь, и они с мужиком, который представился Гергердтом, оттащили эти фляги в баню. Гергердт достал ключ, открыл избушку, а там — буквально завод по изготовлению самогона. Печь, какие-то баки, медные трубочки, охладитель.

— Гергердт сказал мне, что он женит сына и ему надо выгнать 15 литров самогонки, — так закончил Вася.

Все слушали водителя и невольно улыбались, уже ощущая вкус самогонки на губах.

— Вася, ты открыл Клондаек, ну а баня как? — нетерпеливо оборвал я Васин треп.

— Баня? — остановился Вася. — Баня топится, и я приехал за вами пораньше. Это Гергердт затопил баню специально для нас. Он живет через два дома от нашей хозяйки. Все, поехали, баня ждет, а после нее проба напитка с местного спиртзавода.

Не посмотрев на меня, Вася забрался на правое место, давая понять, что десять ближайших дней мне придется водить самому.

Вот и деревня. Собрав белье, первые три человека под предводительством соседа пошли в его баню. С наслаждением попарились. Вторая партия из трех человек тут же нырнула в парилку, едва дождавшись нашего ухода.

Заходим к себе во двор. Из трубы «бани» валит дым. В первой комнате и на кухне хозяйка что-то готовила и ставила на стол. Мы же не знали, что нам делать, и попытались ей помочь. Хозяйка строго приказала не подходить к столу и отправила нас во вторую комнату отдыхать после бани, добавив, что она нас не забудет пригласить ужинать. Гергердту помогать тоже не надо, он свое дело знает хорошо.

Часа через полтора нас будит хозяйка. Мать честная! На столе видим квашеную капусту, соленые грибы, помидоры и огурцы, копченых и жареных ельцов, большую сковороду свинины с яйцами, черный ржаной хлеб. А в центре — бутылка самогонки, по краям восемь больших тарелок и рядом с ними граненые стаканы. Мы были крайне поражены, не понимая еще, чем заслужили такой прием, и с большим смущением стали занимать места.

Пришел Гергердт и с порога спросил: «Мужики, что скромничаете и не наливаете?» — и, обращаясь к водителю, добавил: «Вася, что сидишь? Давай банкуй». Вася спохватился и осторожно налил всем понемногу, и хозяйке в том числе. Ее пока за столом не было, она «работала на спиртзаводе».

После минутного молчания, не зная, с чего начать, я обратился к Гергердту:

— Давай тост. Ты же хозяин здесь, коль владеешь заводом.

Гергердт, не отнекиваясь, поднял стакан и произнес:

— За встречу, будем живы, за здоровье всех.

Все дружно выпили до дна и с большим удовольствием стали закусывать.

Дав возможность нам как следует поест, Гергердт продолжил:

— Мужики, я уже десять дней наблюдаю за вами. Но сегодня был удивлен работой вашего водителя, Василия. Когда пришел, увидел на расстеленном брезенте множество отмытых, смазанных, вытертых деталей разобранного вездехода. Я удивился, как можно за полдня все это сделать. В избе мы с Линдой обсуждали, как будем сегодня перегонять «силос». Когда часа через два я снова вышел во двор, увидел: стоит и урчит вездеход, водитель в кабине — и опять поразился, как можно было за два часа собрать машину. Меня после увиденного разобрало любопытство, захотелось познакомиться с вами. Так давайте выпьем за Васю и за всех вас, если вы такие же, как он!

Мы не стали разубеждать Гергердта и дружно выпили за Примака, и за себя, и за легкий пар. Гергердт, пригубив, поднялся и заявил, что ему надо идти на дежурство и сменить хозяйку. Конечно, мы не протестовали и все дружно согласились, что это уважительная причина. Как только он ушел, Вася, уже привыкнув к должности тамады, быстро разлил оставшееся в бутылке и, не дожидаясь прихода хозяйки, не говоря ни слова, а только подняв стакан, выпил все до дна. А за ним и мы опустошили стаканы. Вот тут-то стол начал стремительно пустеть, а когда появилась хозяйка, почти все уже было сметено. Поставив еще одну бутылку на стол и увидев пустую посуду, она, ничего не говоря, подбро-

сила дров в печку, поместила большую кастрюлю с водой на плиту, нарезала гору хлеба, сало, поставила еще огурцы, ельцов и пригоршнями стала из мешка пересыпать пельмени в кастрюлю. Мы перестали трепаться и, буквально завороченные, смотрели, как пельмени падают в булькающую воду.

Пришел Гергердт. Сел на свой стул, налил себе в стакан, призвал это же сделать всех и произнес:

— Мужики, все идет чин чинарем, пьем под пельмени, а потом покажу вам баню с техникой и расскажу, для чего я столько гоню самогонки.

Пошли в баню. Линда переливает через воронку из двухлитровой банки самогонку в четверть. В середине бани — печка с плитой, на плите стоит емкость типа казана, накрытая таким же казаном, из которого выходит медная трубка, далее соединенная с трубкой, скрученной кольцами, лежащими в стеклянной емкости, заполненной водой. В емкость входит еще одна трубка с подключенным к ней насосом, подающим холодную воду, и трубка, отводящая воду из емкости. Внизу стоят фляги, видимо с брагой, на полках четверти и какие-то эмалированные кастрюли, и на них лежит пять противопогазов. Мы, остолбенев, оглядывали этот мини-завод. Вдруг Гергердт попросил Линду дать попробовать горячую жидкость. Она сняла с полки граненые стаканы и каждому преподнесла по трети стакана свежайшего напитка.

— Ну, а теперь, — Гергердт обратился к нам, — давайте выпьем за наш таежный коммунизм, чтобы он и дальше, несмотря ни на что, процветал.

Мы все выпили дружно за этот призыв. Что имел в виду Гергердт под словом «коммунизм», мы не поняли, да и никого это не заинтересовало.

— Ну, а теперь, мужики, идите в дом, на столе собирайте все, что там есть, а мы с Линдой будем делать двойной перегон, — сказал Гергердт.

Васька Примак, будучи уже заметно пьяным, пытался рассказать, что он подправил в вездеходе и как надо с ним обращаться, пока он будет участвовать в подготовке свадьбы. Наглости его не было границ. Он понял значение этого события для него и уже начал громко рассказывать об ожидаемых встречах с местными вдовушками на этой свадьбе, куда его никто еще не пригласил.

Осилив часам к двум ночи еще две бутылки свежей самогонки и доев все, что было на столе, наконец-то все утихомирились и завалились спать. Правда, я еще долго был занят тем, что не давал Ваське прорваться в баню, и кое-как уложил его на койку.

Никто нас не будил. Проснулись около полудня, долго соображали, где мы находимся. Только Васька еще дрых, сопровождая свой сон тяжелым храпом.

Хозяйка пригласила нас завтракать. На столе снова все ломилось, но мы заметили, что чего-то не хватает.

Зашел Гергердт, поставил на стол бутылку прозрачной самогонки двойного перегона и произнес:

— Ну что, мужики? Надо прежде всего поправить здоровье, а потом сами решите, стоит ли сегодня ехать вам в тайгу.

При этом он с улыбкой посмотрел на меня. Хозяйка поставила на плиту большую кастрюлю с водой, в которой вчера готовились пельмени.

Отказаться от этого предложения сил не нашлось. Гергердт разлил самогон. Выпили, стали закусывать солеными огурцами, шпиком, жареными ельцами.

Дождавшись, когда все подкрепится, он обратился ко мне:

— Я вот уже десять дней вижу, вы потемну отправляетесь в лес и потемну возвращаетесь, и меня и всех наших деревенских заинтересовало, а что вы там

делаете? Сколько мы здесь живем, кроме инструкторов райкома, участкового и медсестры, в нашей деревне никого чужого не было.

— Кто мы такие? — Я искал такой ответ, чтобы деревня нас зауважала, и начал издали. — Академик Губкин Иван Михайлович когда-то отметил, что Западная Сибирь плавает на нефти и что могущество страны будет зависеть от этой нефти, — подсоврал я немного, хитро глянув на Гергердта и своих рабочих, и продолжил: — И геофизики пытаются приборами найти, где зарыто это могущество, ну а мы, топографы, готовим в тайге объекты, откуда геофизики будут исследовать подземные слои.

Я ожидал, что мой ответ как-то обрадует человека, живущего в такой глухомани, и заронит в его голову надежду на изменения к лучшему. А все оказалось наоборот.

Гергердт подумал, а потом заявил:

— Судя по тому, как вы настырно работаете, возможно, вы и откроете нефть, но это для нас совсем ни к чему. — Затем налил по полстакана всем и произнес внушительно: — Давайте выпьем за то, чтобы вы и ваши спецы никогда бы не нашли нефть здесь, куда нас завезли силой и бросили, и все бы осталось на этой благодатной земле так, как есть, как было создано Господом Богом и нами.

Выпили. Подоспели пельмени. Гергердт предложил угадать, из какого мяса они приготовлены.

Потом подошел к окну:

— Вы видите, какие дома? Все из сосны, пятистенные, с двумя печками: одна русская, другая — плита. Дворы с полами, стайки для скотины теплые, помещения для хранения продуктов и всякой хозяйственной утвари тоже теплые. Конечно, у каждого баня, только для мытья, а не для самогонарения. В нашей старице всегда полно всякой рыбы — ельца, чебака, язя, окуня, щуки. На озерах гнездится утка. В тайге соболь, белка, кедровый орех — и все это наше. Кстати, на островах Оби пасутся без всякого присмотра наши кони. А осенью здесь, за огородами, добывают сотни косачей. И все это, я подчеркиваю, наше с тех пор, как нас, немцев — женщин, стариков, мальчишек, девчонок и мужиков с какими-либо увечьями, не взятых в трудовую бригаду, — выбросили с баржи на этом берегу, где мы с вами сидим. А у нас, кроме лопат, топоров и пил, ничего не было. Не было охотничьих ружей, не было сетей, даже не было крючков и лески. И когда мы выбрались на берег и осмотрелись, то увидели кругом тайгу и там далеко, на повороте старицы, несколько чумов. И каково нам стало, когда мы увидели край света, о существовании которого говорили еще в древности? Все, мужики, у меня уже слезы, — закончил Гергердт и вышел из избы.

Пока не было хозяйки и Гергердта, надо было что-то предпринимать. Скорее всего, надо просто отваливать быстрее в тайгу. Я посмотрел на своих рабочих.

Васька выдавливал из бутылки последние капли, бурча:

— Из чего пельмени? Конечно, из хорошей свинины, из чего же еще...

Трое поддержали его, и только старый таежник Яшка Красненков улыбался. Отправляя в рот один из пельменей, он произнес:

— Этот пельмень из глухарятины со свининой. А еще были из лосятины со свининой, из осетра, из свинины с капустой. Эх ты, Вася, а еще строишь из себя таежника. Видно, у тебя на роду написано закусывать водку драниками. Ладно, мужики, завязываем, пьем чай и отваливаем. Неудобно разорять немцев!

Не успел он это сказать, как отворилась дверь и зашли Гергердт с односельчанином постарше. Гергердт поставил на стол две бутылки белой, принес стул для спутника и произнес:

— Давай, батя, садись и будем знакомиться. Эти мужики приехали в наши края нефть искать. Как ты считаешь, если откроют месторождение, хорошо будет для нас, членов колхоза «Путь к коммунизму»?

Высокий, седовласый, с серыми глазами, возрастом немного более шестидесяти лет, наш новый собеседник говорил с явным немецким акцентом.

Подняв полстакана с самогоном, он назвал себя Артуром Ивановичем и произнес:

— Гутен таг. Ваше здоровье!

Их появление вызвало во мне некоторую досаду, пришлось невольно смириться с продолжением застолья.

Я поддержал тост Артура Ивановича и спросил его:

— А в чем заключается ваш коммунизм, о котором до вас сказал Гергердт?

Он аккуратно вытер губы рушником, положенным ему Линдой на колени, посмотрел на всех, вздохнул и сказал:

— Вот здесь мы остались помирать под контролем участкового милиционера, который стал появляться у нас раз в месяц. Нас свалили на берег, около 120 человек. Из мужиков — подростки до 17 лет и те, кто старше шестидесяти. Было несколько человек среднего возраста, но с какими-либо увечьями. Остальных мы не видели со дня посадки в вагоны и не знали, куда их угнали. Мы были все с Волги и кое-что переняли у русских, живших с нами рядом. Все-таки немцы появились там при Екатерине II, и наши предки многому учились, чтобы жить в неосвоенных степных местах...

Здесь нас тоже ждало освоение новых мест в таежных дебрях. Мы от многих слышали о вечной зиме и холодах Сибири, о гнусе, который может высосать всю кровь, об отсутствии фруктов, непроходимых болотах и диких лесах. Когда мы погружались на баржи, местные в Томске подсказывали, что главное — не забыть взять с собой топоры, пилы, лопаты, без этого не выжить в тайге. Мы этим запаслись. Итак, вывалили нас на берег. Никого, только далеко, вот там, где заворачивает протока, стояло несколько чумов. Пустота. Дети и женщины плачут. Разожгли костры. Надо было что-то варить. Сопровождавшие нас милиционеры оставили кое-какие продукты, соль. Видим: со стороны чумов плывут несколько обласков и в них люди. Подплывают и, не выходя на берег, осматривают нас. Мы смотрим на них. Один разворачивается и спешно уплывает. Потом и остальные три обласка ушли.

Немного погода пристаёт лодка и из нее выходит девчонка лет семнадцати с огромным мешком. Мужчина остался у обласка. А она подходит к нам, сваливает мешок, открывает — и мы видим, что он полон вяленых язёй. Потом она что-то крикнула мужчине и он принес три мешка щук и окуней: «Однако, паря, это вам». Мы все сгрудились около мешков и со слезами начали обнимать девушку и ханта. Они уехали, сказав на прощание, что завтра привезут три сети, какую-то морду и покажут места, где их ставить.

Васька не утерпел и напомнил: а с чего же начался их коммунизм?

— С Маркса, — улыбнулся Артур Иванович. — Мы все, прибывшие сюда, стали бедными, одинаково бесправными пролетариями, и все поняли, что наше выживание будет зависеть от того, насколько крепко мы будем держаться друг за друга и, самое главное, насколько мы сумеем защититься от болезней, ран и всякой заразы. Вот вы, с чего бы вы начали осваивать этот благодатный берег, если бы остались наедине с лесом? Что этот берег благодатный, мы узнали в первый же год, и эту благодать охраняем с тех пор и будем охранять впредь.

Ну, что молчите? Вас много, скажите, что нам надо было делать? Конечно, мы начали сразу строить землянки, организовали одну кухню на всех, делили поровну добытую рыбу и ягоду, но первым делом построили две бани: одну для мытья, а вторую — для самогоноварения.

— Эко, какие вы, немцы, видимо, без шнапса не можете, — не выдержал опять Васька.

Артур Иванович остановился, взглянул на Васю и произнес:

— Вы представляете 120 человек, выкинутых на берег? Сзади вода, сверху дождь, под ногами пустая земля, впереди всего через пятьдесят метров стена леса. Плач детей, растерянные лица женщин и старух. Оставляя нас здесь, конвой только и сказал: осваивайтесь на всю жизнь. У нас, кроме личных вещей, ничего не было с собой, но самое главное — не было лекарств. А с первого же дня мы начали вкалывать с раннего утра и до ночи, валить и таскать из тайги бревна, спать у костров, и неминуемо при этой работе появлялись всякие травмы и простудные заболевания. У нас нет йода, спирта. И тогда мы начали самогоноварение, доводя самогон двойным и тройным перегонном до крепости спирта.

Сегодня только Линда имеет спиртзавод. По заказу любого деревенского она готовит ему самогон для всех нужд, а мы все миром оберегаем ее производство от наезда всяких лихих людей из района. Со временем выяснилось, что лихие люди тоже любят это лекарство, и мы уже долгое время живем с ними в ладу и мире.

А Линда — это и есть та самая девчонка-хантыйка, которая первая привезла нам мешок вяленых язей. Вот с нее все и началось. Один из нас, звали его Мартином, по дороге с Волги похоронил жену и двоих детей и после этого запил и уже считал себя не жильцом на белом свете. А она откормила его, отпила чаем с клюквой, черникой, брусникой и сделала из него сибиряка. При этом настолько вросла в немецкую жизнь, что научилась говорить по-немецки. Мартин, не будь дураком, возьми да и женись на ней, стал называть ее Линдой в честь своей матери, и они вырастили дочь и сына. Вы слышите в ее речи немецкий акцент? Это она сохраняет его в память о Мартине, которого очень любила. К ее большому горю и горю нашей деревни, ее муж погиб в тайге на охоте...

Видимо, ему редко приходилось рассказывать об их мытарствах людям, живущим в ближайших деревнях. Они тоже были из ссыльных, и все прошли свой путь освоения этой сибирской земли. Мы же были новые люди для рассказчика, да еще люди с намерением переиначить их жизнь, чего они никак не хотели. Мы даже несколько устали от этого рассказа, но прервать его, конечно, было неудобно. Работа стояла уже два дня, и сегодня вряд ли мы выедем в тайгу, что меня сильно расстраивало.

Артур Иванович продолжил:

— Мы остались осенью на берегу протоки, без лекарств, врача, без мыла, без крыши, где можно было бы укрыться от дождя хотя бы детям и женщинам. Ханты без всякой нашей просьбы на следующий день поставили три чума, где можно было разместиться в каждом человек по десять. Но не откладывая мы в первый же день начали рыть землянки и в течение недели соорудили порядка десяти, отапливая их своеобразными хантыйскими каминами, оборудованными в углу. Жизнь как-то начинала налаживаться, и возникла надежда, что выживем. Появились травмы, но мы с ними справлялись, обрабатывая раны самогоном. Ваты и бинтов не было, и к ранам мы прикладывали сухой сфагновый

мох, закрепляя его тонкой берестой и сыромятными ремнями, тоже полученными от хантов. Тому, как обрабатывать раны, они нас научили с первых же дней. Мыло, которое было с нами, закончилось. Но эту проблему мы решили быстро. Мы дома умели варить мыло из животного жира и здесь быстро освоили его приготовление, применяя жир ондатры.

Жили скудно в чумах и землянках, толком не моясь, появились вши. Это была напасть, и избавиться от нее у нас не было никаких средств. И тогда кто-то из стариков вспомнил русскую баню, виденную им. (Мы в Поволжье имели с давних пор ванны и воду для мытья нагревали титанами, работающими на угле или дровах.) Баня устраивалась вокруг топки из груды камней. Наверху этой насыпи ставился большой котел с водой, обложенный камнями, вода в нем и камни нагревались пламенем из топки. А самая большая ценность ее заключалась в закрепленных над каменной тонких жердях, на которых перед мытьем развешивали снятое белье и обжигали его горячим паром, уничтожая тем самым всякую заразу. Правда, в такой бане могли помыться и попариться только 5—10 человек, на которых хватало жара, содержащегося в камнях. А потом надо было топить баню повторно. И вот, чтобы избавиться от вшей и всякой заразы, а также прогреваться при простудных болезнях, которые уже начали преследовать нас, надо было построить такую баню, чтобы ей могло воспользоваться как можно большее количество людей. Мы объяснили хантам нашу затею, и они с большой охотой поддержали строительство. Они нашли в одном из таежных ручьев окатанные камни и доставили на нартах столько, сколько надо было. Баню мы сделали, конечно, рубленую, с большим предбанником. В правом углу соорудили топку из камней, покрыв ее также горой камней, поставили большой котел, откуда-то притащенный хантами. Слева вдоль всей стены сделали широкий полук, чтобы париться, и главное — над камнями соорудили люк, плотно закрывающийся крышкой. Дым уходил в люк, и при этом в бане можно было даже мыться, но не париться. Ну, а чтобы париться, надо камни нагреть, люк закрыть — и тогда поддавай на большую гору камней горячую воду для образования пара, для уничтожения заразы в белье и простуды в теле.

Здесь Артур Иванович всем подлил в стаканы и произнес:

— Надо выпить за русскую баню — великого доктора сибиряков, благодаря которому сибиряки размножились и прихватили себе одну шестую часть света.

Я не стал поправлять его, что русские стали сибиряками ровно после того, как прихватили эту часть света. Артур Иванович поднял стакан и выпил, а потом запел «Бежал бродяга с Сахалина», руками приглашая всех подпевать. Мы сначала сидели, держа пустые стаканы в руках, и смотрели на настоящего немца, исполняющего баритоном практически гимн сибиряков. А затем невольно, путая слова, начали истоиво подпевать ему.

Назавтра, конечно, мы проснулись поздно. На улице было морозно и солнечно. Я быстро привел себя в порядок. Яшка Красненков уже резал хлеб, расставлял миски, а хозяйка наливала вчерашнюю юшку. Все согласились со мной — не брать сегодня в рот ни капли и обойтись чаем. Даже Васька Примак не вякнул за похмелье и стал с удовольствием поправляться горячим отваром. За чаем мы прикинули сегодняшней объем работы и Линде сказали примерно к семи часам приготовить ужин. Васька первым пошел во двор и начал прогревать машину. Но не успели мы собраться к отъезду, как заходят Гергердт и Артур Иванович и садятся за стол.

Артур Иванович сообщил:

— Мужики, из тайги сегодня рано утром вернулись наши парни, они в берлоге завалили медведя, там его освеживали, а мясо и шкуру укрыли снегом. Нарты наши немного подломились, и придется, пока они будут в ремонте, мясо оставить у берлоги. Жалко, если на него наткнется россомаха и растащит. Не могли бы вы на вашем вездеходе это мясо вытащить из тайги?

Все сидящие от такой неожиданной новости перестали жевать и уставились на меня. Я еще не сообразил, как ответить, а Гергердт поставил две бутылки чистой на стол:

— Мужики, надо вперед похмелиться, а потом уж будем соображать.

И опять не было сил противостоять предложению гостеприимных хозяев. Третий день мы садимся за стол, едим, пьем самогонку, приготовленную для свадьбы, а вот как рассчитываться за это — я не мог придумать. И вдруг подвалил случай помочь мужикам в их деле и как-то успокоить свою совесть.

Понимая, что наша работа опять сорвалась, я согласился доставить медвежатину и попросил Гергердта разрешить нашим рабочим снова затопить его баню. Гергердт ушел, а через час вернулся с двумя парнями. Один был жених его дочери, а второй — сын нашей хозяйки. Мне показалось, что они отличались какой-то особой статью — оба чуть выше среднего роста, широкоплечие, слегка скуластые и с узкими длинными глазами. Парни были просто красавцы, носители кровей двух этносов. Каждый из них мог один с рогатиной пойти на медведя. Сына хозяйки звали хантыйским именем Шан, а жениха дочери Гергердта — немецким именем Мартин.

Мы погнались на место встречи с медведем и были там через полтора часа. Берлога находилась под вывернутым корнем огромного кедра. После того как снег завалил берлогу, убежище медведя ничем не выделялось и обнаружить его было не так просто. Только одно небольшое отверстие с противоположной стороны от входа, обтаявшее с краев, говорило о том, что там под снегом был медведь.

Добыв медведя, парни здесь же его освеживали, уложив мясо и шкуру глубоко под снег. Туша была разрублена на куски, которые лежали отдельно, чтобы не смерзлись. Все это мы быстро забросили в кунг вездехода и не задерживаясь отправились назад.

Гергердт и Артур Иванович ждали нас и, как только мы появились, тотчас всех отправили в баню, наказав, чтобы после бани никуда не отлучались и сразу же за стол. Попарились — и в дом. За столом сидели виновники торжества, гладко выбритые, в белых рубашках, их близкие и наши рабочие.

Выпили за фарт, который выпал этим начинающим молодым охотникам, и после начался галдеж о тайге. Артур Иванович, выбрав момент, прервал всех предложением продолжить разговор о коммунистической жизни.

Он напомнил, что для коммунизма они первым делом запустили завод по изготовлению своего лекарства, который работает исправно до сих пор (здесь он показал широким жестом на стол), завели свою сибирскую баню, сделавшую здоровыми больных.

— А что мы сделали третье, нечто такое, что сделало нас сибиряками? — задал вопрос Артур Иванович, глянув хитро на нас. — Ну, и на такой простой вопрос ответить не можете? Эх вы, много знающие, даже знающие, как искать нефть. Да как могли немцы превратиться в сибиряков? А так, что хантыйские девчонки стали выходить замуж за наших парней и рожать таких молодцов, какие сидят за этим столом.

Муж Линды прибыл сюда со своими соплеменниками умирающим. Он бы и отдал концы на этом берегу, но эта девчонка взяла над ним шефство и в течение двух лет выхаживала его, а потом стала его женой и матерью этого рыцаря, сидящего за столом. Муж ее, чистокровный немец, чтобы содержать молодую жену, сына и себя, освоил таежную жизнь и каждый год промышлял соболя и белку. Он, так же вдвоем с приятелем, как наши парни, открыв берлогу, вознамерился добыть медведя зимой, но, путем не зная, как это делать, поплатился жизнью. А сын его в 25 лет, уже как опытный охотник, со своим другом без проблем добывает хозяина тайги. Но это уже не немцы, не ханты и не русские, а обычные сибиряки, профессора таежного дела. А Гергердт, в 15 лет прибывший на этот берег, через пять лет женился на хантыйке из местного стойбища. Они породили вот невесту Мартина и еще дочь, которая учится в Ханты-Мансийске в медицинском училище. Они тоже и не немцы, и не ханты, и не русские, а сибиряки, которые не знают путем, где Германия и даже Россия, но хорошо знают Сибирь, откуда их ничто не заставит уехать.

— Вот и получилось, — продолжал Артур Иванович, — что мы стали жить по-коммунистически, по Карлу Марксу, и в большем достатке, чем все живущие вокруг нас, и, пожалуй, лучше, чем немцы в своей Германии. Конечно, колхозный план мы выполняем, но все остальное, что сверх него, это наше, деревенское, коммунистическое. — Артур Иванович остановился, подумал и сказал: — Воистину, русская пословица справедлива: худа без добра не бывает. У нас все есть. Природа здесь очень богата, умею только ей пользоваться. Мы ее всем миром охраняем, и очень не хотелось бы, чтобы кто-то нарушил ее и нашу жизнь при коммунизме. Так давайте выпьем за то, чтобы вы не нашли здесь нефть и оставили этот Богом любимый уголок тайги в покое.

Артур Иванович вновь сам налил всем по полстакана.

Опять разошлись поздно. Артур Иванович и Гергердт, загадочно улыбаясь, пригласили всех завтра побывать на особом празднике деревни. Я был еще более раздосадован, чем прежде. Это уже будет пятый день нашего простоя, а я ничего не могу противопоставить гостеприимству сибиряков...

Назавтра Гергердт потянул нас в деревню. В центре на небольшой площади горел громадный костер, вокруг которого прыгали три шамана, ударяя колотушками в бубны. Метрах в двадцати от костра стоял чум из жердей, покрытый наполовину оленьими шкурами, а в центре его восседал за столом медведь, держа лапу на листе бересты. Народ подтягивался, и кое-кто из детей и молодежи подключался к шаманам. Они топтались вокруг костра и громко просили медведя, прокурора тайги, не наказывать их за какие-то нарушения в лесу, известные только танцующим. На железном тагане варилось медвежье мясо. Через полчаса парни-охотники стали вытаскивать его из котла и раскладывать на нескольких больших блюдах. После этого они начали зазывать всех отведать медвежатины. Каждому в кружку наливали настоящее пиво. Около костра было уже шесть шаманов с бубнами, исполнявших какие-то непонятные танцы и песни, а около них человек пятьдесят повторяли их движения и подпевали. Это были и немцы, и ханты. Те, кто получил пиво, часть его из кружки плескали в костер. Как мне потом пояснили, этим они задабривали таежных духов и прокурора тайги. А прокурор сидел и спокойно смотрел на толпу, оскалив зубы. Перед ним на столе в мисках стояла брусника, клюква, варенье, мед — самые любимые медвежки лакомства. Потом вдруг вся пляшущая толпа оказалась в самых разнообразных масках и все еще пуще начали бесноваться.

Минут через двадцать неожиданно наступила тишина и мы услышали скрипку. Это был «Реквием» Моцарта, звучащий из открытой форточки ближайшей избы. Было видно, что около окна тепло одетая девчонка играла на скрипке. Все сняли маски и разом стали кланяться прокурору тайги, сидящему в чуме. Показывая свои лица мишке, люди хотели сказать, что они не хитрят и с открытыми лицами просят у него прощения.

Через три часа праздник прекратился и толпа стала расходиться. Наши рабочие, Васька Примак и я еще стояли, буквально потрясенные увиденным. Никто из нас нигде в Сибири ничего подобного не встречал. Я только от кого-то слышал, что ханты исполняли какие-то ритуалы по случаю удачной охоты, но в советское время это все преследовалось, и они даже аборигенами тайги были забыты. А здесь же, в этой деревне, мы увидели, как сибиряки немецко-хантыйского происхождения традицию возродили и создали свой ритуал с музыкой Моцарта, в котором шаманили пять немцев и один хант.

В толпе было человек пятнадцать хантов — мужчин, женщин, детей, — прибывших на праздник на пяти оленьих упряжках из ближайших стойбищ. Они были в ярких национальных одеждах, активно участвовали в танцах, и видно было, с каким удовольствием они общались с деревенскими жителями.

Вскоре нас нашел Гергердт. Он видел наши восхищенные лица и был рад, что мы получили удовольствие от этого неожиданного праздника. Гергердт сказал, что такой праздник они проводят зимой только раз и только тогда, когда кто-либо из деревенских добудет медведя на промысловой охоте. Этот ритуал, как он отметил, они завели лет десять назад, когда его вторая дочь уговорила односельчан создать этот праздник, ставший теперь уже обычаем деревни. Она сейчас заканчивает педагогическое училище в Ханты-Мансийске и со следующего года собирается преподавать в начальной школе в колхозе «Путь к коммунизму».

— Ну, а теперь, парни, вы увидели, — обратился Гергердт к нам, — как мы по Марксу живем и сейчас только радуемся жизни. И, конечно, мы боимся таких, как вы, ищущих нефть. Найдете нефть — и этот райский уголок будет разрушен. Ладно, не будем говорить о печальном, — закончил Гергердт.

Здесь я не удержался и спросил:

— А почему угощали всех пивом, а не шнапсом?

— А один из наших старых немцев умеет делать хорошее пиво и делает его только к этому празднику. Девочка исполняет «Реквием» Моцарта, чтобы сибиряки немецкого происхождения не забывали, откуда они, а пиво им напомнит, что они прибыли из Германии в Россию при Екатерине II, а в Сибирь при Сталине.

— Ну, хорошо, — не успокаивался я. — Но чтобы приготовить свежее пиво к этому празднику, надо было знать, когда он состоится. Ведь медведя парни добыли всего лишь два дня назад.

— Ну, это совсем просто, — ответил Гергердт. — Парни, когда нашли берлогу, выехали из тайги и заказали этому мастеру сделать две рогатины. На всякий случай — помня Александра Суворова: пуля — дура, а штык — молодец. И тогда они с мастером обсудили, когда будут брать медведя, а он начнет готовить пиво. Вот так, все очень просто.

Вернулись домой. Пришли охотники, появился Артур Иванович, и мы дружно завершили праздник поздно вечером. Я попросил Линду разбудить нас утром вовремя и был настроен, чтобы более никакие внешние обстоятельства не помешали нашей работе.

Расставаясь, я спросил у Артура Ивановича и Гергердта, не хотят ли они вернуться на свою историческую родину, ведь немцев уже давно реабилитировали и власти разрешили даже выезд в Германию, которую их прадеды покинули 200 лет назад.

Артур Иванович, совершенно не задумываясь, ответил:

— Куда мы поедем? А нас ждут ли там? Наша родина теперь Сибирь, и наши дети отсюда никуда не поедут. Они же настоящие сибиряки!

— Ну и последний вопрос, который меня мучает с первых дней знакомства с вами. Мы выпили всю самогонку, которая приготовлена была на свадьбу. Нам как-то неудобно, и я настаиваю на том, что нам надо рассчитаться.

Гергердт улыбнулся и ответил:

— Не бери в голову, самогонка — это ерунда. Нагоним новую. А вот то, что вы увидели жизнь новых сибиряков, мы этому очень рады. И задам я тебе встречный вопрос: а почему ты не возвращаешься к себе на родину — за Урал?

Неожиданный вопрос застал меня врасплох.

— Надо подумать.

— А думать не надо, — ответил Гергердт. — Если бы тебе было здесь плохо, ты давно уже слинял бы отсюда. А? Как я лихо ответил за тебя? Вот так-то!

Мы с удовольствием пожали друг другу руки и пожелали спокойной ночи.

Через две недели мы расстались, и я до сих пор помню этих сибиряков немецко-хантыйского происхождения. Сейчас их тайга частью сожжена, частью вырублена, повсюду замазучена, и вспыхнувший костер новой цивилизации погас, залитый нефтью. Сибиряки из немцев разбрелись по свету. И только, как в сказках, деды рассказывают своим внукам о коммунизме в дебрях сибирской тайги, созданном ими когда-то «по Марксу».

Алексей ГОРШЕНИН

ВОСПЕВАЯ И СЛАВЯ ЖИЗНЬ

К 100-летию со дня рождения И. М. Лаврова

Большинству нынешних читателей, особенно молодых, имя новосибирского прозаика Ильи Лаврова мало что говорит. А ведь полвека назад было оно постоянно на слуху, произведения И. Лаврова вызывали устойчивый интерес, имели серьезный читательский успех. Правда, критика оценивала его творчество противоречиво, однако не обходила молчанием. Но ныне приходится с сожалением констатировать, что «трава забвения» не пощадила этого замечательного писателя — как многие его талантливые современники, он также пополнил печальные ряды «забытых литературных имен».

Илья Михайлович Лавров родился в 1917 г. на окраине Новосибирска (тогда еще Новониколаевска) — в Закаменке, в семье извозчика. Позже семья переселилась ближе к центру города. «Дом стоял на Бийской улице (нынешняя Депутатская. — А. Г.). Наш квартал одним концом выходил к базару, а другим — по Бийскому спуску — к речке Каменке», — напишет десятилетия спустя И. Лавров в автобиографическом романе «Мои бессонные ночи», точно обозначая географические координаты своего детства. Из этой же книги читатель узнает и многие красочные подробности той поры — чаще грустные и печальные, а то и вовсе драматичные.

Жизнь Илье, его пятерым братьям и сестрам и их матери, женщине кроткой,

забитой и набожной, отравлял глава семьи Михаил Лавров — деспот и самодур, стяжатель и буян. В атмосфере беспредельного произвола отца пройдет все детство И. Лаврова. А с облегчением он вздохнет только тогда, когда окажется за стенами родного дома, в «свободном полете».

В школе И. Лавров учился плохо, особенно по точным предметам. С учителями он «характером не сошелся» и в восьмом классе был из школы исключен. Но фортуна была к нему благосклонна. Как раз в это время театральный техникум при Новосибирском театре юного зрителя осуществлял набор. Илья пошел попытать счастья, и оно ему улыбнулось: его приняли. С 1933 по 1936 г. он осваивает актерскую профессию. И мечтает быстрее вырваться на простор большой жизни. «Я учился в театре, а сердце рвалось в дорогу, в неведомое, к людям!.. После окончания театрального техникума в 1936 г. я с жадностью бросился на эти дороги»¹.

А они пролегли по многим городам и весям Советского Союза. За полтора десятилетия профессиональной актерской деятельности И. Лаврову довелось выступать в театрах Новокузнецка, Нальчика, Пятигорска, Кисловодска, Фер-

¹ Лавров И. Об истоках книг // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 121.

Илья Михайлович Лавров

ганы, Коканда, Намангана, Андижана, Саратова, Нарыма, Томска, Читы...

Театр театром, но мучило, не давало покоя другое — «томление по слову, по образу», «тоска по своей книге». И все хуже становилось И. Лаврову в «замкнутом закулисном мире»².

Любовь к художественному слову И. Лавров испытал еще в раннем детстве. В первую очередь под влиянием старшего брата Саши (в Великую Отечественную войну Александр Лавров погиб под Ленинградом. — А. Г.). Влюбленный в литературу, он и Илью к ней приохотил — затаив дыхание тот слушал рассказы брата о жизни и гибели Пушкина, Лермонтова, Байрона... Саша первым у Ильи и сочинительский дар обнаружил. По его совету третьеклассник Илья отправил в издававшийся тогда в Новосибирске детский журнал «Товарищ» свое стихотворение «Солнце». В 1928 г. оно было напечатано.

Однако настоящий дебют состоится много позже, когда за плечами будут уже годы актерской жизни с постоянными разъездами, новыми впечатлениями, которые все сильнее и настойчивей рвались на бумагу. И. Лавров записывал их в блокноты. Пытался писать рассказы, повести, которые сразу же потом рвал и

выбрасывал, никому их не показывая. По собственному признанию, «назначил себе десять лет тренировки и писал только для себя»³.

Первый рассказ И. Лаврова «В родном краю» появился в 1953 г. в саратовском альманахе «Новая Волга». К этому времени Лавров переехал из Саратова в Читы. Там в альманахе «Забайкалье» были напечатаны его рассказы «Дом среди сосен» и «Выигрыш». Эти публикации

писатель и считал истинным началом своего литературного пути.

А «дальше все пошло быстро, одним порывом»⁴, — вспоминал И. Лавров. В Чите в 1955 г. вышел первый сборник рассказов «Ночные сторожа». А дальше...

Счастливым и поворотным в судьбе писателя стал 1956 г. Сначала в Чите появилась его книга «Синий колодец», а следом в Москве — «Несмолкающая песня». В том же 1956-м И. Лавров отправился в столицу на III Всесоюзное совещание молодых писателей, по рекомендации которого был принят в Союз писателей СССР. «И я распрощался с театром, сказав ему последнее “люблю” в повести об актерах “Девочка и рябина”»⁵.

Впрочем, это не совсем так. К теме театра И. Лавров еще не раз возвращался в своем творчестве. В рассказе «Веселый сказочник», например, ряде других произведений. Другое дело, что сценические подмостки И. Лавров действительно оставил и в 1957 г. окончательно и бесповоротно перешел на литературную работу, которой отдал всю оставшуюся жизнь.

С чем же шел тогда к читателям И. Лавров? Да прежде всего — со своим голосом, интонацией, взглядом на окру-

² Лавров И. Об истоках книг // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 121.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 122.

⁵ Там же.

жающий мир, на происходящее вокруг, а главное — своим видением и пониманием человека.

Те первые книги (читинские и московская) задали тональность всему творчеству И. Лаврова. Они светлы, полны неумолчного шума жизни, неизбывной доброты, прозрачной грусти, нежности и любви ко всему существу в нашем мире. Их персонажи — ночные сторожа, парикмахеры, провинциальные актеры, учителя, речники, лесорубы, геологи, вырвавшиеся на простор большой жизни молодые люди, дети — взяты писателем из самой гущи жизни такими, какими он увидел и почувствовал их — тонкими и сложными, способными на глубокие чувства. И очень обижало И. Лаврова отношение к ним как к «винтикам» и «пыли людской»:

Я всегда внутренне протестовал, когда некоторые критики называли моих героев «маленькими людьми». Да разве может быть «маленьким» человек с глазами поэта? Воспринимающий мир как художник? Конечно, на фоне твердокаменных, напористых до нахальности, все подминающих под себя, говорящих лозунгами «героев» мои люди-художники выглядели пассивными созерцателями... Нет, они не были такими. Это были просто живые, обычные люди. Я не хотел делать из них героев, я лишь хотел, чтобы они жили и дышали на страницах книги⁶.

В общем, уже с первых шагов на литературном поприще И. Лавров задался целью писать «о жизни, как она есть» (В. Сапожников) и придерживался этого творческого принципа неукоснительно, вызывая раздражение многих тогдашних критиков и деятелей от литературы. Впоследствии, уже известным писателем, И. Лавров вспоминал о годах своей литературной молодости:

Моя молодость — это пятилетки, строительство социализма, ураган Второй мировой войны, множество всяких труд-

ностей, нужда, напряжение борьбы. Обо всем хотелось написать. И я писал. Но то, что получалось, настолько противоречило бездумному бодрячеству, «идеальным» героям, сладенькой лжи бесконфликтности, что перестраховщики возвращали мне рукописи⁷.

Но и то, что удавалось ему публиковать, вызывало ожесточенную, порой до прямо противоположных мнений, полемику. Молодому писателю от такого разнобоя впору было растеряться. Но И. Лавров уже успел утвердиться в своей правоте. «Стальные», мертворожденные герои-схемы, — признавался он, — так опротивели, что я ринулся к самому обычному человеку, которого и считаю настоящим творцом и героем нашей жизни». И приводил в подтверждение сборник «Несмолкающая песня», вобравший лучшее, написанное им к середине 1950-х гг.: «Эта книга всем своим смыслом, духом, подтекстом, выбором героев направлена против казенных, парадных книг...»⁸

Читатели позицию И. Лаврова разделяли, и это вдохновляло, давало силы. В том числе противостоять тем, кто в начале творческого пути обвинял писателя в «мелкотемье», «приземленном бытовизме», в уходе от социалистической действительности и магистральных дорог советской литературы.

«Уходил» И. Лавров, по счастью, не один, а в прекрасной компании, где блистали М. Пришвин, Г. Паустовский, Ю. Казаков, В. Солоухин, Ф. Искандер... Уходил, продолжая и развивая добрые литературно-художественные традиции И. Тургенева, И. Бунина. Уходил от ложного пафоса, плакатного героизма и риторики официозного соцреализма к извечным и подлинным человеческим ценностям, которые чаще всего и обнаруживаются в обыденной жизни.

⁶ Лавров И. Об истоках книг // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 123.

⁷ Там же, с. 122.

⁸ Там же.

В этой естественной для них среде И. Лавров и показывает своих героев, которые любят, страдают, ищут ответы на духовные, нравственные (да и социальные тоже) вопросы, касающиеся самых разных сторон бытия. И прежде всего — взаимоотношений человека с окружающим миром.

А камертоном, по которому настраиваются и которым поверяются эти отношения, становится у И. Лаврова любовь.

Любви у него не только «все возрасты», но и люди самого разного внутреннего содержания «покорны». Даже те, кто, казалось бы, надежно защищен от всепроникающего воздействия любовного излучения.

Как, например, главный герой рассказа «Ночные сторожа» Ефим. Дожив до седых волос без любви, он душевно обеднел, очерствел и ожесточился в отношениях с людьми. Но любовь в конце концов настигает и его — в лице простой женщины, немолодой уже напарницы по ночным дежурствам в центральном городском парке, где они оба работают. И происходит настоящее чудо. Ефим рядом с Варварой светлеет, добреет, смягчается душой, начинает смотреть на мир ее глазами, видеть и ощущать разлитую вокруг красоту. И хотя сама эта любовная история не получает продолжения (Варвара вскоре уезжает насовсем к мужу на целину), возникшее в душе Ефима чувство оставляет глубокий след и запускает в нем процесс духовного перерождения. Любовь «вызвала к жизни все то лучшее, что было дано ему от природы»⁹.

Нечто подобное происходит и в рассказе «Не уходите!». Недолгая встреча главного героя Чибисова со случайной попутчицей Лизой в поезде дальнего следования возвращает его из душевной спячки. Затаенная драма этой женщины (автором так и не названная, оставшаяся

за кадром) вызывает душевное соучастие, а с ним и неожиданный прилив нежности и смутной надежды на взаимное счастье. Вместе с тем встреча с Лизой заставляет Чибисова по-новому взглянуть на себя и свою жизнь. Когда Лиза подъехала к своей станции, Чибисов вышел на перрон ее проводить:

Чибисов взял за плечи, повернул ее к себе. Некоторое время они растерянно смотрели друг на друга. Слепые от нежности глаза Чибисова стали влажными, а у нее испуганными и настороженными... Большой ладонью он погладил ее маленькую руку в замшевой черной перчатке, и она не отняла руки...

— Прощайте, — сказала она. — Прощайте. — И как-то нерешительно, словно ожидая, что он окликнет ее, двинулась вдоль поезда...

Поезд с Чибисовым двинулся дальше, а он «сидел на полке, где прошлую ночь спала Лиза, и чувствовал себя жалким и старым. Ему казалось, что он все потерял, не удержав ее». Но И. Лаврова, оптимиста по мироощущению, такой пессимистический финал не устраивает. И рассказ заканчивается куда более обнадеживающей фразой: «Ему (Чибисову. — А. Г.) и в голову не приходило, что за этот день он разбогател, как богатеет разбуженный, увидев мир».

Способность глубоко чувствовать своего героя и с ювелирной точностью передавать состояние его души уже в начале литературного пути становится важной чертой художнического стиля И. Лаврова. Красноречивым тому подтверждением может служить еще один рассказ, написанный им в середине 1950-х гг., — «Крылышко».

«Крылышком» за ее порывистую стремительность прозвал маленькую героиню рассказа Катюшу ее папа. Она в той поре, когда весь мир кажется ей удивительно прекрасным и бесконечно добрым. У нее в этом мире есть все для счастья: любимые мама с папой, замечательная подруга, дом, окна которого

⁹ Шапошников В. Щедрое сердце // В. Шапошников. Государственные люди. — Новосибирск, 1979, с. 160.

выходят в сад... Но однажды эта гармония из-за разлада между родителями нарушается: мама уходит от папы к другому человеку, забирая Крылышко с собой. Катюша продолжает любить их обоих, они по-прежнему для нее нечто единосущное и нераздельное, и от этого девочке вдвойне тяжело. Разрыв отношений кровно близких людей писатель показывает глазами Катюши, пропускает через ее сердечное смятение, отчего и читателями ситуация воспринимается с особой обостренностью. Вполне заурядный семейный конфликт И. Лавров сумел превратить в напряженную психологическую драму, переданную в то же время с большой поэтической силой.

«Крылышко» — далеко не единственное у Лаврова произведение, где одна из центральных фигур — ребенок. Со временем писатель создаст множество прекрасных детских образов. Это и Дашенька из повести «Дорога в Петушки», и Коля из рассказа «Дни ветров и метелей», и Сережа из «Поэмы о родственниках и пельменях», и Ромка из повести «Обитатели Медвежьей ложбины», и еще многие другие юные персонажи, написанные И. Лавровым с большой теплотой и удивительным знанием ребячьей психологии. Будет И. Лавров писать и специально для детей, о чем свидетельствует его книга «Похождения Васи Кривёнка» и многочисленные публикации в журнале «Пионер» и других детских изданиях. Но рассказ «Крылышко» станет отправной точкой «детской» линии в творчестве писателя — чрезвычайно для него важной и близкой.

Характерной чертой художественного стиля И. Лаврова становится и его пристальное внимание к мельчайшим деталям и подробностям окружающего бытия. «Жизнь волшебна в своих подробностях», — заявлял он в одной из миниатюр. И как очень немногие из писателей умел через крохотный штрих, нюанс, через самую, казалось бы, незначи-

тельную крупинку жизненной круговерти увидеть и запечатлеть в объеме и многомерности как мир вокруг, так и состояние человека в его контексте. При этом любая подробность у И. Лаврова остается индивидуальной, неповторимой и хорошо различимой в едином потоке бытия.

Робко моросил реденький и теплый дождичек, из тьмы вылетали мокрые желтые листья, шлепались в лицо. Негромко плескались и позванивали в водосточных трубах скудные струйки. О крышу и стену дома невнятно скреблись и толкались со всех сторон ветви кленов. Невидимая во мраке, тихонько и беспечно смеялась парочка. Слегка пахло сырым песком, намокшими заборами, опавшими листьями и ванилью: где-то пекли пироги. Ветер дул слабо и мягко — так дуют на блюде с горячим чаем. Осторожно кропили лицо мелкие дождинки. И в лад со всем этим плыл задумчивый сиплый голос:

— Выхожу один я на дорогу...

Все это вместе составляло осеннюю ночь. И думалось, что ей не будет конца. И эта ночь, и эта песня, и этот голос всегда будут повторяться — они вечные.

Слыша свой голос из репродуктора, передающего трансляцию его давнишнего концерта, осязая осенние запахи, главный герой рассказа «Несмолкающая песня» певец Стогов, тяжело болеющий после неудачной операции, чувствует вдруг прилив бодрости, сил и покинувшей было его надежды на лучший исход.

Таких картин окружающего мира, полных красок, звуков, запахов, в произведениях И. Лаврова очень много. И каждая из них наводит на мысль, что написать их мог только тонкий живописец с душой поэта. И. Лавров и был им — поэтом и живописцем слова, тонким лириком и жизнелюбивым романтиком.

С особой, пожалуй, силой и яркостью качества эти проявились в 1960-е гг., когда выходят у И. Лаврова рассказы и повести «Веселый сказочник», «Кудлатая хорошая собака», «Девочка и рябина», «Мне кричат журавли», «Сопутники», «Встреча с чудом», являвшие собой очень характер-

ную для тех лет лирико-романтическую прозу. С той, может быть, только разницей, что у И. Лаврова «всё, даже малейшие душевные движения, выражены как подъем, как вспышка, как взрыв»¹⁰.

Чему красноречивым подтверждением может служить одно из лучших и самых известных произведений И. Лаврова — повесть «Встреча с чудом», рассказывающая о сестрах-близнецах Асе и Славке, грезящих морем и мечтающих стать штурманами дальнего плавания. Окончив школу, девушки устремляются в головокружительное для них путешествие к берегу Тихого океана, чтобы поступить в морское училище. Путь близняшек к мечте окажется неблизким и непростым, с неожиданными поворотами, приключениями, встречами, познанием огромного мира с его главной ценностью — добрыми красивыми людьми:

Сколько на земле красивых людей! Вот промелькнула девушка в белом. Зубы ее вонзаются в красное яблоко. Губы ее обрызганы соком. Глаза распахнуты, они, казалось, могут смотреть на солнце. Она легкая, гибкая, точно плясунья. Платье вьется, едва поспекает за ней... Мне на миг померещилось, что она скользит над землей. А вот и юноша. Плечи его загребают ветер. Дымом клубятся волосы. Упрямые ноги могут обжать земной шар. Он смеется, и зубы его вспыхивают.

Автор оставляет сестер, когда они уже на пороге своей цели и не остается сомнений, что своего добьются. Но, по мнению критика Н. Яновского, суть повести не только в этом. Она еще и «в том, что они (Ася и Славка. — А. Г.) повстречались в пути с чудом времени»¹¹.

Впрочем, сам автор, называя эту повесть «Встреча с чудом», имел в виду не только время, но и вообще нашу жизнь. Говоря о себе и своем творчестве, И. Лавров признавался: «Я всегда воспринимал жизнь как чудо и верил, что

наша обыкновенная жизнь и есть необыкновенное счастье. Вот это восприятие, эта поэзия окружающего и легли в основу всех моих книг»¹². Так что заголовок повести — не просто яркий метафорический образ. В нем отображено и собственное, авторское, восприятие жизни.

Восприятие это определило и жизнеутверждающий пафос произведений И. Лаврова, в том числе и повести «Встреча с чудом». Увидев свет на пороге 1960-х гг., она оказалась очень созвучной своему времени, отмеченному «хрущевской оттепелью» и всплеском романтических настроений у тогдашней молодежи. Наверное, поэтому история сестер-близнецов, вчерашних школьниц, отправившихся в самостоятельный путь по житейскому морю, легла на благодатную почву — насыщенная лиризмом, бурным жизнелюбием, богатством настроений и чувств, красочными образами, повесть эта вызвала огромный читательский интерес. Она неоднократно переиздавалась, переводилась на иностранные языки, выходила в «Роман-газете» тиражом в несколько миллионов экземпляров. По ней был поставлен радиоспектакль, снят художественный фильм «Дорога к морю», а известный советский композитор Дмитрий Кабалевский по ее мотивам даже написал оперу «Сестры».

Романтизм и лирическая взволнованность, эмоциональная приподнятость и доверительность, живописность и музыкальность всегда отличали прозу И. Лаврова. Но все это, повторюсь, опиралось у него на прочный реалистический фундамент, на реальную, а не выдуманную, не эфемерную, или, как нынче сказали бы, виртуальную, жизнь. И повесть «Встреча с чудом» — не исключение. А ее лирико-романтическая атмосфера только ярче и сильнее высвечивает реалии бытия, а с ними и авторское неприятие корыстолюбия, стяжательства, эгоизма, воинству-

¹⁰ Яновский Н. О прозе И. Лаврова // Листопад в декабре. — Новосибирск, 1988, с. 12.

¹¹ Там же, с. 13.

¹² Лавров И. Об истоках книг // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 123.

ющего мещанства, которым наполнены страницы и этой повести, и многих других произведений И. Лаврова.

Острые проблемы современного ему бытия И. Лавров тоже не игнорировал, не обходил стороной, но реагировал на них, опять же, своими, лирическими, средствами. Хорошо видно это на примере более поздней его повести «Обитатели Медвежьей ложбины». Повседневная и малоинтересная, казалось бы, жизнь садоводческого товарищества передана писателем живо, сочно и увлекательно. Среди членов дачного кооператива прозаик разглядел и колоритные характеры, и оригинальные типажи. И поднял при этом важные экологические проблемы (герои повести ведут борьбу за свой зеленый островок, который вот-вот проглотит расположившийся неподалеку на городской окраине завод-монстр).

Конечно, ныне, в начале XXI века, на садово-дачные дела и заботы мы смотрим несколько по-иному и кое-что в повести «Обитатели Медвежьей ложбины» кажется устарелым, даже откровенно наивным, но при своем появлении в середине 70-х она попала в самую точку, потому и была тепло встречена читателями и критикой.

Природа и человек, человек перед лицом природы, природа как таковая... Все, что касалось природы, И. Лаврова волновало всегда. С младых ногтей природу он любил самозабвенно и преданно. Она занимала в его жизни, по собственному признанию, «одно из главных мест». Да, собственно, он и сам был неотделимой и органичной ее частью, что раз за разом доказывал в своих произведениях. Так, в миниатюре «Завещание» И. Лавров писал:

Я сейчас листаю свои книги и спрашиваю у них: «Кто же я?» И книги отвечают: «Ты — это летние дождики, ты — это листопады и лунные полночи, росы на травах и кукушки на рассвете, любовь и отчаяние, молодость и дороги, хруст прозрачного ледка и бурлящие речки». Вот в таком виде я и буду приходить к вам...

Именно от нее, природы, прежде всего и шло восприятие И. Лавровым «жизни как чуда». «Я открывал чудо и весны, и лета, и осени, и зимы»¹³, а эти «открытия» обретали потом свою художественную жизнь в произведениях писателя. Ну а поскольку И. Лаврову довелось побывать во многих уголках нашей огромной страны, то и картины природы у него самые разные.

Но ярче, глубже, насыщенней, величественней всего изображена у И. Лаврова природа сибирская, которая становится в его творчестве этакой сквозной и связующей лирической героиней. А в повести «Печаль последней навигации», рассказах «Шумела Обь, текла», «Дорога в Петушки» И. Лавров впервые в нашей литературе создал цельный и прекрасный образ великой сибирской реки Оби.

Живописуя природу, И. Лавров проявлял себя замечательным мастером словесного пейзажа. Но запечатленные им картины полны не только красочного разноцветья, многообразия звуков, запахов. Они еще и, как правило, насыщены глубоким смыслом и подтекстом, а подчас и остро драматичны. Как, например, в рассказе «Алая осинка».

Маленькая осинка в березово-осиновой роище трепещет на осеннем ветру в предчувствии своего конца. «Главная беда осинки заключалась в том, что вся роща была желтой, а она — алой. Так и пылала на ветру, яркая, огневая. Люди останавливались, смотрели на нее, тянули к ней цепкие, сучковатые руки, срывали красные листья, обламывали даже веточки и ахали, называя человеческим именем “красавица”».

Но красота не доставляла осинке радости. Она боялась, что алые листья, которыми она выделялась из всей остальной рощи, ее и погубят. Поэтому с нетерпением ждала, когда ветер сорвет их и сде-

¹³ Лавров И. Об истоках книг // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 120.

лает ее неотличимой от других деревьев. И дождалась, однажды ночью лишившись наконец-то своих алых листьев и став голой, как все. Но это не спасло ее. В компании таких же безликих подруг она все равно погибла — только под колесами грузовика: «Колдобину, полную воды, завалили осинками, и чудовище, выдыхая бензиновый угар, с ревом перемололо их колесами...»

В рассказе «Алая осинка» слышна переключка с повестью «Обитатели Медвежьей ложбины». (Они и написаны примерно в одно время.) И там и там звучит мысль о том, что страшнее всего для природы — холодный бездушный человеческий прагматизм, в котором нет места красоте и гармонии.

Интересен в этом рассказе и образ алой осинки, ассоциирующийся с юной мятущейся девушкой, которой и страшно, и хочется вырваться из привычного круга обитания, чтобы за его пределами увидеть другой мир. И характер девушки-осинки, и ее смятение переданы писателем психологически настолько достоверно, что забываешь о метафоричности этого образа.

Свое умение воссоздавать и передавать характеры не только человеческие И. Лавров демонстрирует и в рассказе «Прекрасный Цезарь», героем которого является гордый и неприступный красавец сеттер, терпеливо ожидающий возвращения ушедшего на фронт хозяина. Никто из людей вокруг него уже не верит, что это произойдет, но чудо случается — пес и хозяин находят друг друга. А рассказ превращается в настоящий гимн верности и преданности братьев наших меньших.

И. Лавров много и плодотворно работал в жанрах малой прозы — небольшой повести, рассказа, миниатюры, но осваивал и жанры более масштабные. Есть в творческом багаже писателя такие «крупногабаритные» вещи, как романы «Штормовое предупреждение» и «Мои бессонные ночи», где писатель доказы-

вал, что ему, лирику-спринтеру, хватало дыхания и на дальние прозаические дистанции.

О тетралогии «Мои бессонные ночи» следует сказать особо. Писатель обозначил ее как «роман-воспоминание». Многие годы она складывалась из автобиографических повествований, отображающих разные периоды жизни И. Лаврова. А вспомнить ему было что. Ведь на его, ровесника Октябрьской революции, глазах проходило становление советского государства. Не случайно отблеск истории лежит почти на каждой странице романа.

Совершенно естественно, что в это повествование «о времени и о себе» органично входит тема становления художника, его места в жизни общества — тема, для самого И. Лаврова кровно близкая. Роман «Мои бессонные ночи» интересен как раз еще и тем, что позволяет увидеть и ощутить истоки и источники формирования творческой личности героя-рассказчика и одновременно автора произведения, а с другой стороны — окунуться в атмосферу литературной жизни конца 40-х — начала 60-х гг.

Следует отметить еще одну характерную для этого произведения особенность. Одним из полноправных и полнокровных героев эпопеи стал Новосибирск. И. Лавров очень любил родной город и с большой теплотой и душевностью писал о нем, посвящая ему в романе многие страницы и целые главы. Под пером автора «Моих бессонных ночей» перед читателями встает настолько же реалистичный и точный в деталях и подробностях, насколько и лирико-романтический образ юного города, символизировавшего собою новую, устремленную в будущее Сибирь. Образ живой, динамичный, данный в исторической перспективе и развитии. Писатель рассказывает о нем как о близком человеке, верном своем спутнике жизни и ориентире, который не давал ему сбиться с верного пути. Образ Новосибирска в

разные годы возникал в творчестве многих писателей-сибиряков, но ни у кого из них не достигал такой художественной яркости, силы и проникновенности, как у И. Лаврова.

Роман «Мои бессонные ночи» насыщен драматизмом. И не приходится тут говорить о пресловутом сгущении красок. Драматична сама судьба героя-рассказчика, которая проходит перед читателем во всех своих изгибах. Вольно или невольно ожидаешь столь же мрачно-пессимистического финала. Однако вопреки всему концовка эпопеи — это чуть ли не восторженное благодарение и ода судьбе:

...Судьба отпустила уже немало... Так скажи ей спасибо за все, чем она одарила тебя. Да, да! Я благодарю судьбу за встреченных людей, за все любви и дружбы, подаренные мне. За все измены, разлуки и радости, обогатившие мои чувства, за все мои зимы, весны и осени, за весь трудный путь к задуманному, за то, что я родился в этой стране, за написанные книги, которые держатся на любви и восхищении...

Парадокс? Или то самое «бездумное бодрячество», против которого всегда выступал И. Лавров? Скорее следствие все того же восприятия жизни как чуда, которое подвигает Лаврова-художника убеждать читателей, что вопреки всем бедам и невзгодам жизнь все-таки прекрасна.

«Нужно не просто описывать жизнь, а воспевать ее, — писал И. Лавров, оглядываясь на свой творческий путь. — Тот не художник, который не может видеть поэзию жизни. А жизнь наша полна красоты, как береза соком»¹⁴. И это уже осознанная, выношенная всей жизнью и судьбой художническая позиция И. Лаврова.

В романе «Мои бессонные ночи» И. Лавров завоевывает новые литературные рубежи. Тетралогия становится

серьезным этапом в его творческом развитии. Как справедливо отмечает критик В. Шапошников, Лавров, «оставаясь Лавровым — тонким, проникновенным лириком и психологом, поэтом в прозе, — сумел на этот раз выйти на большие просторы, сумел создать большое эпическое полотно о своем времени и своем поколении»¹⁵.

Иначе говоря, И. Лавров смог успешно соединить в себе лирика и летописца и доказать тем самым, что ему по плечу, в принципе, любые художественные задачи.

«...Необходимо потолкаться среди людей. Ты подумай сам, как мне изображать на сцене тех, кого я не знаю?» — говорит своему товарищу один из персонажей «Девочки и рябины», молодой актер, объясняя причину своего желания уйти из театра и поработать некоторое время в других местах. А вот автору повести не было нужды «толкаться» среди тех, о ком писал. Они были частью его собственной жизни. Поэтому как раз наоборот, признается И. Лавров, «все мои чувства и мысли, все дела и встречи, вся моя жизнь растолкана по рассказам и повестям. Так не стоит говорить о них. Внешне моя жизнь не богата событиями. Все дело в жизни души, в ее тревогах и тоске, в ее ликованиях и откликах на все...»¹⁶

В том числе, кстати, и откликах на собственную литературную работу, которую И. Лавров оценивал строго и объективно. Как настоящий профессионал, он точно знал, что и как ему надо делать, и постоянно совершенствовал и оттачивал свое мастерство. Он упорно работал над каждым словом, фразой и считал, что «язык у писателя — что скрипка у скрипача» и что «каждый имеет только ему присущую фразу, в которой отражена

¹⁴ Лавров И. Об истоках книг // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 123.

¹⁵ Шапошников В. Щедрое сердце // В. Шапошников. Государственные люди. — Новосибирск, 1979, с. 174.

¹⁶ Лавров И. Об истоках книг // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 121.

личность автора». У самого И. Лаврова такая фраза тоже была. В «Рассказе о рассказе» читаем: «Я люблю фразу незаметную, как дыхание, прозрачную, чтобы ее построение не отвлекало своей виртуозностью от мысли, от образа». Заглянув в книги И. Лаврова, мы увидим, что именно такая фраза и является основой его прозаической ткани.

И. Лавров вообще очень много размышлял о природе творчества и тайнах литературной профессии. Размышления эти мы встретим и в «Моих бессонных ночах», и в «Лирическом календаре», ставшем настоящим гимном литературному да и вообще всякому творческому труду, и в ряде рассказов и миниатюр, а «Рассказ о рассказе» и вовсе полностью посвящен технологии литературного труда.

Невольно возникает вопрос: зачем И. Лавров на это тратил столько времени, если и без того прекрасно владел своим ремеслом? Думается, что не для себя он это делал, а скорей для молодой литературной поросли, которой много тогда вокруг него вилось и с которой писатель помногу возился. И. Лавров дал путевку в литературную жизнь целому ряду интересных сибирских прозаиков, в том числе таким ныне хорошо известным писателям, как П. Дедов, М. Щукин, Ю. Чернов...

Всем им И. Лавров еще при жизни преподавал бесценные уроки как литературного мастерства, так и литературного подвижничества. И главным в его науке было глубокое убеждение в том, что искусство «рождается из любви и ненависти, из горя и счастья, но только никогда не рождается из равнодушия».

«Я живу, значит, работаю, я работаю, значит, живу», — писал И. Лавров в «Лирическом календаре». И до конца дней своих продолжал много и самоотверженно трудиться на литературной ниве, не мысля без этого своей жизни.

Творческая деятельность И. Лаврова в советские годы была отмечена двумя правительственными наградами: орденом «Знак Почета» и Дружбы народов. И читательской любовью. Чем писатель дорожил больше всего.

17 октября 1982 года Ильи Михайловича Лаврова не стало.

Но остались его книги, выходявшие у нас в стране и за рубежом: в Италии, Германии, Польше, Венгрии, Чехословакии, Болгарии... Остались «бессмертные цветы» (так называется один из рассказов И. Лаврова) его прекрасной прозы, способной и сегодня затронуть самые тонкие струны человеческой души.

Юлия ФЕДОРИЩЕВА

ИЗ НАСЛЕДИЯ ПЕРВОЙ ВСЕСИБИРСКОЙ ВЫСТАВКИ 1927 ГОДА

Развитие художественной жизни Сибири первой трети XX в. в первую очередь связано с Барнаулом, Красноярском, Омском, Томском и Иркутском — центрами сибирского искусства, активно накапливавшими изобразительный опыт и традиции. К середине 1920-х гг. позиции старейших сибирских городов стал стремительно завоевывать и молодой Новониколаевск, ставший привлекательным местом для развития сибирского искусства и выставочной деятельности, для взаимодействия различных творческих групп. Последнее представлялось особенно важным, поскольку мастера разных городов, не ощущая себя частью единого творческого пространства, испытывали все более острую потребность в диалоге и расширении границ общения. Эти настроения художественной среды были подхвачены и отражены обществом «Новая Сибирь», созданным в конце 1925 г. и официально созданным на учредительное собрание 2 января 1926 г. Объединение включило в себя художников А. В. Воцакина, Н. А. Андреева, В. Н. Гуляева, П. И. Ивакина, А. П. Лекаренко, С. Н. Липина, Н. Н. Нагорскую, А. Н. Никулина и других.

Именно в Новосибирске (в который был в 1926 г. переименован Новонико-

лаевск) была организована впечатлявшая своим размахом Первая Всесибирская выставка живописи, скульптуры, графики и архитектуры, организованная в 1927 г. и ставшая, к сожалению, единственным столь масштабным достижением недолго просуществовавшей «Новой Сибири». Передвижная выставка, насчитывавшая около 600 экспонатов, длилась с января по май и широко освещалась прессой; открытие ее состоялось в стенах Новосибирского краеведческого музея, а затем произведения отправились в поездку по сибирским городам, в каждом из которых к основной экспозиции добавлялись местные работы.

Во время новосибирского этапа выставки возникла идея об учреждении в городе картинной галереи, ядром коллекции которой стали бы работы сибирских авторов. Мысль была весьма своевременной: собственными художественными собраниями уже обладали Барнаул, Иркутск, Омск. Для осуществления замысла было решено приобрести наиболее яркие произведения, которые должны были вернуться в Новосибирск по завершении выставки. Однако в действительности с момента ее закрытия в Иркутске до создания картинной галереи в Новосибирске прошло несколько десятилетий: ее

первые экспозиционные залы открылись для посетителей лишь в декабре 1958 г. А работы, закупленные с Первой Всесибирской выставки и хранившиеся все эти годы в краеведческом музее, обрели здесь свое постоянное пристанище еще через несколько лет. К их числу принадлежат полотна «Чалдон» Н. А. Андреева, «Шаманство над больным ребенком» А. В. Воцакина, «Ожидание переправы на Телецком озере» Н. И. Чевалкова. К этой же группе относится и картина А. Н. Никулина «Портрет Г. И. Итыгина».

Вероятно, за давностью лет и по причине частичного пересечения тем в творчестве обоих художников авторство Андрея Николаевича Никулина было определено не сразу: картина (равно как и членство в обществе «Новая Сибирь») приписывалась его однофамильцу — художнику А. О. Никулину. Ошибка была устранена в 2009 г. главным научным сотрудником Новосибирского государственного художественного музея А. Д. Клущиным. При атрибуции им были приняты во внимание каталожные данные и биографические сведения об этих двух авторах. Однако неверные определения по-прежнему встречаются в источниках.

Действительно, Андрей Осипович Никулин (1878—1945) — уроженец Тобольской губернии, выпускник Центрального училища технического рисования А. Л. Штигица, живописец, график и художник кино — в бытность свою преподавателем Боголюбовского рисовального училища в Саратове часто посещал и писал Горный Алтай, искренне любя и тонко понимая его. После революции Никулин жил в Барнауле, а 1923 г. провёл в Новониколаевске, куда был приглашен для оформления сельскохозяйственной выставки и откуда в 1924 г. переехал в Москву.

Андрей Николаевич Никулин (1894—1937) родился в Пермской губернии и был учеником известного сибирского живописца и педагога Д. И. Каратанова. Он работал театральным художником в Красноярске и в 1925 г. переехал в Новониколаевск. Именно он считается организатором объединения «Новая Сибирь». О деятельности А. Н. Никулина в Красноярске упоминает И. М. Давыденко в книге «Художники Красноярска» (1978), где говорит о его участии совместно с Д. И. Каратановым в майской выставке 1925 г. Другие источники дополняют биографию А. Н. Никулина сведениями об окончании им четырех классов гимназии и средней художественной школы в Петрограде.

Портрет Георгия Игнатьевича Итыгина (1873—1928), исполненный Андреем Николаевичем Никулиным, помимо художественной ценности, обладает и ценностью исторической, поскольку изображений этого политического деятеля сохранилось крайне мало. Между тем непростой жизненный путь этого человека свидетельствует о недюжинной силе воли, преданности своему делу, неустанном труде во имя общественной пользы. Г. И. Итыгин родился в селе Чебаки Енисейской губернии в русско-хакасской семье земледельцев, окончил Красноярскую учительскую семинарию в 1892 г. и до 1913 г. работал школьным учителем. В 1913 г. он был назначен заведующим первой железнодорожной школой в Красноярске, что не помешало ему в дополнение к полученному образованию и солидному преподавательскому стажу окончить в 1918 г. еще и Красноярский учительский институт. В 1917-м Итыгин вступил в РСДРП(б), в колчаковский период вел подпольную работу, подвергся аресту и был заключен в красноярскую тюрьму, но через некоторое время выпущен. В конце 1920-го по распоряжению Си-

бирского бюро ЦК РКП(б) он был переведен в аппарат Енисейского губернского исполкома, с 1921 по 1924 г. руководил Хакасской секцией при отделе народного образования и был председателем комиссии по ликвидации бандитизма на юге Енисейской губернии. В 1924—1925 гг. Итыгин исполнял обязанности председателя Хакасского уездного ревкома, первого председателя Хакасского уездного и окружного исполкомов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В 1927 г. он возглавил Совет просвещения национальных меньшинств при Сибирском краевом отделе народного образования в Новосибирске. Г. И. Итыгин скоропостижно скончался 5 декабря 1928 г.

Кроме политической деятельности Георгий Игнатьевич занимался журналистикой, пробовал себя в роли редактора. Под его руководством в 1916—1917 годах выходил ежемесячный педагогический журнал «Сибирская школа», пользовавшийся популярностью; в сибирской периодике печатались его статьи, посвященные проблемам педагогики и социальным вопросам. В зрелые годы, занимая высокие посты, Итыгин продолжал регулярно публиковаться в журнале «Просвещение Сибири». Но главным делом его жизни всегда оставалось образование. Под его началом работала комиссия по созданию хакасского алфавита и составлению первых учебников на хакасском языке; с его помощью организовывались курсы подготовки национальных учительских кадров, открывались национальные школы.

Именно связь портретируемого с его малой родиной стремился подчеркнуть А. Н. Никулин, работая над картиной. Время ее создания — ориентировочно 1920-е гг. Произведение представляет собой полотно вытянутого горизонтального формата с погрудным изображением

человека, показанного крупным планом. Средний план являет собой многоцветное изображение гористой местности и группы людей, сидящих вокруг каменного истукана; вдали выписаны линии гор. О. А. Бабина в статье «Портрет в творчестве А. О. Никулина (1878—1945)» (2011) говорит о сцене камлания, разворачивающейся на втором плане. М. П. Чебодаевой в альбоме «Хакасия в творчестве русских и зарубежных художников XVIII—XX веков» (2014) эта сцена интерпретируется как поклонение богине-матери Улуг Хуртуях Тас (в разных переводах — «большая каменная старуха», «большая каменная женщина», «великая каменная мать») — одному из самых почитаемых божеств в Хакасии. Идол на картине действительно напоминает этот уникальный памятник окуневской культуры III—II тысячелетий до н. э., расположенный в Аскизском районе Хакасии.

Фигура на переднем плане написана в сдержанной цветовой гамме и контрастирует с живописным, празднично трактованным фоном; только зеленый орнамент на воротнике и рукавах изображенного созвучен краскам среднего плана. Лицо человека сурово: между бровей пролегли морщины, губы сжаты, их углы опущены почти скорбно, взгляд направлен не на зрителя, как бы отстраняясь от него. Аскетичность и замкнутость облика в сочетании с массивностью фигуры, визуалью приподнятой над небольшими силуэтами спокойно сидящих людей, создают образ волевого и неподкупного человека. Он одет в национальную хакасскую рубаху, что, вероятно, должно напоминать о его происхождении и общественных интересах. Резко очерченные контуры фигуры противопоставляются мягко написанным бескрайним просторам с хаотично рассеянными по ним камнями и в то же время словно бы обтекаются, погло-

щаются пейзажем — и это красноречиво демонстрирует внутреннее единство персонажа с хакасским народом. Несмотря на контрастность планов, картина создает ощущение цельности пространства и достоверности ситуации. Кажется, будто герой портрета оставил свое место в круге сидящих и приблизился к художнику. Примечательна и уравновешенность композиции, которой достиг автор, расположив фигуру портретируемого справа и каменную скульптуру слева, сопоставляя современность и древность или являя две стороны человеческой природы — рациональную и глубинную иррациональную.

При всем том П. Д. Муратов в работе «Художественная жизнь Сибири» (1974) сдержанно отзывается об этом произведении, говоря о некоторой искусственности в совмещении планов: «В самом деле, погрудное изображение партийного работника Итыгина на фоне пейзажа с каменными бабами выглядит случайным, как моментальная фотография». Можно согласиться с такой точкой зрения, отметив психологи-

ческую разобщенность портретируемого с центральной сценой, его духовную обособленность в контексте картины. Психолого-личностный пласт полотна не читается как доминирующий и отступает перед подчеркнутым социальным мотивом, отвечающим духу времени и требованиям нового искусства. Человек власти стоит на страже беспечного и свободного малого народа, охраняя его интересы, — таковы были представления художника, отражавшие идеологию 20-х гг. В данном контексте в портрете Г. И. Итыгина обнаруживается стремление автора выйти за рамки жанра, попытка достигнуть некоего обобщения.

Сама по себе работа А. Н. Никулина, притягивающая взгляд декоративностью фона, своеобразием композиции и попыткой решения сложной художественной задачи, представляет также и несомненный исторический интерес для исследователя и зрителя, свидетельствуя о видной политической фигуре в истории Хакасии и служа отражением настроений и мыслей своей противоречивой эпохи.

АВТОРЫ НОМЕРА

Горшенин Алексей Валериевич родился в 1946 г. в Ульяновске. Окончил Томский государственный университет. Работал в новосибирских газетах, в журнале «Сибирские огни». Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Октябрь», «Молодая гвардия» и др. Автор книг «Человек среди людей», «Беседы о сибирской литературе» и др. Член Союза писателей России. Живет в Новосибирске.

Денисенко Александр Иванович родился в 1947 г. в с. Мотково Мошковского района Новосибирской области. Учился в Новосибирском педагогическом институте. Работал телеоператором, журналистом в новосибирских газетах, редактором в издательствах «Детская литература», «Мангазея». Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Сибирская горница», «Литературная учеба», «Волга», «Знамя» и др. Автор книг «Аминь» (1990), «Пепел» (2000). Член Союза писателей России. Живет в Новосибирске.

Еселевич Владимир Семенович родился в 1958 г. на прииске Кировск (Красноярский край). Окончил Иркутский медицинский институт. По профессии врач-хирург. Автор книги прозы «Звонок с того света». Публиковался в журнале «Сибирь». Живет в Белореченске (Краснодарский край).

Катерова Татьяна Рудольфовна родилась в 1960 г. в Ленинграде. Окончила Ленинградский институт культуры. Кандидат филологических наук. Работает в Российской национальной библиотеке. Живет в Санкт-Петербурге.

Крюков Владимир Михайлович родился в 1949 г. в селе Пудино Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского университета. Автор ряда поэтических сборников, книги прозы «Мальчик и другие истории», книги воспоминаний «Заметки о нашем времени». Член Союза российских писателей. Живет в селе Тимирязевском под Томском.

Метельков Антон Сергеевич родился в 1984 г. в Новосибирске. Работает библиотекарем в ГПНТБ СО РАН. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Урал», «Наш современник», «Волга» и др. Автор сборника стихов «Футляр» (Новосибирск, 2015). Член Союза писателей России. Живет в Новосибирске.

Муратов Петр Юрьевич родился в 1962 г. в Казани. Окончил Казанский государственный университет. Кандидат биологических наук. Автор книг «Встретимся на «Сковородке»», «Воспоминания о Казанском университете». Живет в Кольцове (Новосибирская область).

Нервин Валентин Михайлович родился в 1955 г. Член Союза российских писателей, автор 12 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им. Н. Лескова (Россия) и им. В. Сосюры (Украина), Международной Лермонтовской премии и др. Стихи переводились на английский, немецкий, румынский, украинский языки. Живет в Воронеже.

Родин Сергей Сергеевич родился в Ленинграде в 1985 г. Окончил Амурский государственный университет. Работает сценаристом. Публиковался в журнале «Уральский следопыт». Живет в Москве.

Рожков Виктор Петрович (1920—2006) родился в Омске. В 1939 г. окончил Одесское мореходное училище. Во время Великой Отечественной войны служил на торпедных катерах. После демобилизации более 20 лет водил по Иртышу и Оби сухогруз СТ-5. Был корреспондентом Омского радио. Автор повестей и романов «За морем — Мангазея», «Киприанов след», «Срочный рейс», «Черный туман» и др.

Романов Андроник Григорьевич родился в 1967 г. в Казахстане. Учился в Карагандинском и Казахском государственных университетах. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор четырех книг стихов и прозы. Публиковался в журналах «Новый мир», «Октябрь» и др. Стихи переведены на английский, французский, арабский языки. Главный редактор журнала «Литература». Живет в Москве.

Седых Владимир Николаевич родился в 1935 г. Доктор биологических наук, много лет занимается изучением лесов. Участвовал во множестве изыскательских, лесоустроительных, научных экспедиций в Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке, в США и Канаде. Автор многих научных работ, в том числе десяти монографий, и очерковой книги «Таксаторы и бичи. Первооткрыватели сибирской тайги». Живет в Новосибирске.

Смолёв Владимир Викторович родился в 1951 г. в пос. Малый Унгут Красноярском. Окончил Московский институт инженеров гражданской авиации. Публиковался в альманахах «Енисей», «Новый енисейский литератор». Живет в селе Нарва Красноярского края.

Федорищева Юлия Владимировна родилась в 1986 г. в Новосибирске. Окончила Новосибирский технический университет и Сибирскую академию государственной службы. Автор двух книг — прозы и стихов. Публиковалась в журнале «Огни Кузбасса», альманахе «Ликбез» и др. Работает в Новосибирском государственном художественном музее. Живет в Новосибирске.

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области
Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел.: (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 5.07.2017 г. Дата выхода № 8 за 2017 г. в свет 25.08.2017 г.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Цена свободная.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.